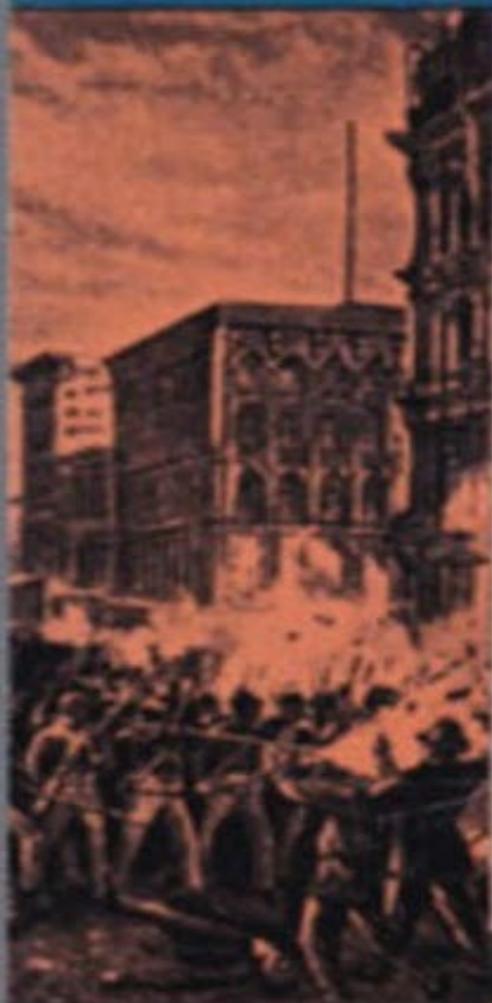

ФОСТЕР

А. Тригорьев

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Эта книга об одном из основателей и руководителей Коммунистической партии Соединенных Штатов Америки, посвятившем свою жизнь борьбе за улучшение условий жизни и труда американских рабочих, за социализм, за дружбу между народами США и Советского Союза.

[Адаптировано для AlReader]

FB2 книгу сделал *mefysto*

- [И. Григорьев](#)
 -
 -
 - [ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ](#)
 - [ДЕТСТВО АМЕРИКАНСКОГО РАБОЧЕГО](#)
 - [ПОД «ЖЕЛЕЗНОЙ» ПЯТОЙ»](#)
 - [НА ПАРУСНИКАХ ВОКРУГ СВЕТА](#)
 - [ЮЖНОАМЕРИКАНСКИЕ](#)
 - [«В БОРЬБЕ ОБРЕТЕШЬ](#)
 - [СВОБОДА СЛОВА —](#)
 - [ВСТРЕЧА С РАБОЧЕЙ ЕВРОПОЙ](#)
 - [СИНДИКАЛИСТСКИЕ ИЛЛЮЗИИ](#)
 - [БИТВА В ДЖУНГЛЯХ](#)
 - [ВЕЛИКАЯ СТАЧКА](#)
 - [СВЕТ ОКТЯБРЯ](#)
 - [«ПРОСПЕРИТИ» — ДЛЯ КОГО?](#)
 - [«НОВЫЕ ВРЕМЕНА»](#)
 - [СМЕРТЕЛЬНАЯ СХВАТКА](#)
 - [АМЕРИКАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ](#)
 - [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ](#)
 - [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)

-
-
-
-
-
-
-
-
-
-

- [КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ](#)
- [INFO](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)

ЖИЗНЬ
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

ОСНОВАНА
В 1933 ГОДУ
М ГОРЬКИМ

ВЫПУСК 15

 (556)

И. Григорьев

ФОСТЕР

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

*

© Издательство «Молодая гвардия», 1975 г.

W. J. Foster

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Мировое коммунистическое движение знает немало замечательных деятелей, вышедших из рядов рабочего класса и посвятивших себя делу борьбы против капиталистического гнета и эксплуатации. Труден, тернист и зачастую трагичен их путь. Их преследуют, лишают работы и средств к существованию, бросают в тюрьмы, пытаются убить. Такие испытания выпали и на долю Уильяма З. Фостера, одного из основателей и руководителей Американской коммунистической партии, посвятившего, по его словам, «все лучшие годы своей жизни участию в строительстве этого великого движения в Соединенных Штатах — цитадели мирового капитализма».

Уильям З. Фостер жил и боролся в сложное и интересное время. Он был свидетелем превращения Соединенных Штатов в сильнейшую капиталистическую державу и великого кризиса 1929 года, под ударами которого эта держава чуть было не рухнула. На его глазах росло и крепло американское профсоюзное движение, его жизнь и деятельность обрели новый смысл с победой Октябрьской социалистической революции в России, он встречался с великим Лениным, был строителем Компартии США, одним из вождей Коминтерна, внес немалую лепту в победу народов над фашизмом, стойко сопротивлялся мертвящему дыханию «холодной войны».

Требовались огромное мужество, глубокие знания, железная убежденность в правоте марксистско-ленинского учения, непоколебимая вера в классовую сознательность американских трудящихся — и всем этим обладал Фостер, — чтобы не сбиться с правильного пути, не сойти в сторону, не спастись под ударами врага, как это случилось с некоторыми из его товарищей по партии, не устоявших перед властью «железной пяты» и вступивших на путь ренегатства и предательства...

Да, Фостер был верным сыном рабочего класса и верным бойцом коммунистической партии, в рядах которой неутомимо сражался на протяжении сорока лет. Но Фостер был еще и великим американским патриотом. Патриотом не в том смысле, как это понимают жрецы капитала. Для них патриотизм означает культ бизнеса, расизма, политического мракобесия и силы, воплощенной в атомной бомбе, в стремлении возвеличить США над миром, подчинить их господству и диктату весь земной шар. Для Фостера же патриотизм означал освобождение

трудящихся от гнета капиталистической эксплуатации, равенство рас и наций, международное сотрудничество и установление дружественных отношений между Соединенными Штатами и Советским Союзом, что гарантировало бы народам избавление от опасностей термоядерной войны.

Фостер посвятил свою жизнь борьбе за улучшение условий жизни и труда американских рабочих, за социализм, за дружбу между народами США и Советского Союза. Он избрал нелегкий путь в жизни. Своей деятельностью он навлек на себя гнев владельцев денежного мешка, его преследовали, бросали в тюрьмы, отдавали под суд, пытались убить, травили и обливали грязью. Но он продолжал идти вперед раз и навсегда избранным путем, не испытывая колебаний или страха. Более того, он был счастлив, как может быть счастлив только коммунист, увверенный в правоте своего дела, отдающий-ему всего себя и черпающий в повседневной борьбе живительную радость и всепобеждающую силу. «С ранней молодости, — признавался Фостер, — я всегда гордился тем, что я рабочий, и непосредственное участие в борьбе рабочего класса дало мне глубокое удовлетворение. Если бы я начал жизнь сначала, я избрал бы этот же путь».

Об Уильяме З. Фостере — человеке, борце, коммунисте — автор рассказывает без домыслов и литературных ухищрений, опираясь на собственные высказывания героя, свидетельства современников и факты классовой борьбы, раздиравшей американское общество на протяжении его двухвековой истории. В книге воспроизводятся малоизвестные воспоминания Фостера о Москве и Петрограде начала 20-х годов, которые напоминают репортажи о революционной России другого замечательного американского коммуниста — Джона Рида.

Автор

ДЕТСТВО АМЕРИКАНСКОГО РАБОЧЕГО

*Устали мы даром трудиться,
Мы мир переделать желаем,
Нам отдыха нет ни минуты,
С рождения мы голодаем.*

Американская рабочая песня

Уильям З. Фостер с семи лет начал работать продавцом газет. Традиционное вступление в жизнь для Америки XIX — первой половины XX века. Сколько миллионеров, банкиров, кинозвезд, кандидатов в президенты и других знаменитых американцев начинали свою карьеру продавцами газет!

Так, по крайней мере, утверждали их биографы, создававшие легенду об Америке как стране равных и неограниченных возможностей для всех: богатых и бедных, фабрикантов и рабочих, помещиков и фермеров, коренных жителей и иммигрантов. Честно трудись в поте лица своего, будь

бережливым и законопослушным, регулярно ходи в церковь, не пьянствуй, не распутствуй и тогда преуспеешь, станешь боссом — хозяином, миллионером, поучали проповедники и удачливые бизнесмены, политиканы и газетные писаки. Подобного рода нравоучения были возведены в ранг официальной философии «американского образа жизни».

На какой почве расцвела столь радужная философия? После победы промышленного Севера над рабовладельческим Югом в гражданской войне 1861–1865 годов Соединенные Штаты вступили в полосу быстрого капиталистического развития, экономической экспансии.

Повсеместно строились железные дороги, гигантские мосты, создавались предприятия, открывались торговые фирмы, осваивался дикий Запад, истреблялись индейцы. Газеты писали о колоссальных спекуляциях, грандиозных аферах, сумасшедших банкротствах, о золотой лихорадке на Аляске, о грабежах, насилиях, прославляли бандита Джесси Джеймса, ковбоя Буфало Билля, писали о баснословных фортунах и не менее баснословных жульничествах банкиров, железнодорожных магнатов, королей нефти, баронов стали и сосисок.

В стране не хватало рабочих рук. Их поставляла Европа. Ежедневно пароходы выбрасывали из своего чрева в американские порты сотни иммигрантов из Ирландии, Англии, Германии и России.

Соединенные Штаты строились, расширялись, росли. Страна была пропитана духом предпринимательства и наживы. Мерилом всех ценностей, всего сущего и живущего стал доллар. Во имя него совершались подвиги и преступления, открытия и изобретения, предательства и героические поступки...

Одновременно с освоением и колонизацией земель внутри страны в основном за счет отчуждения индейской собственности американские капиталы устремлялись при поддержке правительства на восток, юг и запад в поисках новых рынков и сфер влияния.

На востоке США пробились в Японию, которую силой «открыли» для торговли военные корабли адмирала Пир-ри, вторгнувшиеся в Страну восходящего солнца. Походя американские миссионеры и торговцы укрепились на Гавайях.

К югу от реки Рио-Гранде, отделяющей США от Мексики, флибустьеры янки во главе с Уильямом Уолкером облюбовали для своих походов Центральную Америку. В воздухе носилась идея прорытия меж океанского канала в районе Никарагуа. Именно эту республику попытался захватить Уильям Уолкер, хотя и потерпел неудачу в своем предприятии.

В Карибском бассейне американские дельцы с вожделием взирали на аппетитную сахарницу — Кубу, где с 1868 по 1878 год бушевала война за независимость. США не только стали главными покупателями кубинского сахара, но и владельцами многих плантаций на острове, от которых охотно избавлялись испанцы, потерявшие надежду удержать «антильскую жемчужину» в своих руках.

Немалые интересы имелись у янки и в работоторговле, которая продолжала процветать, снабжая живым товаром кубинских плантаторов, хотя торговля рабами была к тому времени уже запрещена великими державами.

Уильям З. Фостер назвал вторую половину XIX века эпохой беспримерного грабежа и эксплуатации. Ничего подобного мир еще не видел. Капиталисты жадно захватывали леса, залежи угля и других полезных ископаемых, хорошие пахотные земли и пастбища, растущие отрасли промышленности, банковское дело и транспорт, расхищая народное достояние, хватая и присваивая все, что представляло какую-либо ценность. Это была оргия «свободного предпринимательства», и над всем господствовал закон джунглей.

Капиталисты грызлись между собой. Без зазрения совести они крали друг у друга железные дороги, посылали вооруженные банды для уничтожения нефтеперегонных заводов конкурента, наводняли рынок обесцененными акциями, оптом покупали и продавали законодателей.

Рабочие и фермеры тоже рассматривались крупными капиталистами как непосланнные им богом рабы, которых можно эксплуатировать без предела. Предоставляя трудящимся, хотя и с большой неохотой, некоторую видимость политической свободы, капиталисты выколачивали из их труда двойные и тройные прибыли. В те годы они хладнокровно обрекли миллионы рабочих на смерть в шахтах, на фабриках и железных дорогах, где не было и намека на технику безопасности.

В этот период выдвинулись капиталистические клики Рокфеллеров, морганов, асторов, гарриманов, Вандербильтов и им подобных миллиардеров. Их алчность не знала предела.

Миллионные массы народа жили в нужде и нищете, в то время как их капиталистические хозяева купались в роскоши, наживая новые и новые миллионы. С их жадностью могло сравниться лишь их невежество, ибо о культуре они не имели ни малейшего понятия. У них не было ни чувства патриотизма, ни чувства ответственности перед народом. Их лозунгами были: «Для наживы все средства хороши» и «Пусть народ убирается к черту». Они жили в роскошных, но безвкусных дворцах, рабски подражая

разложившемуся дворянству Европы, окружая себя так называемым «обществом» и устраивая претенциозные ужины и обеды. Марк Твен назвал эту эпоху «позолоченным веком».

Нельзя сказать, чтобы в Соединенных Штатах не раздавались голоса, осуждавшие эту систему и призывавшие рабочих и фермеров защищать свои права. Великий американский поэт Уолт Уитмен был одним из первых критиков пресловутого «американского образа жизни».

«Рабочие! — писал поэт накануне гражданской войны. — Шайка изолгавшихся северян-пустозвонов прожужжала вам уши привычными речами о демократии и демократической партии. Другая шайка вопит об «американизме». Но то, что так называемая демократия поклялась теперь осуществить, обещает грядущим поколениям простых людей больше бед, чем самая страшная болезнь. Другая партия делает то же. Все они спекулируют великим словом «американизм», ничуть не понимая его смысла, подобно тем людям, которые громче и больше всех кричат о религии, а сами по ночам совершают зверские убийства, сеют в мире ненависть, страх, предвзятость, кастовую рознь, кровавую месть, вводят законы о наказании за взгляды и верования... Чего опасается современная молодежь? Я подскажу ей, чего надо опасаться: коварства американцев. Помоему, худшего коварства нет на свете».

Уитмен надеялся, что с победой северян над рабовладельцами Юга страна возродится, многие ее язвы исчезнут. Но этого не случилось. Пятнадцать лет спустя поэт скорбел: «В бизнесе (всепожирающее новое слово «бизнес») существует одна только цель — любыми средствами добиться барыша. В сказке один дракон сожрал всех драконов. Нажива — вот наш современный дракон, который поглотил всех других. Что такое высшее общество? Толпа шикарно разодетых спекулянтов и пошляков... Пусть приближаемся мы небывало большими шагами к тому, чтобы стать колоссальной империей, превзойти империю Александра и гордую республику Рима. Пусть присоединим мы Техас, Калифорнию, Аляску и на севере стремимся захватить Канаду, а на юге — Кубу, мы стали похожи на существо, наделенное громадным, хорошо приспособленным и все более развивающимся телом, но почти лишенное души».

Так выглядела американская действительность с близкого расстояния. Но со стороны старой Европы, где еще правили монархи и свобода рисовалась в виде горделивой девушки, закованной в цепи, многим беднякам и обездоленным Соединенные Штаты Америки представлялись тогда землей обетованной, республикой равных для всех возможностей, лишенной классовых и религиозных предрассудков и барьеров и ценившей

превыше всего трудолюбие и честность. Люди устремлялись из Европы в Америку, спасаясь от нищеты, социальных несправедливостей, национального угнетения, политических преследований, религиозной нетерпимости.

Одним из таких иммигрантов был прибывший в Нью-Йорк в 1868 году Джеймс Фостер, крестьянский юноша родом из графства Карлод (Ирландия). Участник ирландского освободительного движения — фений (так когда-то называли себя участники легендарной военной дружины древних ирландцев), Джеймс по совету своих руководителей поступил добровольцем в армию, где вел антианглийскую пропаганду среди солдат и соотечественников. В связи с отправкой части войск из Ирландии в Индию фении надеялись, что им удастся распропагандировать солдат-ирландцев, поднять восстание и захватить власть. Но кто-то предал заговорщиков, и Джеймсу пришлось поспешно бежать в Америку.

Ирландский мятежник уже никогда не вернется на свой зеленый остров. Он навсегда останется в Америке.

Ирландские иммигранты находились почти в самом низу социальной пирамиды Соединенных Штатов. За ними следовали выходцы из Восточной Европы, затем негры и индейцы. Янки считали ирландцев отменными, но недалекими работягами, фанатиками католической веры, любителями выпить, забияками и драчунами.

Ирландцы селились колониями, имели свои патриотические организации, сохраняли национальные обычаи и привычки, шумно праздновали день святого Патрика, покровителя Ирландии. Большинство из них, будучи неквалифицированными рабочими, жили в такой же нищете в Штатах, как и у себя на родине.

Джеймс Фостер в этом отношении не был исключением. Он перепробовал дюжину разных профессий — был и конюхом, и плотником, и мойщиком экипажей, имел даже одно время лавчонку, но стать бизнесменом ему не было суждено. Он так и не смог одолеть грамоту, а какой из неграмотного бизнесмен?

Вскоре по прибытии в США Джеймс женился на Элизабет Маклауфлин, тоже иммигрантке, англо-шотландского происхождения, родом из Карлисла (Англия), потомственной ткачихе. Элизабет, на семь лет моложе мужа, была строгой католичкой. Пошли дети. У бедняков всегда их много. Но Фостеры побили все рекорды. За сравнительно непродолжительную жизнь (Элизабет умерла в 53-летнем возрасте) она родила своему мужу двадцать три ребенка. Большинство и. з них умерло в детстве от недоедания и болезней. Выжили только четверо — Анна, Мэйбл,

Клара и герой нашей книги Уильям Зебюлон Фостер.

«Я родился 25 февраля 1881 года, — рассказывал Фостер, — в фабричном городке Тоунтон, в штате Массачусетс (где во время революции 1776 года было поднято Первое знамя восстания, которое, кстати сказать, было красным). В те годы казалось, что капитализм во всем мире будет еще долго жить и процветать. Поэтому неудивительно, что люди, которым этот метод организованного грабежа трудящихся приносил наибольшие выгоды, считали капиталистическую систему ниспосланной свыше, Вечной и самой совершенной системой организации жизни и труда человечества».

Так относились к капитализму коренные жители Новой Англии, бывшей британской колонии, на которой расположен штат Массачусетс. Они считали себя аристократами, основателями американской республики. Они отличались высокомерием, солидностью, хитростью, трудолюбием, религиозным ханжеством и лицемерием, унаследованными от первых поселенцев. Одним словом, это были типичные янки.

Но эти особенности старожилов Новой Англии не были присущи жившим по своим особым законам иммигрантам, тем более беднякам. В многодетной семье Фостеров всего недоставало, за исключение;!* хорошего настроения. Ирландцы любят песню, веселую шутку, не прочь пропустить стаканчик крепкого виски или опорожнить бутылку пенистого пива.

Джеймс в молодости увлекался спортом, он даже утверждал, что в Ирландии был чемпионом по прыжкам в длину и высоту. Всю свою жизнь он дружил с боксерами, футболистами, жокеями.

Дом Фостеров был приютом и для многих участников забастовочной борьбы на угольных шахтах соседней Пенсильвании, спасавшихся бегством от полицейских преследований.

Уильям видел с детства этих мужественных людей в родном доме, слушал их увлекательные рассказы. Отец терпеть не мог полицейских, особенно ирландского происхождения, считал их паразитами.

Но главной страстью Джеймса было, разумеется, священное дело освобождения Ирландии от ненавистного английского ига. Джеймс жил надеждой, что его родина Эйри, как ирландцы называют свой остров, добьется независимости и он сможет вернуться домой со всей семьей.

Ирландские революционеры были самыми желанными гостями у Фостеров. Их смелые подвиги в борьбе против англичан, их жизнь, полная приключений и опасностей, приводили в восторг юного Уильяма. Он мечтал стать таким же отважным борцом за свободу, как эти друзья и единомышленники его отца.

Первые воспоминания Уильяма связаны с Филадельфией, центром Новой Англии, куда его семья переехала в 1888 году. Уильяму только исполнилось семь лет. Фостеры поселились в районе трущоб, на Кэйтер-стрит, где жил рабочий люд. Тогда еще в Штатах не пользовались электричеством, улицы освещались газовыми и керосиновыми светильниками. Не было еще и небоскребов, автомобилей и, разумеется, радио, кино, самолетов. Из великих завоеваний цивилизации XIX века входили в моду только телефон и железные дороги.

Кэйтер-стрит была заселена преимущественно ирландцами, жившими в развалюхах, лишенных водопровода, газа и прочих удобств. Главной достопримечательностью Кэйтер-стрит было несколько конюшен и публичных домов самого низкого пошиба. Обитатели этого района, вспоминает Фостер, вели полуголодную, безнадежную, полную лишений жизнь. Промышляли случайной работой, попрошайничеством, мелкими кражами. У него навсегда остались в памяти одна безумная женщина и два полоумных парня, постоянно слонявшиеся по Кэйтер-стрит.

Политическая жизнь Филадельфии была во власти боссов Республиканской партии, которые использовали в своих целях местный преступный мир. Опираясь на него, республиканцы добивались победы на выборах, осуществляли различные махинации. В кварталах, где проживала беднота, с молчаливого согласия властей орудовали организованные банды.

Принадлежность к банде как бы поднимала социальный статус обитателя трущоб, сулила ему иллюзию безопасности от превратностей судьбы, подстерегавших его на каждом шагу. Банды соперничали между собой, боролись за расширение своего влияния. Столкновения между враждующими шайками иногда принимали характер настоящих уличных сражений, с убитыми и ранеными.

У каждой банды имелось свое, часто весьма романтическое или устрашающее название: «Львы», «Парковые воробьи», «Мстители». Участники банды, действовавшей на Кэйтер-стрит, именовали себя «бульдогами». Среди «бульдогов» были не только преступные элементы, но и рабочие — строители, кочегары, истопники. В нее входил и Уильям. Банда состояла как бы из трех звеньев — юношеского, молодежного и взрослого. Юношеское звено занималось спортом, самодеятельностью. У юных «бульдогов» были своя футбольная команда и духовой оркестр. «Бульдоги» старшего возраста имели бейсбольную команду, стрелковое общество, политический клуб.

«Бульдоги» занимались не только спортом и самодеятельностью. Среди них было немало мелких воришек и просто хулиганов. Вырастая,

многие из них становились профессиональными уголовниками — ворами, налетчиками, сутенерами, вышибалами публичных домов, контрабандистами, гангстерами.

Юный Фостер неоднократно был свидетелем, как алкоголь превращал наиболее стойких выпивох в калек, лишал воли, человеческого облика. Фостер наблюдал, как хронические пьяницы опускались так, что были не в состоянии не только работать, но даже просить милостыню или красть. Вшивые, в лохмотьях, они слонялись по пустырям, питались отбросами. Многие гибли зимой от холода, другие умирали от туберкулеза или кончали жизнь белой горячкой.

«Бульдоги», как и участники других банд, отличались религиозными, национальными и расовыми предрассудками.

Например, с большой неприязнью они относились к неграм. Появление негра на Кэйтер-стрит грозило ему избиением, а то и тяжелыми увечьями.

Хотя «бульдоги» использовались машиной Республиканской партии для закупки голосов во время выборов, они враждебно относились к полиции, к штрейкбрехерам. Во время крупных забастовок «бульдоги» становились на сторону рабочих. В особенности они проявили дух пролетарской солидарности во время забастовки трамвайщиков в середине 90-х годов, когда ими были перевернуты десятки вагонов, которые хозяева пытались под охраной вооруженных полицейских вывести на линию.

12 лет — до начала XX века — прожила семья Фостера на Кэйтер-стрит, в этом «прелестном очаге капиталистической цивилизации», как не без иронии ее называл Уильям.

Только 30 лет спустя Фостеру довелось вновь посетить эти места. «Бульдогов» уже не было и в помине. За эти годы Соединенные Штаты шагнули далеко вперед по пути технического прогресса, но лачуги на Кэйтер-стрит остались те же. Здесь продолжали царить нищета, антисанитария, преступность. Изменился только цвет кожи ее обитателей — на Кэйтер-стрит теперь жил негритянский рабочий люд.

В этих местах прошли детские и юношеские годы Уильяма. Семи лет он поступил в начальную школу. Мальчонкой продавал газеты. Но уже в десятилетнем возрасте ему пришлось навсегда расстаться со школой и искать более доходную, чем продажа газет, работу. Отец был не в состоянии прокормить большую семью.

В 1891 году Уильям поступил к скульптору Кретчману, у которого проработал подручным («Моя первая настоящая работа — «джоб», — напишет он впоследствии) около трех лет, получая сперва полтора, а потом

по два доллара в неделю. 6–8 долларов в месяц — сумма ничтожная даже для того времени, но все-таки это была подмога для скудного бюджета семьи ирландского мятежника, мытарствовавшего на «обетованной» земле Америки.

Кретчман слыл весьма авторитетным и преуспевающим скульптором. Он был создателем монумента в честь победы северян в гражданской войне на поле брани в Геттисбурге, соавтором статуи Уильяма Пенна, основателя Пенсильвании, венчавшей купол филладельфийского муниципалитета, и многих других памятников и скульптур. Большой популярностью пользовались его юбилейные медали. Кретчман преуспел и в граверном искусстве, причем настолько, что фальшивомонетчики неоднократно предлагали ему стать их сообщником.

Работа скульптора — нелегкий труд. Молодой Уильям выполнял при своем патроне функции подсобного рабочего: таскал кули с гипсом, относил заказы, прибирал мастерскую. Случалось иногда и так, что по юношеской Нерасторопности молодой помощник Кретчмана при уборке мастерской разбивал какую-нибудь вещь скульптора, но Кретчман не обижался. Помощник пришелся по душе ему, он надеялся, что со временем из Уильяма получится скульптор.

Кретчман часто выезжал из Филадельфии в Нью-Йорк, Бостон, Вашингтон и другие города на различные конгрессы, торжества, встречи, где сбывал свои юбилейные медали. Уильям сопровождал скульптора в поездках. Юноше нравилось знакомство с новыми городами и людьми, но он тяготился поручением хозяина продавать медали. Уильям с детства терпеть не мог торгашей и любой вид бизнеса.

Кретчман пытался приобщить своего юного помощника к искусству. Скульптор обучал Уильяма резьбе по дереву и камню, гравёрству, рисунку. Но ученик не проявлял ни способностей, ни желания стать художником. Отец призывал Уильяма посвятить себя делу освобождения Ирландии от английских поработителей; мать втайне надеялась вырастить из него священника. Отцы-иезуиты готовы были принять в свой колледж сына набожной Шотландки, но Билли, как называли Уильяма домашние, стремился к станкам, к машинам. Уильям мечтал стать фабричным рабочим, приобрести специальность, работать с инструментом, строить, производить предметы, нужные людям. Ирландия была далеко, и ее беды не волновали его, как Фостера-отца. Не влекла его и карьера священника, она казалась скучной и ненужной.

В 1894 году Уильям оставляет скульптора и нанимается подсобным рабочим в Американскую словолитную компанию в Балтиморе.

На новом месте Фостер проработал около трех лет. В словолитне он впервые столкнулся с властью «железной пяты», как назвал Джек Лондон систему капиталистической эксплуатации в ее американском варианте. Тут у Фостера появились первые проблески классового сознания, которые приведут его спустя некоторое время в ряды Социалистической партии...

ПОД «ЖЕЛЕЗНОЙ» ПЯТОЙ»

*Почему ты не станешь на дыбы,
не рычишь, глупец?
Почему не сбросишь хозяев
со своей спины?
Держись крепче, упрямый
болван!
Сбрось хозяев со своей спины
одним здоровым пинком!*

Песня американских рабочих

Каждый, кто попадал на словолитню впервые, сразу окунался в атмосферу, насыщенную свинцовой пылью. «Фабрики смерти» — так называли эти предприятия. Самая грязная и опасная для здоровья работа здесь доставалась иммигрантам, темным, забитым, плохо знавшим английский язык, озабоченным только одним — как бы не потерять место и не умереть с голоду. Многие, отравленные свинцовыми испарениями,

заболевали чахоткой. Хозяева никаких мер по охране здоровья не признавали — заболевшего просто вышвыривали на улицу. В те времена в Штатах не существовало какого-либо социального законодательства, не было и законов об охране труда. На словолитне мрачно шутили, что если прилежно экономить, то можно будет к моменту смерти, вызванной свинцовым отравлением, приобрести на сбережения гроб.

Такие условия труда господствовали на словолитне Гарисона Уата, где довелось работать Уильяму Фостеру.

Еще более бесчеловечная система эксплуатации существовала на предприятиях по производству удобрений в Уэст-Рэдинге и Уасмисинге (штат Пенсильвания), на которых трудился Уильям в 1898–1900 годах. Здесь перерабатывались в удобрения всякого рода отбросы и нечистоты, трупы дохлых собак, кошек, лошадей, коров и свиней, царили невероятная грязь и смрад, воздух был пропитан миазмами. Среди бела дня в производственных помещениях стояла такая темень от пыли, что приходилось пользоваться фонарями. Невыносимо было летом, когда двор завален «сырьем» — тушами животных, кишевшими под палящими лучами солнца червями. Царившая здесь вонь пропитывала одежду и тело. Избавиться от этого отвратительного запаха была невозможно. Мириады мух и всевозможных насекомых заполняли эту «адову кухню», где трудились илоты XIX века.

Мясники, свежавшие туши, получали всего десять долларов в неделю, а их помощники — семь с половиной. Работа на таких предприятиях была равнозначна самоубийству. У многих гноились глаза, болело горло, появлялись чирьи и язвы на теле. И здесь туберкулез — эта профессиональная болезнь американских пролетариев — собирал обильную жатву.

Большинство покорно сносило свою долю, ведь любой протест грозил потерей работы, а это означало голодную смерть. Бунтовщиков предприниматели заносили в «черные списки», лишали места, подвергали преследованиям, и все же сопротивление эксплуатации неуклонно росло.

Каторжные условия труда постепенно пробуждали классовое самосознание рабочих, толкали их на борьбу с предпринимателями. О себе Фостер говорил, что он с юных лет сознательно восстал против капитализма и всегда был проникнут той классовой ненавистью к предпринимателям, которая для рабочего является почти инстинктивной.

— Я жадно читал книги и был наделен неутолимой жаждой к наблюдениям, — говорил Фостер уже в зрелом возрасте, вспоминая свою юность. — Я не мог не возмущаться гнетом, который видел вокруг себя и

испытывал сам. Одним из первых проявлений моего мятежного духа было резкое возмущение контрастом между богатством и бедностью, который я наблюдал повсюду. Не имея еще ни малейшего представления о социализме и об истинном значении капитализма, я — правда, очень путано, резко — восставал против положения, при котором миллионы людей были вынуждены преждевременно сходить в могилу из-за непосильного труда в промышленности и всю жизнь терпеть нужду, в то время как богачи — явные бездельники и моты — пользовались всеми благами жизни.

С этим я никак не мог мириться. К тому же собственный печальный опыт работы в промышленности переполнил чашу моего терпения. Грубая несправедливость такого положения оскорбляла во мне чувство равенства. В течение долгих лет тяжелой работы в промышленности при низкой заработной плате и длинном рабочем дне (я всегда работал десять часов в день и шесть дней в неделю, а десять лет на железной дороге — по двенадцать часов в день и семь дней в неделю) мое возмущение росло и становилось все более сознательным.

В те годы в стране бурно развивалось забастовочное движение. Власти преследовали забастовщиков, словно государственных преступников. Полицейские их истязали, травили собаками, а иногда и просто убивали. Для компрометации забастовщиков широко использовались провокаторы и провокации. Примером тому могут служить события в Чикаго в апреле 1886 года, когда полиция открыла огонь по мирной демонстрации бастующих. День спустя, во время митинга протеста рабочих на Хеймаркетской площади провокатор бросил в толпу бомбу. Было убито четверо рабочих, семеро полицейских, многих ранило. Полицейские вновь открыли по рабочим огонь, ранив еще десятки человек. Затем арестовали лидеров забастовщиков и обвинили их в убийствах. Их долго, «справедливо» судили. Четырех — Спайса, Парсонса, Фишера и Энджела — повесили, один из подсудимых покончил жизнь самоубийством, двое были приговорены к пожизненному заключению.

Власти и предприниматели рассчитывали, что чикагской бойней они положат конец рабочему движению. Но они ошиблись. Прав оказался один из чикагских мучеников — Спайс, предупредивший своих палачей в судебных мантиях:

— Если вы думаете, что повесив нас, вы сможете уничтожить рабочее движение... движение, от которого угнетенные миллионы, миллионы тех, кто трудится в нужде и нищете, ждут спасения, если вы так думаете, то вешайте нас!

Здесь вы ногой затушите искру, но повсюду — и позади и впереди нас

— поднимаются языки пламени. Это подземный огонь. Вам не удастся потушить его.

Чикагская трагедия породила праздник 1 Мая — боевой смотр сил трудящихся всего мира, борющихся за свое освобождение. Решение о праздновании 1 Мая в честь выступления в Чикаго было принято на первом конгрессе Социалистического интернационала в 1889 году в Париже. Борьба рабочих за свои права против капиталистического гнета продолжалась...

Между тем гнет этот все более усиливался. Это был вынужден признать не кто иной, как президент Соединенных Штатов Гровер Кливленд, который впервые охарактеризовал капиталистическое предпринимательство как власть «железной пяты».

«Взирая на достижения объединенного капитала, — писал Гровер Кливленд в послании конгрессу в 1888 году, — мы обнаруживаем существование трестов, комбинатов, монополий, в то время как простые граждане страны, оставаясь далеко позади, борются за свое существование или погибают, раздавленные «железной пятой». Корпорации, которые должны действовать в строю ограниченных законом пределах и быть слугами народа, быстро становятся властителями...»

В 1893 году разразился очередной экономический кризис, десятки тысяч рабочих остались без работы. Безработные организовали поход на Вашингтон, власти бросили руководителей похода за решетку. На следующий год в Штатах бастовало рекордное число рабочих — 750 тысяч человек. Крупные забастовки прошли в районе Аппалачей, где в борьбу включились шахтеры, бастовали сталеплавильщики в Гомстеде, железнодорожники во главе с лидером социалистов Юджином Дебсом.

Тревожно было и в «городе братской любви», как не без насмешки рабочие переводили греческое название города — Филадельфия. В 1895 году в городе вспыхнула забастовка трамвайщиков, требовавших права на профсоюзную организацию, повышения заработной платы, улучшения условий труда. Хозяева мобилизовали против забастовщиков штрейкбрехеров и полицию. То тут, то там происходили столкновения и потасовки между бастующими и их сторонниками с одной стороны и полицейскими и штрейкбрехерами — с другой.

Фостер, которому тогда исполнилось четырнадцать лет, уже считал себя настоящим рабочим, ведь он четыре года трудился, зарабатывая на хлеб. Уильям спешил на демонстрации и митинги трамвайщиков, слушал страстные речи руководителей забастовки, разоблачавших жадность хозяев и преступные действия полицейских властей.

Забастовка.

Художник Роберт Майнор. 1916

Во время одной из таких демонстраций конные полицейские напали на ее участников и стали избивать их длинными дубинками. Рабочие бросились врассыпную. Уильям с другом укрылись в подъезде большого дома, но их настигли разъяренные стражи порядка и начали избивать. Этот наглядный урок классового характера американской демократии запомнился ему на всю жизнь.

Несмотря на зверства полиции и старания хозяев сорвать забастовку, борьба трамвайщиков продолжалась. Трудовое население Филадельфии поддерживало бастующих. В районе Кэйтер-стрит, где жили Фостеры, рабочие построили баррикаду, воспрепятствовав движению трамваев, которые водили под охраной полиции штрейкбрехеры. Фараоны боялись сунуть нос на Кэйтер-стрит. Движение трамваев прекратилось почти повсеместно. Стойкость и солидарность бастующих в конце концов вынудили хозяев пойти на уступки и удовлетворить основные Требования рабочих.

Забастовка трамвайщиков многому научила Фостера.

«В результате этой забастовки, — вспоминал он потом, — я стал тред-

юнионистом, по крайней мере в теории, так как у меня еще не было возможности вступить в профсоюз. Я получил элементарный урок, который научил меня, что индивидуальный рабочий бессилён против предпринимателя и что, только объединяя свои силы с другими рабочими, он может добиться влияния в жизненном для него вопросе о заработной плате. С этого момента я следил за проявлениями классовой борьбы, за борьбой рабочих за свои права с растущим энтузиазмом, и мой интерес к ирландским делам отошел на второй план, теперь мое внимание окончательно и навсегда оказалось прикованным к классовой борьбе в Америке».

В 90-х годах Соединенные Штаты вступали в империалистическую фазу своего развития. Банки, тресты и монополии усиливали эксплуатацию трудящихся, классовая борьба в стране достигла самого высокого накала со времени войны за независимость. Старые рабочие организации, пропитанные ремесленническими традициями, такие, как «Рыцари труда», сходили со сцены, уступая место профсоюзам реформистского типа в лице возникшей в 1886 году Американской федерации труда, возглавляемой Самуэлем Гомперсом.

Повсеместно росли и развивались социалистические организации. В ту пору среди профсоюзных вожakov часто можно было встретить честных революционеров, верных интересам рабочего класса. Хозяева и власти тщетно пытались запугать и подкупить рабочих лидеров, внушая им мысль о необходимости отказаться от классовой борьбы и довольствоваться мелкими поощрениями.

В 1896 году в стране состоялись президентские выборы. Кандидатом от демократической партии был выдвинут Уильям Дженнингс Брайан, которого поддержали многочисленные рабочие и профсоюзные организации. Брайан, мелкобуржуазный реформатор, считал, что с введением свободной чеканки серебряных и золотых монет можно будет добиться стабилизации цен и улучшить положение трудящихся. Он обещал ввести 8-часовой рабочий день для государственных служащих, выступал за передачу железных дорог и телеграфа государству, против вмешательства властей в рабочие конфликты.

Пятнадцатилетний Уильям, как и многие рабочие, видел в Брайане противника крупных трестов и сторонника трудящихся. Фостер участвует в митингах и демонстрациях в поддержку кандидатуры Брайана. Он надеется на его победу. Но президентом был избран кандидат Республиканской партии Уильям Маккинли, ставленник миллионеров. Эти выборы показали Фостеру, какой огромной властью пользуются капиталисты в Соединенных

Штатах. Расходуя большие средства на подкуп и обман трудящихся, располагая продажной прессой, поддержкой церковников и гангстерских элементов в городах, противники Брайана одержали победу.

Впоследствии, уже будучи руководителем Коммунистической партии, Фостер дал весьма суровую оценку и самому Брайану. Подлаживаясь под демократические настроения фермеров и рабочих, Брайан, хотя и выступал с радикально звучащими лозунгами, на самом же деле являлся выразителем интересов богатых фермеров Запада и Юга. Кроме того, он находился под сильным влиянием владельцев серебряных рудников и действовал в их интересах.

Брайан подвергался жестоким нападкам представителей магнатов Уолл-стрита, называвших его «опасным революционером». В действительности же он относился к рабочему классу с подозрительностью, сторонился его. Позиция, занятая Брайаном во время знаменитого «обезьяньего процесса» в Теннесси в 1929 году, когда он выступил обвинителем учителя Скопса, привлеченного к суду за преподавание учения Дарвина, была свидетельством ограниченности его либерализма.

Любознательный и пытливый, Уильям с юного возраста подружился с книгой. На многие волновавшие вопросы находил ответы в книгах, помогавших ему разобраться в окружающей действительности, уяснить свое место в жизни, выработать пролетарское мировоззрение.

В детстве Уильяма снабжали книгами знакомые и друзья отца, потом он брал книги в народных библиотеках, покупал, выкраивая необходимые деньги из своего скудного заработка.

Из книг почерпнул Фостер критический взгляд на религию и деятельность церковников.

«Моим первым серьезным шагом в выработке разумного пролетарского взгляда на жизнь и политику, — рассказывает Фостер, — был отказ от религиозных убеждений, которые мне тщательно прививали в детстве. Это оказалось для меня довольно легким делом.

Будучи подростком, еще задолго до того, как я познакомился с социалистической литературой, я прочел много книг, которые вытеснили религию из моей головы.

Для приобретения настоящего материалистического мировоззрения мне нужно было лишь прочесть труды Маркса и Энгельса, что я и сделал через несколько лет. Мой опыт в отношении религии не кажется мне чем-то исключительным. Я всегда считал, что всякий непредубежденный человек, прочитав те основные труды, какие прочел я, не сможет больше верить в

бездоказательные легенды, на которых строится религия».

Хотя церковь отделена от государства в Соединенных Штатах, однако нет другой такой капиталистической страны в мире, где бы религиозное ханжество не пустило бы столь глубокие корни. Атеизм не только в конце XIX века, но и теперь считается в США вызовом установленному порядку. Для обывателя и «охранителя основ» американской буржуазной демократии атеизм равнозначен государственному преступлению. В этих условиях стать атеистом требовало большого гражданского мужества, и юный Фостер его проявил в полной мере.

Фостер на всю жизнь сохранил интерес к научной критике религиозного мировоззрения, внимательно следил за его эволюцией, отмечал и анализировал причины падения церковного влияния в современном обществе. В одной из самых глубоких своих книг, «Закат мирового капитализма», которую Фостер выпустит полстолетия спустя — в 1949 году, в главе «Упадок религии», он пишет, что возникновение классовой борьбы и развитие революционного движения рабочих, руководимого диалектическим материализмом Маркса, ослабили власть религии над умами людей.

В этой книге Фостер обращает внимание на упадок влияния всех религий как на одно из важнейших знамений послеоктябрьской революционной эпохи и указывает на причины этого явления — распространение образования, индустриализацию, рост авторитета Советского государства.

Что касается католической церкви, то, по мнению Фостера, она переживает величайшие трудности во всей своей истории — наступил кризис финансового, политического, но главным образом религиозного характера.

В то же самое время Фостер вовсе не считал, что дни религии сочтены. Общий кризис христианской религии, указывал он, развивается не по прямой нисходящей линии, а скорее по зигзагообразной. Религиозные культы еще обладают большим влиянием, религия не обязательно отомрет сразу же вместе с капитализмом. Она может существовать и при социализме, но для этого ей придется перестать поддерживать капитализм и примириться с реальным фактом существования новой, социалистической экономической и политической системы.

Не менее глубокий след в сознании молодого Фостера оставили книги о французской революции 1789 года и о войне за независимость английских колоний в Америке. Эти книги показали ему живительную силу революций, их величие, созидательную мощь. Они укрепили в нем

убеждение, что и революционная борьба трудящихся против капиталистического гнета не является химерой, а может увенчаться успехом.

Следует ли удивляться, что Уильям Фостер, не только свидетель, но и жертва жестокой капиталистической эксплуатации, тщетно пытавшийся разобраться в его сложном механизме, при первом же контакте с социалистами воспринял их учение как долгожданное откровение. Весь процесс разочарования капиталистической экономикой, правительством и религией подготавливал Фостера к обращению в социализм, что, по его собственному признанию, произошло с драматической быстротой. Однажды вечером летом 1900 года он наткнулся в Филадельфии на углу Брод-стрит и Саутс-стрит на уличного оратора и остановился послушать его. Оратор был социалистом. До этого познания Фостера о социализме и анархизме исходили из туманных, путаных и лживых статей в капиталистической печати и тому подобных источников. Несмотря на то, что он много читал, ему еще не попадалась ни одна книга или брошюра социалистического автора.

Как замороженный слушал юный Фостер оратора, который остро критиковал Брайана. Уильям полностью согласился с его доводами. Аргументы оратора позволили Фостеру правильно понять значение классовой борьбы, с которой он уже соприкасался. Призыв оратора к рабочим взять власть, фабрики и отменить капиталистическую систему прибыли показался Фостеру подлинным решением рабочего вопроса. Оратор без особого труда сумел доказать ему, что капиталисты не только бесполезны, но и вредны для общества. Уильям быстро понял, что полезными производителями являются рабочие, что потенциально они достаточно сильны, чтобы взять в свои руки руководство обществом, и что, придя к власти, они вполне сумеют управлять экономической и политической жизнью общества гораздо лучше, чем это делают капиталисты.

«Многолетний жизненный опыт затем только подтвердил это первое впечатление, — писал Фостер. — С того времени я стал считать себя социалистом. Этот уличный митинг явился поворотным пунктом в моей жизни».

Но такая внезапная смена мировоззрения Фостера еще не была вполне цельной и законченной. Много раз с тех пор в борьбе за социализм ему приходилось изменять свои взгляды на политическую стратегию и тактику, но основа его новых убеждений оставалась неизменной и прочной. «С тех далеких дней — почти полвека тому назад, когда я стал социалистом, —

разъясняет Фостер, — я на горьком опыте убедился в том, что, защищая свой строй, капитализм проявляет гораздо больше упорства и хитрости, чем я мог себе тогда представить, и что поэтому борьба за социализм очень трудна. Но весь мой жизненный опыт подтвердил правильность принятого мною тогда основного решения: всецело посвятить себя борьбе за социализм».

Усвоение Фостером материалистического мировоззрения и социалистических убеждений имело огромное значение для всей его последующей деятельности. Вскоре после упомянутого выше митинга Уильям получил довольно выгодное место — административную должность на крупном заводе удобрений фирмы «Армор энд Компани» в Джексонвилле (штат Флорида). Убедившись, что Фостер хорошо знал дело, директор обещал ему быстрое продвижение по службе. Но Фостер уже считал себя социалистом и не хотел превращаться в винтик хозяйского аппарата эксплуатации рабочих. Он бросил сулившую большие выгоды административную работу. «Я избрал правильный путь», — скажет он потом об этом своем решении.

Фостер с увлечением знакомится с социалистической литературой, принимает участие в агитации за кандидата в президенты социалиста Дебса в 1900 году. Он полон энтузиазма, участвует в рабочих собраниях, митингах, демонстрациях. Но здоровье его пошаливает. Уильям кашляет. У него начинается туберкулезный процесс. В том же году умирают его родители. Сперва отец, потом мать. Две старшие его сестры были уже в то время замужем.

Уильям направляется на солнечную Кубу, где он надеется получить работу и поправить свое здоровье.

Почему именно на Кубу? Потому что о Кубе ему много хорошего рассказывал его брат Джон, служивший в американской армии и принимавший участие в военных действиях на острове во время американо-испанской войны. Джон получил тяжелое ранение в боях на Кубе и вернулся в родительский дом.

На Кубе всего лишь два года тому назад закончилась освободительная война против испанского господства. Когда стало очевидным, что кубинцы одерживают победу, в войну вмешались Соединенные Штаты. Они обещали ускорить освобождение острова от испанского владычества. В действительности же правящие круги Америки намеревались под этим предлогом завладеть испанским колониальным наследством, что им и удалось сделать. После нескольких неудачных сражений Испания признала себя побежденной и подписала в декабре 1898 года мирный договор, по

которому уступила США за 20 миллионов долларов острова Пуэрто-Рико и Гуам, а также Филиппины. Испания обязалась оставить Кубу, которую в нарушение ранее данного обещания оккупировали американские войска.

Империалистическая агрессия правящих кругов США против Кубы, Филиппин и других бывших владений Испании, по словам Фостера, вызвала тревогу и протесты широких демократических масс народа Соединенных Штатов. Антиимпериализм был главным лозунгом кандидатов в президенты Брайана и Дебса во время очередной избирательной кампании 1900 года. Марк Твен остроумно выразил общественное возмущение, заявив, что на американском флаге «белые полосы следует перекрасить в черные, а звезды заменить черепами со скрещенными костями». В Чикаго в октябре 1899 года собралась антиимпериалистическая конференция.

Однако волна шовинистической и псевдопатриотической пропаганды, подогреваемой властями и монополиями, захлестнула протесты тех, кто осуждал империалистические захваты.

В Гаване, куда Фостер прибыл после выборов, еще Хозяйничали американские войска. Экономическая жизнь Острова была парализована. По городу слонялись толпы безработных — бывших рабов и участников войны за независимость. Здесь было трудно получить работу.

Уильям Фостер возвратился в Штаты. Не без труда он раздобыл деньги на обратное путешествие и добрался до города Тампы во Флориде, где господствовали порядки рабовладельческого юга. Полиция арестовывала безработных за «бродяжничество», а затем направляла на принудительные работы в фосфорные шахты или на лесоразработки, где их нещадно эксплуатировали. Жертвами этой системы являлись в первую очередь негры, но полиция не щадила и белых. Чтобы избежать такой участи, Фостер нанялся лесорубом к подрядчику, который занимался заготовкой шпал. Прибыв на место, Уильям обнаружил, что работники этого подрядчика находились у него в долговом рабстве. Покинуть подрядчика все боялись: беглецов хватала полиция и отсылала на принудительные работы. Фостер предложил объявить забастовку, но рабочие были напуганы, не верили в победу. Пришлось тайно покинуть подрядчика.

Следующим пристанищем Фостера была лесопильня, тоже во Флориде. Здесь работали восемь белых и шесть негров, с ними — хозяин и его четверо сыновей. Трудились от зари до захода солнца. Местность была малярийной, все глотали хинин. Кормили плохо, платили того хуже. При еженедельном расчете всегда оказывалось, что рабочий оставался у хозяина в долгу. Рабочий платил хозяину отдельно за еду, ночлег и прочие услуги,

стоимость которых обычно превышала зарплату. Протесты или сопротивление приводили к аресту недовольных. Время от времени на лесопильню по ночам наезжали куклуксклановцы.

Свидетелем одного такого наезда стал Фостер. Банда пьяных всадников, дико вопя и беспорядочно стреляя, ворвалась ночью на лесопильню, угрожая расправой неграм. Хозяин и его сыновья встретили погромщиков как желанных гостей. Негры в страхе попрятались. Фостер пытался убедить рабочих оказать сопротивление. Но безрезультатно. Страх потерять работу да и жизнь словно парализовывал их, лишал воли к сопротивлению.

Фостер уходит и отсюда. Пробравшись «зайцем» на проходивший мимо поезд, Фостер прибыл некоторое время спустя в Нью-Йорк, где нанялся вожатым трамвая, ходившего по Третьей авеню.

Тогда еще Нью-Йорк не имел метрополитена, конка отживала свои дни, автомобиль делал только первые шаги, а надземные поезда двигались при помощи паровозов. В моду входил трамвай. В городе повсюду прокладывались для него пути. Трамвайные компании загребали огромные прибыли и не только от продажи билетов, но и от эксплуатации своих служащих. Вагоновожатые, получая всего 22 цента в час, работали по десять часов в день, без выходных.

Вагоновожатым в те времена приходилось нелегко. Улицы, по которым проезжал трамвай, были забиты пешеходами, колясками, каретами и всякого рода фургонами. Вожатый вел трамвай стоя. Работал он под открытым небом, летом его поливал дождь, а зимой он мерз от холода. Кондукторов не было, плату за проезд собирал вагоновожатый.

Трамвайные служащие не были членами профсоюза, что делало их жертвой предпринимательского произвола.

Вожатые требовали от хозяев оборудования отгороженных от пассажиров и защищенных ветровым стеклом кабин с сиденьями. Но хозяева утверждали, что такие нововведения ухудшат бдительность вожатого, в результате чего не только не уменьшится, но возрастет число несчастных случаев и катастроф.

Фостер и некоторые другие вожатые стали помышлять о создании профсоюза. Уильям обратился к Американской федерации труда за помощью и поддержкой. Профсоюзные боссы пообещали молодому рабочему «признать» профсоюз транспортников, если удастся его создать! Хозяева быстро прослышали о «подрывной» деятельности Фостера и его единомышленников и всех их уволили с работы. Профсоюз транспортников был создан только 30 лет спустя!

В Нью-Йорке Фостер вступил в ряды Социалистической партии.

Снова его здоровье ухудшилось. Пораженные легкие все больше давали о себе знать. Фостер решил направиться в более теплые края — на западное побережье, поближе к солнечной Калифорнии. У него в кармане было всего лишь 20 долларов. Их хватило добраться до Техаса, Оттуда пришлось передвигаться без билета по железной дороге.

Детский труд.

Художник Роберт Майнор. 1925

Обычно таким способом путешествовали по стране американские хобо, или, как их сокращенно называли, бо. Хобо — бродяги, босьяки, нищие, оборванцы, без денег, документов, вещей, без определенного места жительства.

Хобо чаще всего «брали на абордаж» товарные поезда на ходу, пробираясь в вагоны, перевозящие скот, шпалы или машины, прятались в холодильниках, устраивались на крышах или скрывались под вагонами. В пути хобо добывали себе на пропитание случайной работой, попрошайничали, иногда промышляли мелким воровством.

Полиция и железнодорожная охрана немилосердно преследовали хобо. Их сбрасывали с поездов в глухих местах, избивали, сажали в тюрьму,

накладывали на них штрафы, которые заставляли отрабатывать на плантациях или рудниках. Полицейскому или охраннику ничего не стоило убить хобо, за это он не нес никакой ответственности.

Фостер «зайцем» пересек шесть раз страну от восточного побережья до западного, не считая более коротких маршрутов. Он-то знал, что опасность в пути возникала неожиданно, хобо не успевал оглянуться, как оказывался задавленным обрушившимся на него многотонным грузом или летел под колеса поезда, сброшенный пинком незаметно подкравшегося к нему охранника.

Фостер сам неоднократно находился на волосок от смерти во время скитаний по железным дорогам Штатов. Однажды он неудачно прыгнул в поезд. В другой раз, спасаясь от преследований охранников, был вынужден соскочить на полном ходу с поезда. Пришлось ему прыгать и с крыши одного вагона на крышу другого. Был и такой случай, когда полицейские открыли по нему огонь, пытаясь помешать вскочить на мчавшийся поезд. «Несколько раз меня арестовывали, дважды я чуть не замерз, раз двадцать я чуть не погиб под колесами поезда» — таков был, по словам Фостера, итог его железнодорожных скитаний.

Особенно тяжело приходилось зимой в северных и горных штатах, где температура иногда падала до 35 градусов ниже нуля. И вот на таком холоде по-летнему одетому Фостеру однажды пришлось просидеть на крыше вагона целые сутки. Чтобы не замерзнуть, он прыгал, размахивал руками, растирал себе лицо. Но все же обморозил нос и щеки. «Я чуть не потерпел во время этого путешествия свое Ватерлоо», — с улыбкой много лет спустя говорил Фостер. В другой раз в этом же районе он отморозил ноги.

Часто во время таких странствий Фостеру приходилось искать пристанища в салунах — больших американских трактирах, открытых круглые сутки, где можно было не только поесть и выпить, но и посмотреть непристойное представление, поиграть в покер или рулетку, потанцевать и «получить» за два доллара женщину. В этих заведениях, слава о которых гремела по всему дикому Западу, дровосеки, шахтеры, рыбаки, золотоискатели, строители оставляли свои скудные заработки, а иногда и жизнь. По существовавшему на Западе обычаю, хобо разрешалось посидеть и отогреться в салуне, и Фостер воспользовался этим.

Во времена первого трансконтинентального переезда к западному побережью Фостер застрял на некоторое время в городишке Эко в Техасе. Поблизости был расположен город Бомонт, где забил первый нефтяной фонтан На Западе. Этот район считался самым диким местом в Техасе.

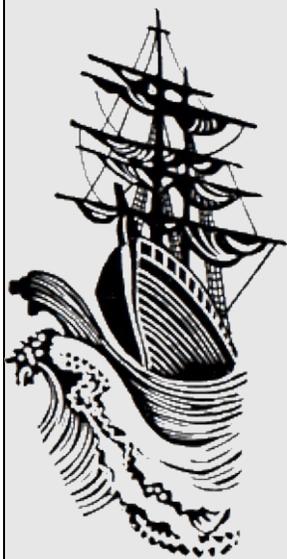
Грабежи и убийства были здесь обычным делом. Фостер нанялся в Эко рабочим по прокладке железнодорожного полотна, что дало ему возможность вновь наблюдать южных расистов в действии.

Командовал на участке Фостера некий Гарднер, темнолицый южанин, сын рабовладельца, ярый расист. Когда однажды повар Фрэнк, пьяница и дебошир, кичившийся своим «благородным» происхождением (он якобы был родственником какого-то миллионера), во всеуслышание заявил, что у Гарднера в жилах течет негритянская кровь, последний выстрелил в него в упор, поповеркав пулей лицо. После чего Гарднер заявил своей жертве: «Считай, что ты дешево отделался... За такое оскорбление я мог бы пристрелить тебя как собаку, и никто не посмел бы арестовать меня. А теперь сматывайся отсюда. Если через десять минут я застану тебя здесь, попрощаешься с жизнью».

Поработав некоторое время на укладке шпал, Фостер вновь снимается с места. Он держит путь в Портленд, штат Орегон.

Легкие продолжали беспокоить Уильяма. Теперь он надеялся поправить свое здоровье, нанявшись матросом на корабль. Морской воздух излечивал и не такие болезни. И еще: не терпелось узнать свет, побывать в заморских странах, увидеть, как живут и трудятся люди в других широтах.

НА ПАРУСНИКАХ ВОКРУГ СВЕТА

*О капитан! Мой капитан!
Сквозь бурю мы прошли.
Изведан каждый ураган,
и клад мы обрели.*

Уолт Уитмен

Зимой 1901 года, проехав по железной дороге около трех тысяч миль, Фостер прибыл в Портленд, расположенный на западном побережье, в штате Орегон. Город моряков, дровосеков, рыбаков, Портленд славился своими лесопильнями, корабельными верфями, железно-дорожными мастерскими.

Фостер присматривается к кораблям, заводит знакомства с «морскими волками», расспрашивает их о маршрутах и условиях, на которых берут в плавание. Несколько месяцев он работал в порту, в железнодорожных мастерских, на лесопильне.

Но вот в порт заходит английский грузовой четырехмачтовый

парусник «Пегас». Его шкипер — Мултон. «Пегас» собирается отплыть с грузом пшеницы в Кейптаун (Южная Африка), огибая мыс Горн. Шкиперу Мултону требуются матросы. И хотя у Фостера нет опыта в морском деле, но молодой, рослый и крепкий полуирландец вызывает у капитана симпатию, и Мултон зачисляет его в команду.

«Пегас» в среднем покрывал расстояние от Портленда до мыса Горн за два месяца. Но на этот раз из-за частых штилей он находился в пути около трех с половиной месяцев, причем ветры отбросили корабль на полторы тысячи миль к западу от Горна. Подул сильный восточный ветер, который вскоре перешел в шторм. Огромные ледяные волны обрушились на «Пегас», сметая с палубы шлюпки, ящики с курами и прочие предметы, круша и ломая корабельные снасти. Казалось, старая посудина пойдет ко дну.

Пять дней длился шторм, во время которого два матроса, находившиеся рядом с Фостером — Оле по прозвищу Норвежец и Фрэнчи — были смыты с палубы набежавшей волной и утонули в океанской пучине. Скучные пожитки погибших матросов — фамилии даже капитан толком не знал — были согласно обычаю разделены между их товарищами.

У Горна шторм утих, сильно потрепанный «Пегас» счастливо обогнул грозный мыс, у которого не один корабль закончил свои дни. Некоторое время спустя парусник прибыл в Кейптаун.

Это первое плавание познакомило Фостера с условиями работы матросов парусного флота, они в его время мало чем отличались от господствовавших в прошлых веках. Как тогда, так и в начале XX столетия к матросам относились точно к висельникам, каторжникам, отбросам общества. И действительно, среди них было немало бродяг без рода и племени и даже уголовных элементов, скрывавшихся от суда. Но были и другие — мечтатели, влюбленные в морскую жизнь, полную опасностей, необыкновенную и яркую; были и всякие неудачники, потерпевшие крушение в личной жизни, и просто неопытные юнцы. Набирались они в портах разных континентов, представляли различные национальности.

Матрос, поступавший в США на английское парусное судно, подписывал контракт сроком на три года или до прибытия в один из европейских портов. Полагающееся ему жалованье полностью выплачивалось только в конце указанного в контракте срока. Если матрос покидал судно раньше срока, он лишался права на зарплату, которая в таких случаях присваивалась судовладельцами и шкиперами. Если же дезертир возвращался на другом английском судне в Англию, то и в этом случае его зарплата конфисковывалась в пользу предыдущего судовладельца в

качестве возмещения убытков за уход матроса с корабля до истечения контракта.

Такая система найма и оплаты труда делала матросов жертвами произвола судовладельцев и шкиперов. Матрос превращался на три года в раба, вынужденного терпеливо сносить все лишения и произвол капитанов.

Матрос получал в месяц от 12 до 17 долларов. За три года это составляло в среднем около 500 долларов, сумма достаточная, чтобы открыть лавчонку или купить небольшой клочок земли. Но подавляющее большинство матросов оказывались не в состоянии сохранить в своем кармане эти сбережения дольше суток после их получения.

Годы унижений, голодухи, черной тоски по дому или любимой требовали разрядки, а портовые города предоставляли в распоряжение моряков широкую гамму самых разнообразных увеселений. Бары, пивные, игорные дома, девицы легкого поведения, всякого рода притоны — это манило и звало матроса, обещая ему наслаждения, радость и нежность, которых он был лишен во время плавания. Матрос знал, что эти обещания — мираж, химера, ложь. Но соблазн был слишком велик, а воля воспротивиться ему была подточена годами лишений.

Большинство матросов было не в состоянии вырваться из хитроумных силков, расставленных им судовладельцами. Это приводило к тому, что, заканчивая один контракт, матрос тут же подписывал другой в надежде, так никогда и не осуществлявшейся для большинства из них, что через следующие три года ему удастся разорвать цепи неволи и обрести свободу...

Довольно типичной в этом отношении была судьба 30-летнего матроса Ергенсена, датчанина по происхождению, с которым Фостер вместе плавал на паруснике «Графство Кардигана». Ергенсен служил матросом с 15-летнего возраста. Был он нелюдим и сварлив, штиль действовал на него раздражающе, но зато в штормовую погоду датчанин преображался, работал за троих, выручал товарищей. Ергенсен любил и одновременно ненавидел море и свою матросскую профессию. Он жаловался на гнилую пищу, на нищенское жалованье, на жестокость шкиперов, на бездомную жизнь матроса и клялся, что бросит все это к чертям, что это его последний рейс, что он намерен вернуться в свой родной штат Айову и остаться там навсегда, обзавестись женой, детьми — одним словом, стать человеком. В пути он не расходовал ни цента, не тратился даже на мыло, на курево, копил деньги.

Фостер был поражен его решимостью покончить с морем, но более опытные матросы сомневались в том, что Ергенсену удастся осуществить

свою мечту. «Море его не отпустит», — говорили они. И действительно, когда парусник прибыл в Англию и Ергенсен получил расчет, он за два дня пропил и прогулял все свои сбережения. Теперь не оставалось иного выхода, как вновь уйти матросом в море и вновь мечтать, в который уже раз, о райских куцах Айовы, о милой жене и резвых детишках, — до следующего расчета в одном из английских портов...

Труд матросов парусного флота был не только тяжелым и изнурительным, но и опасным. Матросы парусников ежедневно по нескольку раз взбирались на мачты по гнилым, рваным канатным лестницам. Неопытный в любую секунду мог сорваться с такой лестницы в водяную пучину или разбиться о палубу, что, впрочем, не так уж редко случалось. Его мог сбросить с мачты и неожиданный порыв ветра. Матросы работали на корабле по 12 часов в сутки — в три смены по четыре часа каждая. Они все время трудились: чинили паруса, красили, плотничали, убирали и мыли палубу и выполняли тысячу других всевозможных поручений, требовавших сноровки, смекалки, а часто и большого мужества. Отсюда дух взаимной выручки, поддержки, чувство локтя, свойственные бывалым морякам.

У матросов парусного флота, как когда-то у трамвайщиков, не было своего профсоюза, который защищал бы их права. Правда, время от времени они разрозненно и стихийно восставали против произвола судовладельцев, но отсутствие организации не позволяло добиться каких-либо улучшений в их корабельном быту или изменить существовавшую форму найма и оплаты труда. Быт матросов на кораблях был неустроен, спали они в тесных, душных, грязных каютах.

Но главная проблема заключалась в отвратительной кормежке на борту. Матрос получал на завтрак чашку кофе с галетой, на обед три раза в неделю тоненький кусок соленого мяса с куском хлеба и три раза — протухшую солонину с бобовым супом, на ужин — чай с галетой. По воскресеньям матросы получали на обед по полфунта «свежего» консервированного мяса, которое называли «Гарриет Лэйн» по имени женщины, которую зарезал муж-мясник. Газеты писали, что «мясо» Гарриет муж-убийца продал своим клиентам. Изредка к этой голодной диете матросы добавляли рыбу, если ее удавалось выловить во время плавания.

Рыба была важной прибавкой к скудному рациону моряков. Правда, в мясе бонито и альбакора водились черви, но их убирали, по крайней мере тех, которые были на виду, и рыбу с аппетитом поедали, следуя, как пишет Фостер, пословице, согласно которой «то, что не видит глаз, не признает и

ум».

На стоянках пища была столь же убогой, скудной и невкусной.

На кораблях выдавалось только четыре литра воды на человека в день, которая уходила на приготовление пищи и на питье — да и то была грязная и часто зловонная. Мыться и мыть белье приходилось соленой морской — а ею не отмоешь грязь, в особенности краску. Если во время плавания не удавалось собрать дождевой воды, то пресной не хватало даже на утоление жажды.

Морские галеты, занимавшие важное место в матросском рационе, как правило, выдавались червивыми, и матросам приходилось выскабливать из них червей или есть галеты вместе со «свежим мясом», как они мрачно шутили.

Кофе и чай тоже состояли из всякого рода отбросов и суррогатов, как и конфитюр, приготовленный из гнилых фруктов. Конфитюр пользовался столь зловещей репутацией, что старые «морские волки» решительно отказывались его есть.

От такой пищи легко было заболеть цингой, авитаминозом. Хозяева кораблей знали это и поэтому дважды в неделю выдавали матросам по стакану лимонного сока. Отсюда кличка матросов английских парусников — «лимонники».

Неоднократно случалось и так, что даже этой скудной пищи не хватало во время плавания. Провиант грузился в обрез, и если судно по каким-либо причинам оставалось в открытом море дольше обычного, то моряки получали укороченные порции, голодали, оставались без курева.

Разумеется, все эти лишения приходились на долю матросов и вовсе не касались шкипера и его помощников, в распоряжении которых всегда имелись свежее мясо, фрукты, овощи, свежие яйца. Для них специально держали на корабле кур.

Фостер был свидетелем многочисленных морских драм, в основе которых лежало бездушное отношение шкиперов к своим подопечным, их жадность, стремление получить максимум прибыли за счет бессовестной эксплуатации матросского труда. Казалось бы, Англия — традиционная морская держава, корабли которой колесили моря и океаны на протяжении столетий, должна была выработать какой-нибудь кодекс, охраняющий элементарные права своих моряков, или хотя бы традиции, обязывающие к взаимной выручке во время бедствия на море, гарантирующие минимум помощи тем, кто пострадал на морской службе.

Ничего подобного не было. Шкиперы, в особенности парусного флота, вели себя по отношению к матросам в подавляющем большинстве случаев

бездушно, если не бесчеловечно, подтверждая известную аксиому, что в классовом обществе даже в море человек человеку волк, а не брат.

В своих воспоминаниях Фостер рассказывает о трагичной судьбе канадского моряка Фреда Уолфа, который сломал ногу во время шторма. Врачей или лекарей ни тогда на парусниках, ни теперь на большинстве грузовых судов британского флота, да и других капиталистических стран, не существовало. Заболевших моряков должен был по существовавшим правилам лечить шкипер, он нес за них ответственность, от него зависело изменить маршрут корабля для доставки пострадавшего в госпиталь в ближайшем порту.

Как же поступил шкипер «Пегаса»? Он осмотрел Уолфа, констатировал перелом, наложил неумело шину и категорически отказался доставить его в ближайший порт, хотя до Кейптауна, куда направлялся «Пегас», оставалось еще два месяца пути. Когда Уолф, страдая от нестерпимой боли, сорвал наложенную капитаном шину, шкипер вообще отказался его «лечить».

Товарищи Уолфа старались помочь ему чем могли, но у них не было для этого ни средств, ни знаний. Больной в течение двух месяцев испытывал жесточайшие мучения, кричал, проклинал шкипера, просил убить его. Только счастливой случайностью можно объяснить, что Уолф не умер в пути от гангрены. В Кейптауне его сдали в госпиталь, причем шкипер согласился оплатить ему проезд лишь до Канады.

Нельзя сказать, чтобы парусники страдали от избытка рабочей силы. Наоборот, на каждой стоянке шкипер, как правило, недосчитывался нескольких матросов, которые, не выдержав плавучего ада, каким являлся для них корабль, покидали его, оставляя в руках капитана свое жалованье. В таких случаях шкипер, чтобы пополнить команду, прибегал к услугам своего рода работарговцев, промышлявших в портах. Они за определенную плату перед отплытием доставляли на борт рабочую силу — одурманенных алкоголем или потерявших сознание после удара бутылкой по голове матросов, бродяг или просто случайных посетителей баров. Такого «гостя» капитан зачислял в список команды, ему давали поспать до утра, а когда он приходил в себя, то с удивлением обнаруживал, что находится на корабле в открытом море и что сойти на землю он сможет только в другой части света через два, а то и три месяца плавания. На морском жаргоне это называлось нанять матроса «шанхайским способом».

Однажды Фостер стал свидетелем подобного найма. Из Портленда «Пегас» зашел в другой американский порт — Асторию, где на борт ночью какой-то громила доставил двух людей в невменяемом состоянии. У одного

из них голова была в крови, видимо от удара бутылкой. Несколько часов спустя «Пегас» снялся с якоря и пустился в свое четырехмесячное плавание по направлению к Кейптауну.

На следующий день один из вновь прибывших оказался конторским служащим, англичанином, лет около сорока, впервые попавшим на корабль. Другой же, раненый, пришел в себя только сутки спустя. Велики были его удивление, смятение и горе, когда он понял, что находится на корабле, идущем в столь продолжительный рейс, и что обратно сможет вернуться только много месяцев спустя. Эриксон, так звали эту очередную жертву шкиперского пиратства, оказался дровосеком из-под Портленда. Там у него остались жена и двое детей. В этот злополучный день он случайно забрел в порт и зашел в салун выпить стаканчик виски. Какие-то завсегдатаи пригласили его в свою компанию, стали угощать. Что произошло потом, он не помнил...

Эриксон обратился к шкиперу с просьбой спустить его на землю в одном из калифорнийских портов, мимо которых шел «Пегас». Он молил шкипера пожалеть его жену и детей, ведь они с его исчезновением остались без средств к существованию. Эриксон взывал к совести шкипера, заклинал его господом богом, наконец, угрожал ему. Но шкипер, по «заказу» которого, собственно говоря, Эриксона и доставили на борт, был неумолим: он наотрез отказался уступить мольбам дровосека, которому не оставалось ничего другого, как покориться и приступить к работе. Беспокойство за судьбу жены и детей не покидало Эриксона на всем пути до Кейптауна. Когда «Пегас» сбивался с маршрута, шел медленно и рейс затягивался, тревога Эриксона возрастала, и подружившийся с ним Фостер иногда думал, что дровосек от переживаний сойдет с ума.

Когда корабль, проделав 10 тысяч миль, дошел наконец до Кейптауна и Эриксон сошел на землю, он первым делом бросился на телеграф сообщить жене о своем местонахождении. Вскоре пришел ответ: жена считала его погибшим, семья бедствовала. Эриксон обратился к американскому консулу с просьбой помочь вернуться в Портленд, но его выставили за дверь. Денег у лесоруба на приобретение билета на пароход в Штаты, разумеется, не было. С трудом Эриксону удалось устроиться матросом на пароход, шедший в Ливерпуль (Англия), откуда он надеялся добраться в Штаты, а там и к своей семье.

Не все «матросы поневоле», которых «по-шанхайски» заманивали на корабль, работали на борту. Некоторые из них впадали в отчаяние. Безбрежный океан, в котором парусник казался мышеловкой, вот-вот готовый пойти ко дну, вызывал у них отвращение и страх, возраставший по

мере отдаления корабля от берега. Таких горе-мореходов матросы называли рэнзо. Матросы издевались над их трусостью и неприспособленностью к морской жизни. Много хлопот своим паникерством и бесполезностью они доставляли команде во время авралов и штормов. Моряки-профессионалы относились к ним враждебно, считая, и не без основания, что из-за трусости рэнзо рабочая нагрузка у остальных матросов увеличивалась.

Рэнзо представляли немалую опасность для команды! держались обособленно, часто впадали в меланхолию, что временами приводило их к безрассудным действиям. Бывалые моряки рассказывали жуткие истории: случалось, что рэнзо поджигали корабль или сами кончали самоубийством, бросались в морскую пучину.

Первым рэнзо, с которым встретился Фостер, был тот самый англичанин, конторский служащий, которого завезли на корабль вместе с Эриксоном во время стоянки в Астории. Он панически боялся моря и оказался совершенно непригодным и не приспособленным к морской службе. Все у него валялось из рук, приказов он не выполнял, на реи лазить категорически отказывался, к другим матросам относился с подозрением, враждебно. Фостер пытался с ним подружиться, помочь ему, но англичанин никого к себе близко не подпускал. Когда корабль достиг тропических широт, у англичанина настроение резко ухудшилось, он мрачнел не по дням, а по часам, и матросы стали опасаться, что рэнзо выкинет какую-нибудь штучку — зарежет кого-нибудь во время сна.

Матросы потребовали убрать англичанина из каюты. Он стал спать на палубе. Матросы отобрали у него спички, нож и по очереди не спускали с него глаз ни днем, ни ночью.

Считали, что рэнзо не выдержит многомесячного плавания на «Пегасе» без захода в порт и сойдет с ума. Но этого не случилось. Когда корабль бросил якорь в Кейптауне, первым спрыгнул на берег несчастный рэнзо и был таков. Больше матросы его не видали и о нем не слыхали. Такова была история одной из многочисленных жертв шкиперской жадности.

Плохо на море слабому, безвольному, трусу. Море таких не щадит. Корабль объединял матросов в коллектив, сближал людей. Несмотря на трагизм их существования, они испытывали свои маленькие радости и особую профессиональную гордость за нелегкий труд покорителей моря.

Настоящий моряк, несмотря на все тяготы корабельной жизни, любил море и любил корабль, свою нелегкую профессию. В океане перед его глазами мелькали стаи летучих рыб, он наблюдал акул, кашалотов, скатов, черепах и других диковинных обитателей водных глубин, морских птиц —

альбатросов и пеликанов. Ветер, от силы и направления которого зависела судьба парусника, туман, дождь — всем этим грозным и слепым силам природы матрос противопоставлял свою волю и, как правило, выходил победителем из поединка с ними. Это наполняло его гордостью за свою профессию и придавало особый смысл его труду.

И хотя матрос мечтал о берете, о земле и непрестанно думал о том, что он сделает в ближайшем порту, с какой красоткой повстречается, и как весело проведет с нею время, и сколько выпьет при этом обжигающего гортань рому; хотя он мечтал на старости лет о тихой гавани — беленьком домишке где-нибудь на берегу моря в обществе любимой женщины, — расстаться, разлучиться с морем и обрести заслуженный покой, дожить до обеспеченной старости ему никогда не удавалось. Он умирал или на море или заканчивал свою жизнь больной и без копейки в кармане в какой-нибудь богадельне, если не побираясь в портовых кабаках.

Жизнь и работа на корабле сближали матросов. Они делились друг с другом своими надеждами и горестями. Перед лицом необъятного и грозного океана человек предстал перед своими товарищами со всеми своими слабостями и сильными сторонами. В море рождалась настоящая, мужская, суровая и самоотверженная дружба. Она рождалась постепенно в нескончаемых разговорах между моряками, в житейских исповедях, которыми они обменивались. Во взаимных признаниях люди постигали нехитрую правду жизни. Моряки и солдаты знают такую бескорыстную дружбу, которая оставляет след на всю жизнь.

В матросских рассказах главную роль, как правило, играла женщина. То она предстала в словах рассказчика в виде кровожадного вампира, коварной искусительницы или бездушной изменницы, то, наоборот, в облики волшебной и нежной феи или добродетельнейшей и беспорочной мадонны. О женщинах матросы говорили, мечтали, встреч с ними ожидали, их воспевали или же проклинали, хулили, чернили. И хотя большинство матросов в портах с другими женщинами, кроме как с девицами легкого поведения и служанками баров, не общались, все они надеялись когда-нибудь встретить и полюбить хорошую, работающую девушку, мечтали о семье.

Из всех женщин, с которыми встречались матросы парусников, наибольшей популярностью пользовалась Нелли из Ньюкасла, что в Австралии. О ней рассказывали разные истории, в ее честь слагали песни, ее хвалили за отзывчивость, доброе сердце, нежность и красоту.

Рассказы о Нелли не раз слышал Фостер. Ему тоже довелось с нею познакомиться, когда корабль «Черный принц», на котором он плывал,

однажды зашел за грузом угля в Ньюкасл. К его удивлению, Нелли оказалась приветливой женщиной, работавшей официанткой в местном баре, весьма популярном среди моряков. Ей было чуть за тридцать, она была замужем, одним словом — ничего особенного.

Чем же объяснялась ее всеокеанская добрая слава? Фостер понял, что Нелли завоевала сердца моряков товарищеским, справедливым отношением к ним. Она их не обсчитывала, не обманывала, всегда готова была помочь добрым советом, посочувствовать. Многие моряки оставляли ей свои сбережения на хранение, и она всем всегда все возвращала. Она была «надежной». Для матроса, попадавшего на стоянках в окружение всякого рода уголовных элементов — от хозяев ночлежек до проституток и сутенеров, охотившихся за его сбережениями, — честная Нелли представлялась спасительным маяком, светившим в ночной мгле. Честная Нелли, по словам Фостера, была своего рода пролетарской героиней для простых и наивных матросов. Они готовы были боготворить ее за ту толику счастья и тепла, которые она им дарила, возможно даже не отдавая себе в этом отчета.

Чувства, желания и надежды матросов находили свое выражение в матросских песнях, облегчавших труд и быт тружеников моря. Эти песни были о женщинах, о любви, о галантных приключениях, о верности и о предательстве, о несчастных рэнзо, о загубленных алкоголем жизнях, о тоске по родному дому, о кораблекрушениях, пиратах и золотоискателях. Матросы в этих песнях осуждали нищенскую зарплату и гнилую пищу на кораблях, жестокость и коварство капитанов, бессердечность корабельных компаний. Первую строчку, как правило, пел один из матросов, вторую подтягивали хором остальные.

*О, без виски жизнь не жизнь!
Выпей же, Джонни.
Раздобуду виски я
И выпью с Джонни!
О, старик мой с виски помер,
Выпей же, Джонни!
А мамаша одурела,
Выпей же, Джонни! —*

пели матросы, подшучивая над своей горькой судьбой.

Фостер любил эти песни и даже пытался сам сочинять. Когда в каком-

нибудь далеко африканском порту парусник поднимал якорь и с его борта раздавалась песня «Мы идем домой вокруг мыса Горн» или «Нас ждут в Рио-Гранде», замирала жизнь на причалах и других кораблях. Эти песни пробуждали тоску по далекой родине, которая с расстояния 10 тысяч миль каждому казалась утраченным раем.

Матросы с увлечением играли в карты в свободное время, но Фостер ни разу не видел, чтобы игра шла на деньги. Некоторые увлекались чтением, покупая из своего скудного заработка книги — ведь на кораблях библиотек не было, а офицеры посчитали бы ниже своего достоинства одалживать свои книги матросам. «Огибая мыс Доброй Надежды, — вспоминает Фостер, — я прочел «Отверженных» Виктора Гюго».

На кораблях ценили шутку и розыгрыши, изобретательно проводили «посвящение» в моряки при пересечении экватора, иногда устраивали боксерские состязания на борту, в плохую погоду ловили океанскую рыбу — знаменитых бонито и альбакор. И бонито, и альбакора — могучие рыбыны, вес которых достигает иногда нескольких десятков килограммов. Ловить их — увлекательное, но и опасное занятие. Случалось и так, что при втягивании рыбы на борт она, вырываясь, сбрасывала матроса в море, где его пожирала акулы.

Матросы ловили из чисто спортивного удовольствия альбатросов. Этих величественных и красивых гигантских птиц матросы не любили и боялись. Считалось, что альбатросы нападали на матросов, упавших в воду, вырывая клочья мяса своими могучими и острыми клювами. С другой стороны, говорили, что душа погибшего в море матроса вселяется в альбатроса.

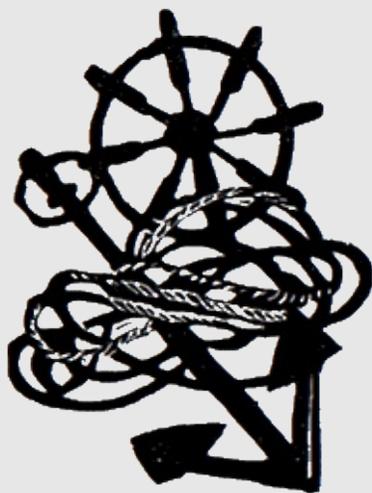
Ловля проходила так: к маленькому плотику прикрепляли приманку — кусок солонины, а к ней петлю и опускали плотик за корму. Когда альбатрос устремлялся к приманке и хватал ее клювом, петля затягивалась вокруг Клюва и птица взмывала вверх вместе с плотом. Но вскоре, выбившись из сил от такой непосильной ноши, альбатрос падал на палубу. Тут его начинало тошнить. Моряков смешила «неприспособленность» птицы к плаванию на корабле. Натешившись вдоволь, матросы отпускали пленника на волю.

ФосГеру полюбилась морская жизнь, несмотря на все ее трудности и превратности. Молодой парень, уже повидавший на своем коротком веку немало несправедливостей, пытавшийся уяснить себе причины социального неравенства, он видел в матросах полнокровных людей, сильных духом, которых не могли сломить ни бездушные и жестокие шкиперы, ни жизненные невзгоды, преследовавшие их с колыбели.

С момента, когда Фостер ступил ногой на корабль и по приказу шкипера беспрекословно полез на верхушку самой высокой мачты, сдав экзамен на смелость и мужество, матросы признали его своим, доверяли ему, прислушивались к его словам. Они видели в нем добросовестного трудягу, надежного товарища, но больше всего он привлекал их своим стремлением познать глубинную сущность явлений и верой в возможность добиться лучшей доли для тружеников моря.

— Я полтора раза объехал земной шар, — с гордостью говорил Фостер, вспоминая эти времена, — дважды обошел мыс Горн и один раз мыс Доброй Надежды. Мое путешествие продолжалось около трех лет и был? оно длиною в пятьдесят тысяч миль.

ЮЖНОАМЕРИКАНСКИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

*Я слышал грохот дальних вод,
Я видел брызг хрустальных взлет.
Там, где песков сверкала полоса,
Дремали молчаливые леса,
И мягкий колокола зов
Вдруг прозвенел среди холмов.*

Г. Лонгфелло

Это случилось в чилийском порту Талькауано, куда зашел английский парусник «Графство Кардигана», шедший из Тумбео (Перу) за грузом пшеницы для Ирландии. Фостер плывал тогда под фамилией Тома Донахю. К тому времени он уже был известен как агитатор, подбивающий матросов бастовать в защиту своих прав. От таких возмутителей спокойствия шкиперы пытались избавиться любым способом. Это заставляло Фостера заниматься под вымышленной фамилией.

На «Графстве Кардигана» подобралась команда почти сплошь из бунтарей. Большинство матросов парусника бежало с других кораблей до истечения трехлетнего срока, предусмотренного договором. Они опасались, что их жалование за службу на «Графстве Кардигана» будет конфисковано в виде возмещения за «ущерб», якобы понесенный компаниями в результате их «дезертирства» с других парусников. У матросов не оставалось иного выхода, как затребовать у шкипера причитающиеся им деньги и, получив их, наняться на другие корабли, сменив фамилии.

Матросы избрали Фостера своим полномочным представителем для переговоров со шкипером. Фостер потребовал выплаты морякам жалования в полном объеме и «списания» их на берег. Капитан возмутился. «Это бунт!» — заорал он и, приказав коку не кормить команду, поспешил в город к чилийским властям с требованием усмирить бунтовщиков.

В Чили в начале века правительство находилось в руках помещиков и капиталистов, раболепствовавших перед английскими компаниями. Английский консул в Талькауано был чуть ли не верховной властью в городе. Консул предоставил шкиперу взвод чилийских солдат. Полицейские арестовали наиболее рьяных бунтовщиков во главе с Фостером.

Стража доставила арестованных к консулу, который потребовал немедленно приступить к работе, угрожая в противном случае упрятать бунтовщиков в тюрьму. Матросы отказались подчиниться и были немедленно заключены в местную кутузку. В камерах этого заведения вонь, грязь, насекомые. Тюремные помещения были забиты ворами, грабителями, бродягами. Арестанты шумели, дрались. Ночью в камере, где сидел Фостер, двое чилийцев затеяли поножовщину. В камеру ворвались солдаты и стали избивать заключенных. Один из них был убит ударом приклада по голове. Матросы просидели в этом аду два дня. Их морили голодом. Они понятия не имели, чем все это может для них кончиться.

Только на третий день консул сообщил матросам, что в городе находится британский посланник в Чили, который соизволит с ними встретиться.

Вскоре всех арестованных моряков доставили в помещение, где находились шкипер, консул и полный, важный господин, назвавшийся британским посланником. Фостер изложил ему требования матросов о выплате жалования, выразил протест по поводу скудной и плохой пищи на корабле. Но его прервал консул, заявив, что жалобы матросов «неслыханны» по своей дерзости и что все они отъявленные бунтовщики и возмутители спокойствия. Причем он проявил большую осведомленность о

каждом матросе, указав даже имена кораблей, на которых они раньше служили.

После консула слово взял посланник. Он сказал, что выплата жалованья матросам до истечения срока найма противоречит британским законам и правилам торговой палаты. Посланник призвал матросов отказаться от их требований и вернуться на корабль. Фостер, выступая от имени матросов, настаивал на немедленной выплате всем жалованья и расторжении контракта.

Видя упрямство Фостера, представители власти посоветовались и предложили бунтовщикам вернуться к работе, гарантировав, что зарплата будет им полностью выплачена в Англии, что никто из них не понесет наказания за свои «безобразные» действия и что питание на корабле будет улучшено.

Администрация вынуждена была пойти на уступки: в порту стояли на якоре другие парусники с недовольными матросами, которые могли присоединиться к забастовке. Это была хоть не полная, но все же победа.

Матросы прекратили забастовку и вернулись на корабль. Позже они узнали, что джентльмен, выдававший себя за британского поел шпика, вовсе таковым не являлся, а был всего лишь местным протестантским проповедником. «Нам было обидно, что нас обманули, — писал впоследствии Фостер, — однако мы вовсе не были удивлены союзом консула, шкипера и проповедника». Это еще одно подтверждение тому, что власти и церковь стояли на страже интересов эксплуататоров. Хотя справедливости ради следует отметить, что условия соглашения, достигнутые в Талькауано, были соблюдены судовладельцами и команде по прибытии корабля в Англию жалованье полностью выплатили.

Плавание вокруг берегов Латинской Америки, посещение ее портов и пребывание, хотя и краткосрочное, в некоторых из них позволили еще в начале XX века Фостеру ознакомиться с социальной действительностью этого региона, привлекавшего все большее внимание правящих кругов Соединенных Штатов.

Победив Испанию в войне 1898 года, захватив в качестве трофея Пуэрто-Рико (не считая Филиппин) и оккупировав Кубу, Соединенные Штаты стали помышлять о дальнейшей экономической и территориальной экспансии в Латинской Америке. В первую очередь их интересовал Панамский перешеек, через который они намеревались прорыть канал, соединяющий Атлантический и Тихий океаны.

Колумбию, которой принадлежал перешеек, писал впоследствии Фостер в «Очерке политической истории Америки», не устраивали

условия, предложенные ей Соединенными Штатами, в 1903 году она отвергла их. Нимало не смутившись этим, американские империалисты спустя несколько месяцев сострипали в Панаме поддержанную флотом США «революцию», результатом которой было отделение перешейка от Колумбии. Президент Теодор Рузвельт немедленно признал «революционное» правительство Панамы и вскоре заключил с ним договор, передававший Соединенным Штатам «навсегда» полосу земли шириной в 16 километров, пересекавшую перешеек, по которой и был затем прорыт межокеанский канал.

Теодор Рузвельт, которому американский империализм был обязан этим ловким ходом, потом хвастался своими самочинными действиями: «Я забрал зону канала и предоставил конгрессу заниматься дебатами...» Рузвельт дерзко потребовал, чтобы народы признали претензии Соединенных Штатов на роль гегемона в западном полушарии. Он заявил, «что приверженность США принципам доктрины Монро может заставить их, несмотря на все их нежелание, пойти на вмешательство извне в ярко выраженных случаях несправедливых действий или бессилия правительства той или иной страны в западном полушарии».

Угроза Рузвельта возмутила народы Латинской Америки своим шовинистическим и откровенно империалистическим духом. Но Соединенные Штаты не считались с общественным мнением. Они направили военно-морской флот к берегам Панамы. Панамское побережье оказалось негостеприимным местом для морских пехотинцев янки: здесь свирепствовала желтая лихорадка. Чтобы дать проветриться своим «доблестным» воинам, а заодно показать свою военную мощь другим латиноамериканским странам, Рузвельт отдал приказ флоту идти в перуанский порт Кальяо и бросить там якорь.

В Кальяо тогда находился Фостер. За несколько дней до прихода американских военных кораблей он покинул парусник «Алаянс» вместе с тремя другими матросами, с которыми намеревался направиться пешком вдоль тихоокеанского побережья Южной Америки по направлению к Панаме, а оттуда возвратиться в Соединенные Штаты. Этому предшествовали следующие события.

Не успел «Алаянс» бросить якорь в порту Кальяо, как море закипело и земля задвигалась. Началось землетрясение. В городе поднялась паника, точно ошалелые, метались люди, бешено лаяли собаки, земля зияла трещинами, стены домов покосились, а некоторые постройки рухнули, похоронив под развалинами своих обитателей. Но прошло несколько дней, и Кальяо вновь обрел свой прежний полусонный вид. Землетрясения здесь

случались столь часто, что к ним привыкли.

Этот год, по-видимому, выдался несчастливим для жителей Кальяо. Прошла неделя после землетрясения, и город постигла новая беда: в гавань вошла американская эскадра. Ее командование предоставило увольнительную на два дня почти двум тысячам моряков, которые сошли на землю с карманами, полными долларов, и твердой решимостью всласть повеселиться в свойственном им стиле — с чудовищными пьянками, дебошами, кровавыми драками. Предвидя ход событий, капитаны находившихся в том же порту английского и французского крейсеров, отозвали из города своих матросов и стали выжидать «сообщений с фронта». Они не замедлили последовать.

Американские моряки набросились на местную водку из сахарного тростника — «писко», — и скоро по всему городу шли потасовки и кулачные бои между самими моряками, между ними и местными жителями. К вечеру ошалевшие от алкоголя и обретенной свободы моряки стали разносить в щепы бары, салуны, публичные дома и им подобные заведения. Затем начались грабежи и всякого рода насилия, пожары. Город казался захваченным варварами или карателями. Отовсюду неслись вопли, стоны, проклятия.

Прошло два дня, и на корабли вернулась только половина отпущенных в город матросов. Чтобы вернуть остальных, американская военная полиция вместе с перуанскими солдатами потратила около двух недель, прочесывая чуть ли не каждый дом в поисках дезертиров; некоторых находили в горах или других городах, хотя было не очень понятно, как и почему они там очутились. И все-таки многих обнаружить не удалось. Около ста моряков пропали.

Американские корабли наконец покинули Кальяо, оставив после себя полуразрушенный город и массу искалеченных людей. Таков был «дружеский» визит военных кораблей в Перу.

Из Кальяо Фостер со своими тремя товарищами, как уже было сказано, задумал пешком направиться к северу по древней земле инков вдоль тихоокеанского побережья в надежде дойти до Панамы. Они хотели своими глазами жизнь туземных народов, познать их быт, обычаи и привычки, ознакомиться с местной фауной и флорой. Они жаждали новых впечатлений и встреч, забавных приключений. Им грезилась по пути банановые и ананасовые рощи, очаровательные и доступные креолки, изобилие дичи и рыбы. Их вовсе не смущало то обстоятельство, что они не говорили по-испански и не имели за душой ни гроша, не располагали даже какой-нибудь картой местности, по которой им предстояло путешествовать.

В Австралии, куда он однажды пришел на паруснике «Черный принц», Фостер задумал со своим товарищем, матросом того же корабля Жаком Гаррисом, совершить бросок из Сиднея в Мельбурн, расстояние между которыми по прямой линии равняется 750 километрам. Но осуществить этот проект не удалось. Путешественники пробыли в пути неделю, изнывая от зноя, пыли и насекомых, и в конце концов должны были отказаться от своей романтической затеи.

Фостер решил пересечь Латинскую Америку. Теперь его товарищами по путешествию были уже знакомый нам янки Жак Гаррис, индеец Фред Лэйт из США и швед Карл Хансон.

Четверка отважных бодро покинула Кальяо и направилась пешком в Лиму, столицу Перу, известную своими величественными соборами, построенными еще в колониальное время. Не задерживаясь в столице, путешественники продолжали свой путь и к вечеру следующего дня прибыли в городок Анкон, жители которого радушно их встретили, ведь в этих местах так редко появлялись чужестранцы. По крайней мере в три дома моряки были приглашены поужинать. Такой прием наполнил их оптимизмом и вселил надежду, что путешествие к Панамскому перешейку будет приятной и вовсе не обременительной прогулкой. Правда, в окрестностях Анкона они натолкнулись на поле, сплошь усыпанное человеческими костями, что несколько подпортило им настроение. От местных жителей они узнали, что здесь двадцать лет тому назад сражались перуанцы с чилийцами во время так называемой Тихоокеанской войны между Чили и Перу.

Когда Фостер и его товарищи объяснили жителям Анкона, что намереваются пешком продолжать свой путь на север, изумлению перуанцев не было предела.

— Дальше на север пути нет, — уверяли они моряков. — Дальше непроходимые пески.

— А как же вы сами путешествуете?

— Только морем — на шлюпках.

Теперь пришлось изумляться американцам.

Но Фостер и его товарищи были не из робкого десятка. Им не были страшны океанские штормы, тем более они не намеревались отступить перед песками. Однако перуанцы оказались правы. Матросы просто вязли в песках. К тому же одолевал нестерпимый зной. В этих местах дождь не выпадал годами. Казалось, путешественники попали в Сахару. К вечеру путники достигли селения, жители которого, узнав, что они прошли сушей, взирали на них как на пришельцев с другой планеты. И эти крестьяне стали

отговаривать от путешествия пешком, утверждая, что дальше путь еще хуже, а точнее — никакого пути нет. Но упрямец, вошедших в спортивный азарт, невозможно было переубедить. Только вместо дня Фостер и его друзья решили идти ночью, надеясь, что будет не так жарко. На этот раз пошли босиком, в обуви шагать по песку было очень трудно.

Перуанцы пришли в ужас.

— Вас покусают скорпионы! — предупреждали местные старожилы матросов, но те только смеялись в ответ.

Вышагивая ночью по тихоокеанскому побережью, преодолевая все новые и новые песчаные барханы, наши герои достигли расположенной на океанском берегу индейской деревушки, где был праздник. Как раз в этот момент за огромной статуей Христа, которую несли на своих плечах самые почетные жители, следовали остальные крестьяне.

«Мы попали в средние века», — заметил Фостер спутникам.

До следующего населенного пункта было около 70 километров такого же адского пути, каким матросы шли до сих пор. Путешественники решили преодолеть его за двое суток. Индейцы снабдили их водой и пищей, хотя предупредили: пускаться в такую дорогу равносильно самоубийству.

Но смельчаки пошли дальше. За две ночи и день матросы не встретили никаких признаков жилья. Не миновали ли они очередное селение, не заметив его в потемках?

Так в действительности и оказалось. Это подтвердили индейцы, направлявшиеся на близлежащие соляные разработки. Индейцам было легче — они восседали на ослах.

В новом селении Фостеру и его товарищам сообщили, что расстояние по суше до следующего населенного пункта около 350 километров по безводной территории. Что делать? Путники решили задержаться здесь, подработать и на сэкономленные средства купить парочку мулов, нагрузить их съестными припасами и водой и двинуться дальше в путь. Но найти подходящую работу в заброшенном богом перуанском селении оказалось не так-то просто. С большим трудом удалось устроиться на соляных коях Фостеру и Гаррису, да и то только на неделю. Лэйт и Хансон остались на пляже загорать...

На коях работали индейцы. Они таскали на себе стокилограммовые блоки соли, за что получали всего восемьдесят перуанских центов в день. Столько же получили Фостер и Гаррис. Условия труда на коях были варварскими. За неделю Уильям и его товарищ заработали ровно столько, чтобы оплатить проезд на шлюпке обратно в Кальяо, куда уже отплыли, воспользовавшись первой же оказией, Лэйт и Хансон. Из Кальяо Уильям

направился в Англию.

Итак, Фостеру и его попутчикам не удалось пешком пройти из Перу до Панамского перешейка. Но зато они повидали много новых мест, встретили много добрых людей, познакомились с жизнью и трудом индейцев. И еще раз испытали себя. А ведь это так важно, в особенности для молодого парня: проявить волю, решимость, отвагу, не сдаться, не растеряться перед неожиданным, неведомым, грозным. Не спасовать перед холодом, жаждой, зноем.

Такие испытания выдержал с честью и молодой Фостер. Избороздил океаны, прошел через штормы и бури, участвовал в забастовках, бродил по далеким и неведомым ему дотоле землям, испытал голод и холод, жажду и зной. Он хорошо закалил себя за эти три года. Познал Дену дружбе и товариществу.

Когда Фостер нанимался матросом на парусный флот, он мечтал изучить искусство навигации, побывать в экзотических странах. Но теперь его неудержимо тянуло в Штаты. Он истосковался по родной земле и большим городам, шумным улицам. Фостер жаждал активной Деятельности.

Настал час вернуться домой.

«В БОРЬБЕ ОБРЕТЕШЬ ТЫ ПРАВО СВОЕ...»

*Зачем у станка, когда мы в борьбе?
В единстве мы всё завоюем себе.
Единство! Единство!
Вот правильный путь!
К хозяйской конторе дорогу
забудь!*

Американская рабочая песня

Осенью 1904 года Фостер распрощался в английском порту Норс-Шилдс с парусником «Графство Кардигана» и на пароходе направился в Филадельфию.

За четыре года, что он отсутствовал, «город братства» заметно изменился, появились первые небоскребы, улицы стали еще более оживленными и шумными, повсюду виднелись новые фабрики и заводы, поток иммигрантов не уменьшался, в порту высился лес пароходных труб.

Рабочие же по-прежнему оставались бесправными париями, у работодателей была одна лишь забота: побольше выжать из них соков, поменьше платить им. Как всегда, правительство, суд, газеты поддерживали владельцев фабрик, заводов, компаний; полиция, войска разгоняли демонстрации, расправлялись с забастовщиками. Агентство сыщика Пинкертон, поставлявшего фабрикантам шпииков, штрейкбрехеров и провокаторов, превратилось в солидную фирму с филиалами во многих индустриальных центрах, приносившую своему хозяину два миллиона долларов в год чистого дохода.

Но боевой дух рабочих только крепчал в ожесточенных классовых боях. Люди труда все решительнее выступали в защиту своих прав.

Возникали новые профсоюзы, забастовочное движение росло и ширилось, охватывая все новые регионы и отрасли промышленности. Слово «социализм» все чаще раздавалось на рабочих собраниях и митингах.

Лидеры буржуазных партий пугали капиталистов призраком надвигающейся социальной революции. «Милостивые государи, — говорил Марк Ханна, один из лидеров Республиканской партии, обращаясь к воротилам крупного бизнеса на одном из предвыборных выступлений 18 апреля 1903 года, — вы хорошо сделаете, если заранее приведете в порядок паруса, так как есть все основания предполагать, что в недалеком будущем в Соединенных Штатах разразится одна из величайших бурь, какие когда-либо видел свет... Рабочие недовольны своей судьбою... Положение мне рисуется далеко не в розовом свете, напротив, я замечаю, как политический горизонт завлакивается зловещими тучами. Рабочие быстро пропитываются духом, который в них вдохнули социалисты. Социалистическая пропаганда разлилась по всей стране, и скоро она принесет свои плоды в среде рабочего класса. Мы, капиталисты, не должны оставлять без внимания эти факты, несущие бурю. Напротив, нам следует попытаться овладеть этой бурей, а если возможно, отвести ее электричество в наши политические партии».

Марк Ханна призывал капиталистов сплотить ряды в борьбе с рабочими: «Обращая внимание на эти многочисленные факты, я приглашаю вас употребить все усилия, чтобы остановить движение, которое — я нисколько не сомневаюсь в этом — приведет нас к социальной революции, если мы будем продолжать нашу тактику последнего десятилетия.

Мы сами во многом виноваты. Все, что Уолл-стрит в состоянии был сделать, чтобы разжечь волнение, он имел неосторожность сделать. На

рынок были выброшены миллионы ценностей. Из среднего класса мы выжали все соки... Покупательная сила рабочих значительно уменьшилась, наши ошибки дали рабочим все основания для возмущения. И когда наступит день восстания — а он приближается, — я медного гроша не дам за голову Пирпонта Моргана, потому что именно он, по мнению рабочих, является ответственным за многие бедствия, свалившиеся на их головы».

В Филадельфии Фостер поступает в Союз моряков атлантического побережья, намеревается плавать на каботажных судах и вовлекать матросов в профсоюзную организацию. Но этим планам не суждено было осуществиться. Фостер получил письмо от одной из сестер, которая жила в штате Орегон, где ее муж обзавелся участком целинной земли. Она предложила Уильяму приехать, взять такой же участок, освоить землю, а потом с прибылью продать, если жизнь на лоне природы не понравится ему. Фостер недолго думая согласился. За годы странствий он соскучился по родным, ему захотелось пожить в обществе сестры.

Денег у него на переезд из Филадельфии в Орегон, разумеется, не имелось, зато он владел искусством ездить «зайцем» по железной дороге. Он смело двинулся в путь тем же испытанным способом.

Стояла поздняя осень, в горах уже выпал снег, случались морозы, пересекать континент по методу хобо в это время года не рекомендовалось.

Действительно, это путешествие оказалось не из легких. Фостер пробыл в пути две недели. Его неоднократно сбрасывали с поезда охранники, у него украли пальто, весь свой капитал — несколько долларов — он истратил в первые же дни на еду, получить работу в пути оказалось невозможно. Чтобы не умереть с голоду, Фостеру пришлось просить хлеба у одного пекаря. В конце ноября, измученный и голодный, но довольный тем, что и на этот раз удалось обойти охранников, Фостер прибыл в Орегон.

Тогда еще действовал закон о гомстедах — наделах целинных земель, которые могли получить на определенных условиях американские граждане. Наделы предоставлялись размером в 160 акров на семью. После того как гомстедер обрабатывал землю и обзаводился хозяйством, он мог уплатить за полученный участок и стать его полноправным собственником. В начале XX века лучшие земли были уже давно распределены. Многие участки доставались крупным земельным компаниям, завладевшим ими через подставных лиц. Земля, которую получили Уильям и его зять, находилась на склоне Каскадных гор, у слияния двух речушек, в тридцати пяти километрах от железной дороги. Участок был покрыт лесом, здесь часто шли дожди, зима была суровой, а лето душное и жаркое.

Фостер и его сестра с мужем построили по деревянной избушке, стали корчевать лес, но вскоре были вынуждены прекратить работу. Здешние места явно не годились для сельского хозяйства. Участки никакого дохода не давали и дать не могли. Пришлось искать заработка на стороне. В течение трех лет Фостер проводил на участке два-три летних месяца, охотясь, занимаясь рыбной ловлей. В конце концов участок был продан за несколько сот долларов. «Это первый и последний раз, когда я владел какой-либо собственностью», — с облегчением писал потом Фостер.

Эти три года, что он пребывал в «собственниках», Фостер работал в Портленде и его окрестностях строителем, рабочим в железнодорожных мастерских, лесорубом, потом — кочегаром на дистанции Портленд — Уматилла.

Профессия кочегара считалась тогда одной из самых тяжелых и трудных. На нее подбирали сильных и выносливых людей, чаще всего негров. Приходилось иногда по 16 часов в сутки стоять у раскаленной топки паровоза, непрерывно заполняя ее ненасытное чрево углем. Не каждый выдерживал такую нагрузку. Нередко случалось, что по окончании смены кочегара снимали с паровоза в обморочном состоянии. Фостер неустанно агитировал своих товарищей по работе вступать в профсоюз, бороться за сокращение рабочего дня и повышение зарплаты.

В годы работы в Портленде Фостер становится активным членом Социалистической партии, приобщается к чтению политической литературы. Он с жадностью поглощает брошюры и книги американских деятелей социалистического движения, а также работы Маркса и Энгельса и их европейских последователей — Лафарга, Плеханова, Каутского, Бебеля.

Социалистическое движение в Соединенных Штатах к тому времени уже насчитывало около полувека. Первыми пропагандистами социалистических идей в Америке были сторонники Маркса и Энгельса — немецкие иммигранты Фридрих Зорге, Майер, Фогт и другие, основавшие в 1857 году в Нью-Йорке Коммунистический клуб, 10 лет спустя клуб присоединился к Международному товариществу рабочих. Активно действовали в США и лассальянцы. Но и те и другие в основном вращались среди рабочих-иностранцев, многие из которых даже не владели английским языком.

В 80-х годах возникает Социалистическая рабочая партия. Со временем ее лидером стал Даниэль Де Леон, игравший на протяжении четверти века выдающуюся роль в рабочем движении Соединенных Штатов. Де Леон родился на острове Кюрасао, получил образование в

Голландии и Германии, где изучал живые и древние языки. Он свободно говорил на семи языках. В 1876 году Де Леон приехал в США и вскоре стал профессором международного права в Колумбийском университете. На этом посту он находился недолго. Университетские власти, недовольные его радикальными высказываниями, увольняют Де Лео́на, и он всецело посвящает себя пропаганде социалистических идей. Фостер называет его «неутомимым и преданным борцом за революцию». Де Леон был блестящим писателем и с 1890 года до своей смерти в 1914 году оказывал большое влияние на ориентацию революционного движения в США.

До прихода Де Лео́на в Социалистическую рабочую партию, она состояла на три четверти из немецких иммигрантов, даже ее центральный орган выходил на немецком языке. Под руководством Де Лео́на СРП значительно расширила свое влияние в среде рабочего класса. Де Леон открыто выступал как последователь Маркса. Энергичный агитатор и пропагандист, он немало сделал для соединения социализма с рабочим движением в США. Остроумный, находчивый, страстный, преданный социалистическим идеалам, пишет один из его биографов, Де Леон неустанно стремился к воспитанию рабочих в духе идей классовой борьбы и социализма, к внушению рабочим чувства классовой гордости и самоуважения, к подготовке их к выполнению стоящей перед ними великой исторической задачи — свержения капиталистического эксплуататорского строя.

Де Леон и его последователи страстно бичевали правых, соглашательских, реформистских лидеров социалистического и профсоюзного движения, которых они именовали «рабочими приказчиками класса капиталистов». Ленин считал это выражение прекрасным и глубоко верным. «Теория сотрудничества классов, — писал Де Леон, — представляет в Америке роковую иллюзию, по ходу американского развития вполне естественно возникающую в умах народа. Обязанность марксиста — твердо и со всей решительностью выступить против нее и подвергнуть ее уничтожающей критике».

И все же Де Леон, несмотря на свою приверженности к марксизму, не смог преодолеть многих сектантски? анархо-синдикалистских заблуждений. Он считал ненужной и даже вредной борьбу за ближайшие интересы рабочих, Его лозунгом было «Все — или ничего». Борьба с реформизмом привела его к бойкоту профсоюзов, руководимая «рабочими приказчиками капиталистов» типа Самуэ́ль Гомперса, и к созданию параллельных профсоюзных организаций, носивших зачастую сектантский ультрареволюционный характер и поэтому не привлекавших на свою

сторону широкие массы рабочих. Де Леон и его сторонники создали еще один профцентр — Социалистический альянс профессиональных организаций и рабочих союзов».

Де Леон не воспринимал марксистского учения о союзниках рабочего класса, зачисляя все классы, за исключением пролетариата, в одну реакционную массу, в том числе и все крестьянство. Эти ошибки Де Леона позволили Фостеру назвать его своего рода «ревизионистом наоборот», ибо в борьбе с оппортунизмом и реформизмом этот выдающийся деятель американского социализма, по существу, ревизовал ряд основных положений Маркса.

Несмотря на сектантские ошибки, Де Леон пользовался большим авторитетом среди революционно мыслящих рабочих, которых привлекала необычайная скромность лидера Социалистической рабочей партии, его спартанский образ жизни, его непримиримость по отношению к капиталистической системе.

Еще в 1887 году в предисловии к американскому изданию своей книги «Положение рабочего класса в Англии» Фридрих Энгельс призывал трудящихся Соединенных Штатов «объединить различные независимые отряды в одну национальную рабочую армию с временной программой, хотя бы и несовершенной, лишь бы только действительно программой рабочего класса, — таков ближайший крупный шаг, который предстоит совершить в Америке»^[1]. К сожалению, такого объединения не удалось добиться ни в политическом, ни в профсоюзном плане. Сектантская политика Социалистической рабочей партии привела в 1901 году к ее расколу и возникновению еще одной — Социалистической партии. К новой партии присоединились многие прогрессивные деятели культуры, писатели Джек Лондон, Эптон Синклер и другие. Во главе Социалистической партии встал рабочий Юджин Дебс. Он был создателем и лидером профсоюза американских железнодорожников, руководил знаменитой Пульмановской стачкой в 1894 году. Власти постоянно преследовали Юджина Дебса, неоднократно заключали его в тюрьму. Блестящий оратор и популяризатор идей социализма, Дебс пользовался большим авторитетом среди трудящихся, неоднократно выдвигался кандидатом в президенты От Социалистической партии. На выборах 1912 года он получил рекордное число голосов — свыше 900 тысяч.

Однако в отношении к профсоюзам Социалистическая партия придерживалась такой же сектантской политики, как и СРП. В 1905 году она способствовала созданию еще одной профсоюзной организации — «Индустриальные рабочие мира».

ИРМ возникли под непосредственным влиянием революции 1905 года в России. «Все мы, мужчины и женщины, — говорила на учредительном съезде ИРМ Люси Парсонс, вдова участника событий на Хеймаркетской площади Альберта Р. Парсонса, — должны проникнуться решимостью, воодушевляющей рабочих далекой России и далекой Сибири, где, как нам казалось, у мужчин и женщин уничтожен всякий проблеск надежды. Последуем их примеру». Лидер горняков Хейвуд, по прозвищу Большой Билл, выразил с трибуны съезда надежду, что новое движение «будет расти и охватит всю страну, пока в него не вольется огромное большинство трудящихся, которые восстанут против капиталистической системы, как это сделал ныне рабочий класс России».

Съезд приветствовал «великую борьбу рабочего класса далекой России против невыносимого произвола, угнетения и жестокости» и обещал «моральную и финансовую поддержку в пределах своих возможностей нашим преследуемым и страждущим братьям, борющимся в России».

ИРМ, выступившие за бескомпромиссную борьбу с капитализмом, за развитие забастовочного движения привлекли к себе многих революционно настроенных рабочих, в том числе социалистов. Последователям ИРМ был свойствен революционный энтузиазм, безграничная преданность рабочему делу, самоотверженность в борьбе против капиталистов. «Никогда ни до этого, ни после не было Такой организации, — пишут Ричард О. Бойер и Герберт М. Морейс, авторы «Нерассказанной истории рабочего движения в США». — Ее члены, по крайней мере на Западе, всегда были в движении, переходя с одной работы на другую, кочуя из штата в штат — от Рио-Гранде до Колумбии, от Омахи до Сан-Диего, вскакивая в товарные поезда, пристраиваясь на буферах. Они путешествовали куда глаза глядят, как багаж без адреса. То были профсоюзы на колесах, стальных колесах. Лязг и грохот этих колес, их мерный незатихающий металлический стук, запах угля и дыма, паровозные гудки, разрывающие тишину ночи, все это было хорошо известно почти каждому ее члену. Постоянный характер носили также стычки между уоббли, как обычно именовали членов ИРМ, и вооруженными «клячами», как называли тормозных кондукторов; они разыгрывались зимними ночами в Скалистых горах, когда быть выброшенным из поезда значило погибнуть...»

Видную роль в деятельности ИРМ играл Большой Билл — Хейвуд, лидер боевой Западной федерации рудокопов, организатор и участник многочисленных забастовок, неутомимый борец за права рабочих. Ирландец по происхождению, огромного, почти двухметрового, роста с пышной шапкой льняных волос на голове, обладатель громоподобного

голоса, этот могучий циклоп (он видел лишь одним глазом, на другой ослеп от несчастного случая в детстве), Хейвуд пользовался любовью и уважением рабочих и вызывал злобный страх и ненависть капиталистов.

Большой Билл не был святым, пишут о нем Бойер и Морейс. Ему было свойственно тщеславие, смирения у него не больше, чем у бульдога. Он боролся со своими слабостями так же упорно, как и за победу бастующих. Если сегодня терпел неудачу, то назавтра боролся еще упорнее. Временами, когда он шатался по пивным, смеясь, затеывая драки и декламируя стихи, задирая штрейкбрехеров и бандитов, казался просто драчливым гигантом. Потом Большой Билл в течение года не появлялся в пивных — в это время читал Бокля и Моргана, Дарвина и Маркса, а главное — своего любимого Шекспира.

Полицейские провокаторы — агенты предпринимателей, «вижилянты» (дословно — стражи) — ура-патриоты, американский вариант «черной сотни», преследовавшие рабочих и профсоюзных деятелей, — неоднократно покушались на жизнь Большого Билла. В него стреляли, его арестовывали, заключали в тюрьму, предавали суду, травили в печати, требовали расправы над ним в конгрессе.

В конце 1905 года, вскоре после создания ИРМ, пшик Гарри Орчард убил бывшего губернатора штата Айдахо Фрэнка Стюненберга, ярого противника Западной федерации рудокопов. Задержанный полицией Орчард показал, что свое преступление совершил по указанию Большого Билла и двух других руководителей профсоюза рудокопов — Чарлза Г. Мойера и Джорджа Петтибона. Хейвуд, Мойер и Петтибон были арестованы в феврале 1906 года. Они просидели в тюрьме 16 месяцев. Суд над ними закончился только в конце июня 1907 года.

Власти и горнопромышленники делали все возможное, чтобы отправить Хейвуда и его товарищей на эшафот, раи президент Теодор Рузвельт объявил Хейвуда, Мойера, Петтибона, а заодно и Дебса «нежелательными гражданами». Но на защиту Большого Билла и его соратников нетала рабочая Америка. По всей стране проходили массовые демонстрации и митинги с требованием освободить невиновных лидеров рудокопов.

Хейвуд и его товарищи были оправданы присяжными и обрели свободу. Их мужественное поведение в тюрьме и на процессе привлекло к ИРМ много новых бойцов. Однако и этой организации не удалось привлечь на свою сторону большинство рабочего класса. В руководстве ИРМ возобладала анархо-синдикалистская ориентация, пренебрежение к политической борьбе рабочего класса. «Индустриальные рабочие мира»

(ИРМ), как и Американская федерация труда (АФТ), выдвигали в основном экономические требования. Разница между ними заключалась главным образом в том, что АФТ добивалась их осуществления путем компромисса с предпринимателями, а ИРМ — путем стачек, принимавших зачастую затяжной характер и сопровождавшихся репрессиями, кровопролитием, попытками подавить их с помощью полиции и даже войск.

Отсутствие единства в рядах рабочего класса пагубно сказывалось на развитии революционного движения в Соединенных Штатах.

Фостер с первых же шагов ИРМ проникся сочувствием к боевой деятельности этой организации, выступал в защиту ее лидеров, подвергавшихся преследованиям. Он участвовал в борьбе за освобождение Хейвуда, Мойера и Петтибона, интересовался событиями в мире, русской революцией 1905 года, которая послужила еще одним стимулом роста революционного энтузиазма и революционной сознательности молодого рабочего. Фостер был усердным читателем органа Социалистической партии «Призыв к разуму», активным его распространителем.

Социалистическая партия постепенно набирала силу. В 1905 году она насчитывала свыше 23 тысяч членов. Тираж «Призыва к разуму» достиг 250 тысяч экземпляров. Но в идеологическом плане руководство Социалистической партии сползло все больше в трясины оппортунизма. Руководство в партии захватили мелкобуржуазные деятели — врачи, адвокаты, священники, всякого рода проповедники. Они вовсе не были заинтересованы в революционном изменении капиталистического строя в Соединенных Штатах. Их полностью удовлетворяли реформы либерального типа. Этим реформистским элементам противостояли сторонники революционной ориентации, выступавшие с марксистских позиций. Борьба между реформистами и революционерами велась не только в рядах Социалистической партии, но и в профсоюзах и других рабочих организациях.

«Естественно, — вспоминает Фостер, — я проявлял большой интерес к фракционной борьбе и с самого начала оказался на левом крыле Социалистической партии. Весь мой опыт классовой борьбы и все, что я вычитал о ней в книгах, делали из меня активного борца. Я понял элементарную правду: классовая борьба — это несомненный факт. Я был глубоко убежден, что реформистский план постепенного превращения капитализма в социализм путем осуществления реформ — несбыточная мечта. Беспощадный капиталистический класс не может быть лишенным власти путем увещевания, выборов или отступного. Он уступит власть только превосходящей силе трудящихся масс. Поэтому я решительно

присоединился к пролетарскому течению, которое стремилось превратить Социалистическую партию в революционную организацию».

Тем временем Фостер готовился сменить профессию кочегара на паровозного машиниста. Но это ему не удалось. В 1907 году разразился экономический кризис. Произошел он внезапно, неожиданно, по крайней мере для рабочих. Вдруг на заводах и фабриках остановилось производство, стали увольнять рабочих. Потом началась паника на бирже. Закрылись банки. Прокатилась волна банкротств. Появилась армия безработных.

Фостер потерял работу на железной дороге и переехал из Портленда в Сиэтл, штат Вашингтон, где не без труда устроился рабочим в одной из местных фирм.

В западных штатах, в том числе в штате Вашингтон, столицей которого является Сиэтл, в Социалистической партии преобладали революционные течения, боровшиеся против оппортунистического руководства. Редактора местной социалистической газеты врача Германа Титуса Фостер считал одним из выдающихся американских марксистов начала XX века. Партийную же организацию возглавлял другой врач — Браун, типичный реформист. Со временем он станет мэром города. Фостер разделял взгляды Титуса, поддерживал его в борьбе против Брауна.

В Сиэтле Фостер принимал активное участие в деятельности рабочих организаций. Именно здесь он сформировался как уличный оратор, агитатор за дело социализма, с неизменным успехом выступавший с ящика из-под мыла, служившего ему трибуной, перед самой разнородной рабочей аудиторией. Фостер говорил, что от рабочего уличного оратора требовались не только личное мужество и готовность сесть в тюрьму, быть помятым полицейскими или их единомышленниками, всякого рода вижилянтами, куклуксклановцами и прочими реакционерами, но и глубокие всесторонние политические знания, находчивость, умение дать отпор на провокационные вопросы.

Согласно традиции уличные выступления состояли из двух частей: речи оратора и вопросов, которые задавали ему слушатели, зачастую противники. От того, с каким искусством вел полемику со своими противниками оратор, часто зависел успех уличного митинга.

Рабочие с трудом постигали эту науку. Случались и разные смешные истории. Фостеру запомнился печатник Каллахан из Сиэтла, который мечтал стать уличным оратором, но был одержим «боязнью сцены» и, залезая на заветный ящик из-под мыла, терял дар речи. Однажды Каллахан долго готовился к митингу, на котором должен был произнести краткое

вступительное слово и представить ораторов. Митинг Каллахана открыл словами: «Друзья рабочие! Сегодня вечером в двухстах церквях Сиэтла двести проповедников в этот момент поднимаются на амвон, чтобы произнести очередную проповедь. Что же они могут сказать трудящимся? Ничего, абсолютно ничего!» На этом красноречие Каллахана иссякло. Не в силах вымолвить больше ни слова, Каллахан под смех собравшихся, обливаясь потом, слез с ящика в полном изнеможении.

Другой рабочий оратор, социалист Эл Льюис, разоблачал урапатриотов, безмерно превозносивших «отцов республики» — руководителей войны за независимость США. «Отцов республики» он именовал не иначе как жуликами, контрабандистами, а в одном спиче договорился до того, что объявил их всех бандитами и ворами. Если бы революция не увенчалась успехом, то добрая дюжина «отцов республики» закончила бы свои дни на виселице, воскликнул Льюис в пылу красноречия. В те времена такая критика квасного патриотизма воспринималась рабочими с большим сочувствием.

Иногда слушатели задавали оратору каверзные вопросы с целью проверить его осведомленность или грамотность. Фостер рассказывает, как однажды он и его друзья решили подшутить над знакомым ирландцем, который хотя и был малообразованным, но как оратор славился своей изворотливостью. Ему задали следующий вопрос:

— Скажите, мистер спикер, способствовал или нет развитию протестантизма в Германии тот факт, что во время первой Пелопоннесской войны афиняне пользовались коротким мечом и выступали фалангой, а их враги спартанцы употребляли длинный меч и выступали колонной?

Хотя оратор понятия не имел об Афинах и Спарте, он вовсе не смутился и быстро отпарировал:

— Я отвечу вам, сэр! И да, и нет! Следующий вопрос, пожалуйста!

Оппоненты ирландца были посрамлены.

Но выступления рабочих на уличных митингах далеко не всегда носили столь веселый и безобидный характер. Чаще всего они сопровождались полицейскими репрессиями. Таким образом, рабочий оратор ко всем другим своим качествам должен был обладать еще недюжинной долей мужества и стойкости, если он хотел преуспеть в нелегком искусстве сеятеля революционных идей...

СВОБОДА СЛОВА — МИФ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Угол улицы был единственным их залом для митингов, и отнять у них право на агитацию на улицах значило обречь их на молчание

Грант С. Юманс, организатор ИРМ

Соединенные Штаты считались со дня своего основания самой свободной страной в мире. В особенности эта их слава возросла после победы Севера над Югом и окончательной отмены рабства негров. Действительно, американская конституция, американские законы были направлены на то, чтобы гарантировать гражданские права населения, в частности свободу слова, свободу не соглашаться с существующим порядком и критиковать его, вплоть до призывов свергнуть его.

Когда буржуазия провозглашала право на свободу слова, она в первую очередь пеклась о своих собственных интересах и мыслила его как право на критику феодальных и колониальных порядков, против которых она вела

тогда революционную войну.

Отношение буржуазии к свободе слова резко изменилось, когда этой свободой стали пользоваться пролетарии, разоблачавшие классовый характер буржуазного общества и призывавшие покончить с капиталистической эксплуатацией. С такой свободой слова власть имущие никак не могли согласиться. Такую свободу слова они всячески ограничивали, притесняли, зажимали. В их распоряжении имелись тысячи способов добиться своих целей, официально не отменяя права на свободу слова. Будучи по своей натуре лицемерной и двуличной, буржуазная демократия вменяла функцию контроля и ограничения свободы слова полицейским властям, которые преследовали рабочих ораторов под предлогом «нарушения порядка», «сопротивления властям», «призыва к мятежу», «неуважения к закону» и т. п. В результате на всем протяжении американской истории, хотя гражданские свободы формально не отменялись, трудящиеся вели неустанную борьбу за право ими пользоваться наравне с буржуазией, борьбу нередко жестокую и кровавую, порождавшую немало героев и мучеников, на которых всегда была так щедра рабочая Америка.

Фостеру довелось принять непосредственное участие в одной из таких битв за свободу слова, охвативших западные штаты в 1909–1911 годах.

В те годы в западных городах, расположенных вдоль железных дорог, в зимнее время скапливалось большее число сезонных, или, как их называли, кочующих, рабочих. Предприниматели за гроши использовали их в сельском хозяйстве, на шахтах, лесоразработках. Особенно возмутительными были условия работы на лесоразработках. Питание скудное, в битком набитых бараках санитарные условия отвратительные. Рабочий день продолжался от зари до заката солнца, лесорубы, страдавшие от несчастных случаев, травм, не получали медицинской помощи. Жизнь сезонников была скучной и однообразной, работа в лесу в течение года прерывалась только двумя праздниками — Днем независимости США и рождеством.

Лесорубы, как правило, одинокие люди, появлялись в городе, имея при себе значительные суммы денег. Но прежде чем они успевали приобрести необходимую одежду и обувь, их обкрадывали в кабаке или в доме терпимости.

Сезонников возмущали не столько условия труда, сколько грабеж контор по найму, незаконно взимавших за свои «услуги» комиссионные. Причем часто рабочих увольняли после первой полочки, из которой высчитывались комиссионные за подыскание работы.

Ветеран рабочего движения Элизабет Герли Флинн, принимавшая участие в борьбе за свободу слова и ставшая впоследствии, как и Фостер, одним из руководителей Коммунистической партии США, пишет, что кочующие рабочие зло острили: «акулы» — агенты по найму — создали «великое движение»: один рабочий едет на работу, один работает и один уходит с работы.

Местные отделения ИРМ, свидетельствует Флинн, были единственным помещением, где сезонники могли получить приют, оставить свой нехитрый багаж, искупаться или, что более важно, прожарить свою одежду и одеяла, чтобы уничтожить вшей. Здесь они высказывали свои обиды и обменивались опытом, в результате чего некоторые особенно плохие места работы заносились в черные списки. Тут же устраивались лекции, дискуссии и даже вечеринки.

Но ИРМ не только предоставляли свои помещения сезонникам. Уоббли (так называли членов ИРМ) энергично выступали в их защиту на уличных митингах, разоблачая сговор посредников с работодателями и полицией. Митинги проводились прямо перед конторами по найму. Ораторы осуждали махинации посредников, сообщая, когда, где и сколько обмануто ими рабочих и их фамилии. Уоббли призывали к бойкоту контор и требовали, чтобы рабочих нанимали только через профсоюзную организацию.

Выступления уоббли доставляли немало беспокойства местным «акулам» — солидным бизнесменам, владевшим капиталом и недвижимым имуществом. Они называли сторонников ИРМ бродягами, босяками, котомщиками (из-за того, что сезонники носили за спиной свернутые одеяла). Выполняя волю «акул», местные муниципальные власти стали запрещать уличные митинги под предлогом «нарушения порядка», карая их устроителей тюремным заключением и штрафами.

Затыкая рот уоббли, власти и предприниматели стремились изолировать их от рабочей массы, лишить возможности пропагандировать свои взгляды, а заодно и права га организацию.

Уоббли приняли вызов и призвали своих единомышленников «заполнить тюрьмы». Их сторонники наводняли город, где объявлялась борьба за свободу слова. Избрав подходящее место, они устанавливали уличную «трибуну». Один за другим выступали ораторы, произнося характерное для уоббли обращение: «Братья рабочие и друзья!» — после чего полицейские их немедленно стаскивали с трибуны и отправляли за нарушение порядка в тюрьму. На место арестованных поднимались на трибуну новые ораторы, которые за речь из четырех слов подвергались той

же участи, что и предшествующие. Участвовавший в борьбе за свободу слова известный писатель Эптон Синклер поплатился свободой за чтение на митинге Декларации независимости.

Когда местная тюрьма не вмещала нарушителей, власти приспособивали под места заключения другие здания. Все это привлекало внимание к данному городу, превращалось в сенсацию. Город наполнялся репортерами, газеты на первых полосах сообщали о перипетиях борьбы, городские власти спешно выискивали средства на содержание заключенных, которые отказывались работать и платить штрафы. В городе Миссуле, штат Монтана, где был применен этот метод борьбы, власти не выдержали напряжения и отменили запрет на проведение уличных митингов. Но в Спокане, штат Вашингтон, где было свыше 30 контор по найму рабочей силы, власти не сдавались, продолжая преследовать мужественных и неугомонных уоббли.

Фостер принимал участие в событиях в Миссуле в качестве корреспондента социалистической «Газеты трудового люда», издававшейся в Сиэтле. Он уже давно писал в социалистические газеты статьи, хроники и заметки о различных событиях рабочего движения. Теперь редакция «Газеты трудового люда» поручила ему освещать борьбу рабочих за свободу слова.

Фостер переехал в Спокан, когда там разгорелась борьба городских властей с уоббли. Вскоре Фостер познакомился с Элизабет Герли Флинн. 50 лет спустя Флинн вспоминала: «Когда мы встретились в Спокане во время борьбы за свободу слова, ему было двадцать восемь лет. Он был высокий, стройный, с голубыми глазами и мягким голосом, гораздо более худощавый, чем сейчас, настоящий «тощий парень», как он сам себя называл».

Вскоре после прибытия Фостера в Спокан его арестовали во время одного из уличных митингов, хотя, по его словам, он находился «в самой гуще толпы». Фостера приговорили к 30 дням тюремного заключения, к штрафу в 100 долларов плюс судебные издержки. Эту сумму он должен был отработать на каменоломне. Его сковали цепью, к которой было привязано ядро весом около семи килограммов, с другими заключенными и повели на каменоломню, где сказали: «Работай — либо замерзнешь». Фостер, как и другие заключенные, категорически отказался «отрабатывать» штраф и... отморозил себе ноги.

Поэтому Фостер находился в тюрьме вместо 30 дней около двух месяцев. Заключенных, сообщал он в одной из корреспонденций в свою газету, били дубинками и запихивали в камеры в таком количестве, что они

не имели возможности сесть. Если же уоббли начинали протестовать, их обливали ледяной водой из шланга, а затем устраивали «баню», направляя на них струю пара. Многие теряли сознание, но маленькая камера была так набита людьми, что они не могли упасть. Арестованных подвергали допросу и «третьей степени» обработки — то есть попросту истязали и пытали.

Когда тюрьма оказалась переполненной, заключенных стали помещать в заброшенное промерзшее здание школы имени Франклина, где от голода и холода погибло трое арестованных. Многие заключенные болели воспалением легких и другими болезнями.

Несмотря на террор, настроение заключенных оставалось боевым. «Члены ИРМ, находящиеся в городской тюрьме, объединились во временную организацию и регулярно, два раза в неделю, устраивали митинги, — сообщал Фостер в «Газету трудового люда». — В понедельник вечер посвящается пропаганде, и эта пропаганда оказывается отнюдь не бесполезной, ибо многие заключенные заявили о своем намерении по выходе из тюрьмы вступить в ряды ИРМ. Вечер в среду посвящен текущим делам, и даже удивительно, до какой степени у нас много дел. Мы постановили, что сигнал «гасить свет» должен раздаваться в 10 часов 30 минут вечера, выбрали секретаря и комитет по вопросам пропаганды, который будет вести воскресной программой. Мы установили также десятки других правил и пунктов распорядка дня».

Сам Фостер вступил в тюрьме в ряды «Индустриальных рабочих мира».

Борьба в Спокане продолжалась около 16 месяцев.

Уоббли были полны решимости одержать победу. Их сторонники продолжали прибывать в Спокан. В газетах писали: «Путешествуя сквозь вьюги на буферах, крыше и тормозных площадках товарных вагонов, эти «коммивояжеры идеи» прибывали в город, хотя в конце пути их ожидали лишь кирка, каменоломня и тюрьма».

Подверглась аресту в Спокане и 19-летняя Элизабет Герли Флинн, Над ней устроили суд, но она, как и другие споканские борцы, мужественно выдержала все испытания и, выйдя на свободу, продолжала борьбу за интересы рабочего класса.

Стойкая борьба рабочих за свободу слова вынудила в конечном итоге городские власти отменить запрет на уличные выступления профсоюзных и социалистических деятелей. Фостер возглавил комитет рабочих, который вел соответствующие переговоры с властями. Соглашение было достигнуто 5 марта 1910 года.

Власти выпустили всех арестованных, вернули ИРМ помещение для собраний, разрешили издание их органа, но главное — уоббли вновь получили право проводить уличные собрания и демонстрации. Со своей стороны, ИРМ отказались от судебных исков против властей. Вскоре законодательная палата штата Вашингтон приняла закон, запрещавший агентам по найму взимать плату с рабочих за трудоустройство.

Победа уоббли в Споконе имела большое значение, ибо во многих других городах и штатах власти пытались запретить рабочим выступать на улицах в защиту своих прав, в то время как уличные выступления церковных и других реакционных ораторов ничем не ограничивались. Теперь власти были вынуждены и в других местах отступить.

И все же формальное признание за рабочими права на свободу слова вовсе не означало, что капиталисты и защищающие их интересы власти отказывались от репрессий по отношению к трудящимся. И после победы в Споконе полиция, национальная гвардия, войска разгоняли рабочие демонстрации и митинги, избивали их участников, заключали их в тюрьмы. Капиталисты боялись подлинно революционного рабочего движения, хотя в их руках была печать, школа, церковь и законодательная власть, обрабатывавшие общественное мнение в интересах эксплуататоров. Играло на руку фабрикантам и банкирам и то обстоятельство, что рабочее движение было расколото: имелось две социалистические партии — одна, возглавляемая Де Леоном, другая — Дебсом, два профсоюзных центра — Американская федерация труда и «Индустриальные рабочие мира», не считая многочисленных других менее влиятельных организаций анархистской, синдикалистской, мелкобуржуазной ориентации. Все они вели борьбу не только с предпринимателями, но и между собой, внося сумятицу в ряды рабочего класса, ослабляя его волю к сопротивлению.

Главной же слабостью американского рабочего движения было отсутствие правильной политической линии, четко разработанной подлинно марксистской стратегии и тактики революционной борьбы, следствием чего был хронический разлад между социалистами различных направлений и профсоюзным движением.

Американское рабочее движение никак не могло оправиться от трех своих недугов — политического сектантства, синдикализма и реформизма, и в этом была его трагедия.

Примером тому были события, разыгравшиеся в организации Социалистической партии Сиэтла.

Пока шла борьба за свободу слова в Споконе, в Сиэтле отношения в Социалистической партии между правыми сторонниками Брауна и левыми

— последователями Титуса обострились до предела.

В 1909 году партийная организация раскололась. На очередной партийной конференции Брауну путем разных махинаций удалось получить перевес и добиться переизбрания. Возмущенные этим левые во главе с Титусом покинули конференцию, объявили ее незаконной и создали свою собственную партийную организацию. Однако ее не признало национальное руководство Социалистической партии. Титус и его сторонники были обвинены в нарушении партийной дисциплины и исключены из партии. В числе исключенных оказался и Фостер.

Вначале Титус и его сторонники думали присоединиться к Социалистической рабочей партии, возглавляемой Даниелем Де Леоном. Но его сектантские взгляды на политическую борьбу рабочих не находили отклика среди левых социалистов. Титус и его единомышленники решили основать новую партию, которую они назвали Партией рабочих наемного труда. Почему такое название? Потому что в новую партию решили допускать только рабочих. Сам Титус, чтобы стать достойным членом новой организации, отказался от профессии врача и стал работать лифтером.

Новая партия оказалась недолговечной. Сектантство загубило ее, как и многие другие социалистические организации. Не просуществовав и года, она распалась. Ее бывшие члены примкнули к другим группировкам: кто к Социалистической рабочей партии, кто к Американской федерации труда, кто к «Индустриальным рабочим мира».

Интересна дальнейшая судьба Титуса. Он многие годы агитировал рабочих добиваться четырехчасового рабочего дня. Титус брал у рабочих письменные обязательства объявить 7 мая 1925 года бессрочную генеральную забастовку за осуществление этого лозунга. Разумеется, когда настал этот день, никто из рабочих, подписавших такие обязательства, даже не вспомнил о них.

Фостер пришел к выводу, что правые социал-демократы не верят в способность рабочих завоевать и удержать политическую власть, справиться со сложным капиталистическим аппаратом управления. Более того, они вообще не видят необходимости в социалистической революции. Их линия заключается в «исправлении» и «усовершенствовании» капитализма.

Вместе с тем выход из Социалистической партии Фостер считал большой политической ошибкой в своей жизни. Ведь, покинув Социалистическую партию, он порывал не только с господствовавшими в ней соглашателями и реформистами, но и с ее левым крылом,

отстаивавшим классовые позиции. Именно левые социалисты стали после Великой Октябрьской социалистической революции пропагандистами идей коммунизма, именно они стали зачинателями коммунистического движения в Соединенных Штатах. Фостер, отвергнув правых, повернулся спиной и к левым социалистам, по существу, своим единомышленникам.

Вступив в Спокане в организацию «Индустриальные рабочие мира», влившись в ряды боевых и неукротимых уоббли, Фостер, по существу, переходит на позиции синдикализма, становится приверженцем стачек как основного инструмента борьбы с капитализмом. Следуя за теоретиками синдикализма, он считает, что капитализм можно свергнуть только через всеобщую генеральную забастовку.

Такого рода рецепты оказались не менее губительными для дела рабочего класса, чем проповедь правых социалистов. Фостер смог преодолеть их только, по его словам, после двенадцатилетнего блуждания по бесплодной пустыне синдикализма.

В статье, опубликованной в 1935 году, Фостер подробно анализирует ошибки синдикализма. Это сведение революционной классовой борьбы к экономическим лозунгам и деятельности профсоюзов, недооценка буржуазного государства, неспособность создать пролетарский авангард, непонимание его руководящей роли, отказ от политических форм борьбы, игнорирование союзников рабочего класса — мелких фермеров и городских средних слоев, отказ от единства действий с ними. Эти пороки синдикализма политически разоружали пролетариат в его борьбе с капитализмом и неизбежно приводили его к поражению в схватках с классовым врагом.

Синдикализм появляется в Соединенных Штатах в последней четверти XIX века и на протяжении последующих десятилетий превращается из «детской» в хроническую болезнь американского рабочего движения. Ею были заражены в той или иной степени как соглашательская Американская федерация труда, так и боевые «Индустриальные рабочие мира», а также левые элементы в обеих социалистических партиях, в том числе ведущие их лидеры — Де Леон, Дебс и Хейвуд.

Фостер выявил чисто американские корни синдикализма. Во-первых, более благоприятные по сравнению с Европой условия труда. Наличие на протяжении ряда поколений свободных государственных земель, возникновение многочисленной консервативной рабочей аристократии и продажной профсоюзной бюрократии, переход части рабочего класса в ряды средних слоев и даже в класс буржуазии в периоды быстрой промышленной экспансии. Эти явления способствовали порождению среди

рабочих надежды на обогащение, с одной стороны, а с другой — к обострению классовой борьбы и предрасположению к синдикализму.

В своих работах Фостер приводит и другие обстоятельства, действовавшие амортизирующе на революционный порыв рабочих: федеральная система правительства, автономия штатов, ослаблявшие политические усилия трудящихся; наличие широких масс иммигрантов и «кочующих» рабочих, заинтересованных главным образом в заработках и настроенных если не антиполитически, то, во всяком случае, аполитически; этническая, религиозная, языковая пестрота рабочего класса, затруднявшая достижение классовой солидарности; продажность американских буржуазных политиков, вызывавшая у многих рабочих отвращение к политике вообще; ультрареакционный режим внутри Американской федерации труда, отталкивающий от нее революционно настроенных рабочих, уход же из АФТ вел их к изоляции от основной массы организованных трудящихся; реформистская ориентация Социалистической партии, порождавшая недовольство левых и толкавшая их на позиции синдикализма, как это случилось с самим Фостером.

Но все эти особенности «американского образа жизни» создавали лишь объективные условия для укрепления синдикализма, субъективным же стимулом для его развития служила теоретическая ущербность левого крыла рабочего движения, его сектантство, проявлявшееся в непротивлении антиполитическим настроениям, в приспособленчестве к ним, в фактическом признании экономизма как главной задачи рабочего движения.

Фостер сожалел, что в Соединенных Штатах, к несчастью, не оказалось борца, который смог бы противопоставить экономизму действенную революционную политическую линию. Самые выдающиеся рабочие лидеры начала XX века — Де Леон, Дебс и Хейвуд — так и не смогли выбраться из синдикалистского болота, а некогда боевая и непримиримая к буржуазии организация ИРМ закончила свое существование в 20-х годах, захлебнувшись в позорном антисоветизме.

Но полностью осознать причины и следствия отсталости и слабости рабочего движения Фостер сумел, только встав на позиции марксизма-ленинизма. Во время же его вступления в ряды ИРМ до этого было еще далеко, хотя даже тогда он ощущал, правда смутно и скорее подсознательно, слабость и противоречивость синдикалистского учения. Может быть, именно это толкнуло его вскоре после присоединения к «Индустриальным рабочим мира» покинуть США и направиться в Западную Европу для ознакомления с теорией и практикой рабочего

движения на старом континенте.

ВСТРЕЧА С РАБОЧЕЙ ЕВРОПОЙ

Жизнь опровергает ложные теории...

Уильям З. Фостер

В начале 1910 года Фостер, скопив 100 долларов и сложив свои нехитрые пожитки в чемоданчик, вновь пустился в далекие странствия. Снова он пересекает с запада на восток Соединенные Штаты. Снова, прыгая с поезда на поезд, едет, примостившись на буферах, на вагонной крыше или укрывшись в товарнике. В этом искусстве он приобрел такую сноровку, что ему мог бы позавидовать любой опытный хобо.

В Нью-Йорке Фостер сел на пароход, который вскоре доставил его во французский порт Шербур. И вот он уже в Париже — колыбели революций, бессмертной Коммуны, массового рабочего движения, городе уникальных дворцов и музеев.

Уильям Фостер прибыл в Париж в поисках революционной правды, магической формулы, точного рецепта, с помощью которого можно было бы разрушить капиталистический строй и на его обломках создать

справедливое общество трудящихся, где гармонически сочетались бы физический и умственный труд, были бы исключены эксплуатация и войны, обузданы эгоизм и жадность, навсегда изгнаны из человека всякие пороки.

Фостер верил, что создание такого «града будущего» не утопия, а реальная возможность, он был убежден, что построить его смогут только рабочие, он твердо знал, что создать его можно не путем эволюции капитализма «от зла к добру», а только через революцию, через насильственное свержение власти эксплуататоров. Неясным оставался вопрос, как конкретно осуществить такую революцию.

Разочарованный в деятельности двух американских социалистических партий, больше враждовавших между собой и внутри себя, чем с капитализмом, Фостер склонялся к мысли, что революцию можно совершить скорей всего путем непосредственных решительных схваток рабочих с капиталистами, через забастовки, перерастающие в генеральную битву — всеобщую стачку, сперва парализующую, а потом и разрушающую машину капиталистической власти. Но в этой синдикалистской схеме было еще много загадок, много туманного. Ведь по этой схеме еще никто и нигде не одерживал победы. Она требовала теоретического обоснования и практической проверки. Вот за этим-то и явился в Париж Фостер.

В первую очередь его интересовала деятельность могущественной Всеобщей конфедерации труда — ВКТ, созданной в 1895 году, — самого боевого в то время и самого массового профсоюзного объединения в Европе. Вначале в ней преобладали реформисты, потом верх взяли сторонники революционных действий — синдикалисты. «Эта профсоюзная организация, — писал позднее Фостер, — проводила тогда серию местных и генеральных забастовок, вызывавших энтузиазм у рабочих всех стран. Ее боевая деятельность, проповедь саботажа, всеобщей стачки и обещание общества, руководимого профсоюзами, казались мне последним словом в революционной политике».

Панорама рабочего движения во Франции на первый взгляд производила внушительное впечатление. Французская социалистическая партия являлась одной из самых массовых рабочих партий II Интернационала. Ее возглавляли закаленные борцы за дело социализма Поль Лафарг и Жюль Гед, народный трибун Жан Жорес, в ее рядах числились прославленный писатель Анатоль Франс и многие другие знаменитые ученые, художники, артисты. Социалистическая партия располагала десятками депутатов в парламенте, мэрами, муниципальными советниками. Ее боевой орган «Юманите» была излюбленной газетой

рабочих.

Наряду с Социалистической партией действовала Всеобщая конфедерация труда. Число ее членов и авторитет росли из года в год. ВКТ вела неустанную борьбу за права и интересы рабочего класса. Буржуазия видела в ней опасного врага. Полиция преследовала ее руководителей и активистов, войска и жандармерия подавляли организуемые ею забастовки.

Однако при более пристальном рассмотрении на этой светлой картине классовой борьбы можно было без труда заметить черные пятна. В Социалистической партии наряду с марксистским течением действовали и реформисты, революционные романтики типа того же Жореса, отрицавшие необходимость установления диктатуры пролетариата. Время от времени из Социалистической партии перебежали в стан буржуазии соглашательские элементы. Буржуазия с ликованием принимала этих ренегатов, которые превращались в самых злых и опасных врагов социализма и рабочего класса. Такими были ренегаты Пьер Мильерап и Аристид Бриан. Первый за свое предательство был удостоен президентского поста, а второй возглавлял правительство Франции. Именно Бриан бросил войска на подавление забастовки железнодорожников в 1910 году, забастовки, в которой довелось принимать участие и Фостеру. Ведь он был железнодорожником и, когда вспыхнула забастовка, счел долгом предложить свои услуги ВКТ, которая использовала его в качестве оратора на митингах стачечников. Фостер выступал по-английски с переводчиком. Его выступления производили большое впечатление на забастовщиков, впервые слышавших американского рабочего.

Внутриполитическое положение Франции было тогда сложным. Правящие круги готовились к новой схватке с кайзеровской Германией. Буржуазия разжигала в стране шовинистические страсти, призывая к реваншу.

Французские социалисты, впрочем, как и американские, немецкие и других стран, не сумели вскрыть империалистический характер надвигавшейся первой мировой войны. В лучшем случае, подобно Жоресу, они выступали с позиций беззубого пацифизма. В то время Фостер тоже не разбирался в этих вопросах. Хотя в Соединенных Штатах существовала Антиимпериалистическая лига, основанная в 1898 году, когда началась американо-испанская война и число ее членов достигло полумиллиона, эта организация, несмотря на свое название, скорее носила пацифистский характер, чем революционный.

Антисоциалист Брайан более резко критиковал империалистическую

политику правящих кругов Соединенных Штатов, чем это делали социалисты. «Не бороться против империалистической политики, а бороться за разрушение капитализма в целом требовали сторонники Де Леона, — писал много лет спустя Фостер. — Обе американские социалистические партии в своих программных заявлениях проявляли полное непонимание характера империализма, недооценивали его значение или попросту игнорировали этот вопрос». Что касается ленинских работ по империализму, то тогда еще они оставались неведомыми огромному большинству деятелей социалистического движения на Западе.

Не лучше обстояло в этом отношении дело и с французской Всеобщей конфедерацией труда. Основанная и руководимая в первые годы социалистами, она затем подпала под влияние анархо-синдикалистских вожakov, унаследовавших идеологическую путаницу Прудона, Бакунина, Бланки и Лассаля. Их горе-теоретики во главе с Жоржем Сорелем выступали на первый взгляд якобы с ультрареволюционных позиций, проповедуя низвержение капиталистического строя путем осуществления генеральной стачки и сопутствующих ей прямых действий — разрушения железных дорог, фабрик и прочих материальных ценностей, что, по их мнению, парализовало бы государство и позволило бы рабочим захватить власть. Полное прекращение работы — это революция, утверждали анархо-синдикалисты.

Главным коньком Сореля, отмечал Фостер в книге «Очерки мирового профсоюзного движения», являлось прославление насилия в классовой борьбе и низведение всеобщей забастовки и социализма до уровня социальных мифов.

Синдикалисты призывали рабочих к перманентным насильственным действиям, саботажу, порче фабричного оборудования. Они возводили в культ «революционное насилие», отмечая в то же самое время любые политические лозунги как соглашательские, игнорируя необходимость вовлечения в революционную борьбу трудового крестьянства, средних слоев, целесообразность пропагандистской работы в армии.

В организационном отношении синдикалистские профсоюзы, писал Фостер, были децентрализованы и имели высокую степень автономии. Стремясь к единству действий, они полагались в основном на стихийное движение масс и организованную деятельность боевого меньшинства.

Сектантская ориентация, свойственная анархо-синдикализму, вела к политической изоляции рабочего класса, ослабляла его позиции, снижала возможности его победы. В конце концов многие ультрареволюционные синдикалистские лидеры кончили свою карьеру в рядах самых

отъявленных шовинистов, сторонников империалистической войны, а после Великой Октябрьской социалистической революции — и антисоветчиков. Что же касается «философии насилия» Сореля, то ею воспользовался Муссолини для теоретического обоснования фашизма.

Но в 1910 году синдикалистские деятели пользовались непререкаемым авторитетом среди рабочих, а реакция видела в них живое воплощение призрака надвигающейся социальной революции. Все это не могло не сказаться и на отношении Фостера к руководителям французских профсоюзов.

Фостер пробыл во Франции шесть месяцев. За это время он хорошо изучил французский язык. Он добросовестно штудировал работы Сореля и ему подобных пророков синдикализма. Лидеры Всеобщей конфедерации труда тепло приняли заокеанского гостя, приехавшего к ним на учебу. Фостер получил доступ в крупнейшие профсоюзы Франции, участвовал в заседаниях руководящих органов ВКТ, в ее Тулузском конгрессе.

«Я, — рассказывал четверть века спустя Фостер, — впитывал в себя французские синдикалистские теории прямых революционных действий и генеральной стачки, которые с успехом тогда проводились в жизнь профсоюзами. Я от всего сердца разделял ожесточенную войну активистов ВКТ против Социалистической партии и вообще против каких-либо политических действий. Господствовавшие анархистские теории спонтанных революционных действий и децентрализованных профсоюзных организаций казались мне тогда действенным лекарством против бюрократического контроля профсоюзов со стороны реакционеров. Короче говоря, я стал последовательным синдикалистом».

Больше всего привлекало Фостера в профсоюзном движении Франции наличие единого рабочего центра — ВКТ. В США революционные синдикалисты, протестуя против соглашательской политики Американской федерации труда, создали новую, параллельную профсоюзную организацию «Индустриальные рабочие мира», как бы способствуя тем самым расколу рабочего движения на два враждебных, соперничавших друг с другом лагеря. В отличие от них французские синдикалисты применили тактику завоевания реформистских профсоюзов изнутри, путем создания в каждом профсоюзе синдикалистского «ядра», своего рода революционной элиты, которая, завоевав авторитет среди членов профсоюза, захватывала руководство и вершила потом судьбами профсоюза но своему усмотрению, хотя синдикалисты в теории отрицали необходимость какого-либо руководства. Но у них теория никогда не вязалась с практикой...

Из Франции Фостер направился в Германию, где также пробыл полгода, штудировав немецкий язык и изучая рабочее и профсоюзное движение.

В Берлине Фостер живет в доме своего единомышленника Фрица Катера, руководителя Германского синдикалистского союза и, естественно, смотрит на немецкое рабочее движение главным образом глазами этого деятеля.

Если французские профсоюзы произвели на Фостера самое положительное впечатление, то германские его разочаровали. Их возглавляли реформисты, сторонники Бернштейна, стремившиеся не к обострению, а к затушевыванию классовой борьбы. Они даже запретили обсуждать в профсоюзах возможность провозглашения генеральной забастовки, которую предлагали применить некоторые по-боевому настроенные социалисты для достижения всеобщего избирательного права.

С первого же дня пребывания в Берлине Фостер проникся чувством враждебности к немецкой социал-демократии. Она ему показалась обуржуазившейся партией, утратившей былую революционную боевитость.

Фостер прибыл в Берлин в воскресенье. Немецкого языка он не знал, денег было в обрез. Не без труда найдя себе скромное пристанище, американский революционер пошел знакомиться с немецкой столицей. Он обратил внимание на группы людей, одетых в черное, спешивших к центру города. Фостер последовал за ними и вскоре оказался участником похорон. По-видимому, хоронили местную знаменитость, ибо улицы были запружены людьми в траурной одежде. Оказалось, что покойником был известный социалистический деятель Пауль Зингер.

Больше всего поразило Фостера, что на похоронах почти отсутствовали красные знамена, в то время как повсюду виднелись германские имперские флаги, и что множество мужчин, шествовавших за погребальной колесницей, видимо руководители и активисты социалистической партии, были в цилиндрах и по своему внешнему виду скорей походили на представителей буржуазии, чем пролетариев.

Удивило Фостера и то, что на похоронах полностью отсутствовала полиция, ее функции выполняла специальная партийная служба порядка. По-видимому, власти доверяли социал-демократической партии до такой степени, что спокойно предоставляли в ее распоряжение улицы города, будучи уверенными, что никаких «эксцессов» не произойдет.

Фостер так был возмущен увиденным, что написал письмо в журнал ВКТ «Ви увриер», осуждая подобного рода «обычай» немецких

социалистов. Журнал напечатал письмо. Его прочли в Германии, и в «Ви увриер» был направлен по этому поводу официальный протест руководства Германской социал-демократической партии, в котором в резком тоне опровергались «необоснованные» обвинения в национализме и мелкобуржуазном легализме, выдвинутые американским, тогда еще неизвестным, рабочим деятелем Уильямом Фостером в адрес немецких социал-демократов.

В Германии Фостер детально ознакомился с деятельностью социал-демократов — с их партией, профсоюзами, кооперативами, их вождями и литературой. Все, что он узнал и увидел, только подтвердило, его отрицательное мнение о реформистах. Он воочию убедился, что в социал-демократическом движении верховодят бюрократы-реформисты, чуждые социализму. Последующие события полностью подтвердили отрицательное мнение Фостера о правых в германской социал-демократии. Три года спустя большинство депутатов социал-демократической партии поддержало вступление Германии в империалистическую войну.

Затем правые социал-демократические лидеры сотрудничали с реакцией в подавлении германской революции, всемерно помогали эксплуататорам, стремясь снова вдохнуть жизнь в загнивающую капиталистическую систему. «Клевета на Советскую Россию и поддерживая Брюннинга и Гинденбурга, — писал Фостер в книге «Страницы из жизни рабочего», — отказываясь от создания единого антифашистского фронта с коммунистической партией, социал-демократические вожди открыли дорогу Гитлеру и, когда тот пришел к власти, капитулировали перед ним, даже не сделав попытки к сопротивлению. Таковы были последствия подчинения социал-демократии буржуазной идеологии, господство которой можно было столь осязательно наблюдать даже на похоронах Пауля Зингера».

Фостер стремился как можно больше увидеть и услышать. Именно желание узнать из первоисточника, что к чему, и привело его к Карлу Каутскому, книги которого переводились на английский язык и издавались в Соединенных Штатах. Их хорошо знали американские социалисты.

Каутский принял Фостера в своем долге в берлинском предместье Фриденау. Шел 1911 год. Лидеру немецких социал-демократов было тогда 57 лет, он находился в зените своей славы как теоретик социалистического движения и один из руководителей II Интернационала.

Автор «Экономического учения Карла Маркса» с интересом встретил Фостера и подробно расспрашивал его о состоянии рабочего и профсоюзного движения в Соединенных Штатах.

Затем настал черед Фостера задавать вопросы. Он откровенно сказал своему собеседнику, что, прочитав его труды, не обнаружил в них главного — революции. «Я отметил, — вспоминает Фостер, — что, хотя он постоянно подчеркивает в своих работах силу и влияние германской социал-демократии, я так и не смог понять, каким образом ее сила и влияние будут использованы для свержения капиталистического строя. Я спросил его, как он все-таки мыслит себе победу революции, учитывая, что тогда он не был сторонником ни постепенного выкупа капиталистической собственности (реформистской линии), ни революционной всеобщей забастовки (синдикалистской линии) и не поддерживал четко идею революционного восстания».

В ответ Каутский стал разглагольствовать о росте и мощи германской социал-демократии. Он приводил данные о количестве членов партии, о полученных ею на выборах голосах, о силе профсоюзов и влиянии кооперативов, контролируемых социал-демократами. Но каким образом все это должно привести рабочих к власти, оставалось неясным.

Фостер заметил Каутскому, что, судя по его словам, немецкая социал-демократия надеется прийти к власти не через революцию, а отвоевывая по кусочку власть у буржуазии, то есть реформистским путем.

Каутский не на шутку рассердился. «Если вы предлагаете, — ответил он Фостеру, — чтобы социал-демократы бросили рабочих на пушки германской армии, то разрешите заявить вам — этого никогда не случится. Этого как раз жаждет кайзер, и мы вовсе не предполагаем войти в расставленную нам ловушку».

В последующие годы Фостер неоднократно размышлял над этими словами Каутского. Отказавшись, по существу, от идеи завоевания власти рабочим классом и тем более от идеи пролетарской диктатуры, германская социал-демократия как раз и попала в расставленную ей буржуазией ловушку. Пределом ее мечтаний стала буржуазная демократия, а не социализм, а это привело ее к борьбе с передовым отрядом рабочего класса — коммунистами, к политике клеветы и ненависти к первому в мире государству рабочих и крестьян — Стране Советов. Сам же Каутский забрел в болото ренегатства и предательства интересов рабочего класса. И незадолго до своей смерти стал свидетелем не триумфа немецких трудящихся, а захвата власти гитлеровцами.

Почти на смертном одре, в 1938 году, Каутский признался в одной из своих последних статей, что в историческом споре о диктатуре пролетариата прав оказался все-таки Ленин, а не он. Запоздалое раскаяние старого ренегата явилось слабым утешением для его сторонников, многие

из которых закончили свою политическую карьеру в гитлеровских застенках.

В статьях и корреспонденциях, которые публиковались в газетах и журналах ИРМ, Фостер критиковал реформистскую деятельность германской социал-демократии, подчеркивая, что она является основным препятствием на пути к революции в этой стране. Он также критиковал позицию левого крыла социал-демократической партии, возглавляемого Розой Люксембург и Карлом Либкнехтом, за то, что они не порывали с реформистами и не проводили синдикалистскую линию в профсоюзном движении. В этом, конечно, Фостер ошибался, но в целом правильно определил, насколько губительной была для рабочего класса Германии оппортунистическая и реформистская линия правых и центристов, господствовавших тогда в германской социал-демократии и в профсоюзном движении.

Руководящая верхушка немецкого профсоюзного движения, по словам Фостера, скатилась к тому времени к оппортунизму, и в результате профсоюзное движение стало (если не теоретически, то организационно) основным центром ревизионизма в Германии. Эта верхушка установила жесткий централизованный контроль над профсоюзами, свела к минимуму демократию и систематически душила все проявления боевой активности рядовых членов профсоюзов. Одним из многих примеров такой политики было стремление лишить праздник 1 Мая его боевой активности. Социал-демократические профсоюзные лидеры, на словах провозглашая свою преданность партии, на деле придерживались принципа «нейтральности» и аполитичности профсоюзов.

Пребывание в Германии, детальное ознакомление с положением в рабочем движении, ограниченное влияние Германского синдикалистского союза подтвердили сложившееся у Фостера еще во Франции убеждение, что наличие параллельных профсоюзов ослабляет позиции рабочих в их борьбе с капиталистами. Сторонникам революционных действий — а под ними он подразумевал тогда синдикалистов — следовало работать в цеховых и любых других массовых профсоюзах. Этому учил также английский опыт, где успешно действовал единый профсоюзный центр — Конгресс тред-юнионов.

Из Германии Фостер намеревался направиться в Италию, а затем в Испанию, где надеялся завершить изучение европейского рабочего движения, но генеральный секретарь ИРМ Винсент Сент-Джон известил его телеграммой, что он назначен делегатом от «Индустриальных рабочих мира» на конференцию Международного секретариата профсоюзных

организаций, которая должна была состояться в Будапеште с 10 по 12 августа 1911 года.

Послание Сент-Джона застало Фостера в Нюрнберге. Как всегда, у него было пусто в кармане. В те времена рабочие организации революционной ориентации не снабжали своих представителей командировочными. Подразумевалось, что революционер всегда найдет выход из положения, выкрутится, раздобудет необходимые для выполнения порученной ему миссии средства. В особенности зазорным считалось платить за железнодорожный проезд, способствуя тем самым обогащению железнодорожных компаний, которые находились в числе самых лютых врагов рабочего движения. Фостер решил пойти пешком из Нюрнберга в Будапешт, остановившись по пути в Дрездене, где должен был состояться очередной конгресс немецких профсоюзов.

Проделав пешком 350 километров от Нюрнберга до Дрездена и побывав на конгрессе, где еще раз убедился, как держат крепко в узде немецкие профбюрократы рабочих, Фостер направился в Будапешт.

По полученным от Сент-Джона указаниям, Фостеру следовало добиваться от конференции Международного секретариата профсоюзных организаций аннулирования мандата вице-президента Американской федерации труда Дункана и признания ИРМ единственным законным представителем трудящихся Соединенных Штатов.

С такого рода требованием и выступил Фостер на первом же заседании конференции. Он аргументировал свое требование тем, что Дункан был членом реакционной Национальной гражданской федерации, а представляемая им АФТ вовсе не являлась революционной организацией рабочего класса. Только «Индустриальные рабочие мира», утверждал Фостер, достойно представляли американских рабочих, так как бескомпромиссно сражались за их интересы, добиваясь свержения капиталистического строя.

Председательствующий на конференции лидер немецких профсоюзов, реформист Карл Легин, попытался было без дискуссии отклонить требование Фостера, по последний решительно возражал.

Легин вынужден был уступить и в течение всего первого дня участники конференции оживленно обсуждали предложение Фостера, и хотя оно было отклонено, тем не менее голос революционных рабочих Америки громко прозвучал на будапештской встрече.

Не имея денег на ночлег и не желая тревожить по этому поводу товарищей, Фостер направился вечером на вокзал, где заночевал в пустом товарном вагоне. Здесь его обнаружила и арестовала полиция, предьявив

обвинение в бродяжничестве. Пришлось выкручиваться, объясняя свое пребывание в вагоне утерей командировочных денег. Французские делегаты на будапештской конференции — единомышленники Фостера — выручили его, одолжив необходимую сумму для уплаты штрафа и на другие расходы.

Прошло несколько дней, и Фостер получил новую телеграмму от Сент-Джона, призывавшую его возвратиться в Соединенные Штаты для участия в шестой конференции «Индустриальных рабочих мира», которую намечалось провести в августе в Чикаго.

Пришлось проститься с Европой. Но год, проведенный вдали от Соединенных Штатов, не пропал даром. За это время Фостер прочел немало книг и брошюр о социализме и профсоюзном движении, познакомился лично со многими видными рабочими деятелями.

Фостер покидал Европу оптимистом. Рабочее движение старого континента находилось на подъеме, и хотя в нем было сильно влияние реформистов, последние не всегда могли держать рабочих в узде и повиновении.

Фостер впоследствии глубоко сожалел, что во время своего пребывания в Европе ему не пришлось познакомиться с ленинскими работами, что помогло бы преодолеть укоренившиеся в нем синдикалистские убеждения и вытекавший из них упрощенный, левацкий взгляд на роль и место политической партии рабочего класса в борьбе за свержение капиталистического строя и построение социалистического общества.

Но один важный вывод он сделал — политика параллельных профсоюзов изжила себя. Необходимо добиваться единства профсоюзного движения. Параллельные профсоюзы не укрепляли, а ослабляли силы рабочего класса, изолируя наиболее решительных и сознательных бойцов от остальной массы трудящихся, что отдавало эту массу во власть Самуэля Гомперса и ему подобных «рабочих лейтенантов класса капиталистов».

Фостер возвращался в Соединенные Штаты с твердым намерением отстаивать свою новую точку зрения, будучи уверенным, что только она может вывести на широкую столбовую дорогу американское революционное рабочее движение.

СИНДИКАЛИСТСКИЕ ИЛЛЮЗИИ

*Лига не была марксистской, она была
синдикалистской...*

Уильям Фостер

Фостер прибыл на конференцию в Чикаго полон решимости убедить своих товарищей по ИРМ отказаться от политики параллельных профсоюзов. Это была нелегкая задача. Ведь до тех пор все лидеры левого крыла американского рабочего движения выступали за бойкот АФТ и создание революционных производственных профсоюзов.

Билл Хейвуд утверждал, что 28 тысяч цеховых профсоюзов АФТ — это 28 тысяч агентств капиталистического класса. Винсент Сент-Джон говорил, что АФТ не есть и никогда не станет рабочим движением.

Де Леон заявлял, что Американская федерация труда ничего не имеет общего ни с Америкой, ни с федерацией, ни с трудом. Еще в 1895 году он создал свой Социалистический альянс профессиональных организаций и рабочих союзов.

Только социалисты работали в Американской федерации труда, пытаясь ориентировать ее членов на классовую борьбу и выдвигая на конференциях этой организации своего кандидата на пост президента в противовес Гомперсу. И хотя социалисты на конференциях АФТ контролировали около трети голосов, тот факт, что они были расколоты на правых и левых, делал их работу весьма неэффективной. С другой стороны, Дебс, Хейвуд, Де Леон и другие левые вожди упорно твердили, что АФТ теряет свое влияние и вот-вот развалится и сойдет со сцепы, как в свое время случилось с Орденом рыцарей труда.

Факты говорили обратное. Альянс Де Леона, достигнув в 1896 году 15 тысяч членов, пошел на спад, и в 1905 году в его рядах оставалось не более 1500 человек. В рядах ИРМ в лучшие годы никогда не было более 100 тысяч человек, а число членов АФТ давно уже перевалило за 2 миллиона человек.

Казалось бы, эти красноречивые цифры должны были заставить призадуматься сторонников параллельного синдикализма. Но не тут-то было. Чем хуже шли их дела, тем упорнее отстаивали они свою линию.

Разумеется, по сравнению с АФТ профсоюзы ИРМ обладали более четким классовым сознанием, имели преданных рабочему делу вождей, были организованы по прогрессивному производственному, а не цеховому принципу, их структура более соответствовала потребностям классовой борьбы. И тем не менее основная масса рабочих предпочитала вступать в профсоюзы Гомперса. Почему? Этого никак не могли объяснить себе ни Де Леон, ни руководители ИРМ. Они просто не могли понять, в чем здесь загвоздка. А она заключалась в том, объясняет Фостер, что политически неграмотные массы трудящихся находились во власти капиталистических иллюзий и не были подготовлены еще к восприятию революционных лозунгов параллельных профсоюзов.

Предприниматели предпочитали идти на уступки АФТ, что укрепляло ее авторитет и способствовало дальнейшей изоляции параллельных профсоюзов. Правительство, местные власти, полиция относилась благожелательно к АФТ, жестоко преследуя ее конкурентов из ПРМ. Сила притяжения АФТ, являвшейся массовой организацией, была значительно большей.

Немаловажным было и то обстоятельство, что руководители АФТ выступали с позиций религиозной терпимости, патриотизма, защиты американских традиций. Это было созвучно бытовавшим в широких массах трудящихся настроениям и взглядам. Руководители же параллельных профсоюзов нападали на религию и церковников, высмеивали и осуждали

патриотизм и американские буржуазно-демократические традиции, считая все это бессовестной выдумкой и туманом, который напускают капиталисты на рабочих с целью их оглуления и обмана.

В Чикаго Фостеру не удалось убедить руководителей ИРМ отказаться от политики параллельных профсоюзов. Большинство участников чикагской конференции продолжали исповедовать сектантские принципы ИРМ и решительно возражали против предложения Фостера попытаться завоевать рабочую массу, вступив в ряды Американской федерации труда и действуя изнутри. Одни из них едко высмеивали Фостера, другие обзывали его ликвидатором. Из тридцати одного делегата конференции только пять или шесть поддержали Фостера, остальные высказались против.

Воспользовавшись тем, что делегаты конференции предложили назначить его редактором профсоюзной газеты «Промышленный рабочий» в Спокане, Фостер согласился принять этот пост при условии, что ему будет разрешено провести на ее страницах дискуссию вокруг своего предложения.

Однако выступления Фостера в «Промышленном рабочем» в защиту новой тактики завоевания АФТ на сторону революционного синдикализма путем давления изнутри не нашли отклика среди руководящего ядра ИРМ. Фостер обращается к среднему звену ИРМ. Он совершает одно из своих путешествий «зайцем» по железной дороге, посещая важнейшие промышленные центры Запада, где имелись крупные организации ИРМ. Цель этого пропагандистского турне — убедить активистов уоббли в необходимости изменить тактику профсоюзного движения. Фостер путешествовал зимой. Он проехал свыше 10 тысяч километров, в пути отморозил себе лицо и руки.

Во время поездки Фостеру удалось привлечь на свою сторону многих закаленных вожаков уоббли, убедить их в необходимости и целесообразности работать внутри АФТ.

В начале 1912 года Фостер порывает с «Индустриальными рабочими мира», вступает в профсоюз железнодорожников АФТ — «Братство железнодорожных проводников Америки» в Чикаго, где он работает железнодорожным инспектором. Одновременно с этим Фостер и его сторонники, в основном активисты ИРМ, учреждают Синдикалистскую лигу Северной Америки, рассчитывая вести рабству не только в Соединенных Штатах, но также в Канаде и Мексике. Национальным секретарем (руководителем) лиги избирается Фостер.

Свои функции национального секретаря лиги Фостер выполнял осплатно. Получать зарплату за общественную работу среди

революционеров считалось признаком бюрократизма, унижительным и недостойным. Ведь зарплата состояла бы из отчислений от членских взносов рабочих, которые сами едва сводили концы с концами. В рабочих организациях зарплату получали только профбюрократы в АФТ.

Фостер зарабатывал от 75 до 80 долларов в месяц. Работал он по 12 часов в день, если учесть, что ему приходилось добираться на работу час, то его рабочий день продолжался около 14 часов. А ведь, кроме этого, он являлся еще национальным секретарем лиги, вел всю ее переписку, участвовал в собраниях, митингах, писал статьи. Для того чтобы вынести такую физическую, да и нервную нагрузку нужно было обладать поистине железным здоровьем.

Фостер работал железнодорожником с перерывами около десяти лет. В то время это была тяжелая, изматывающая и опасная для здоровья профессия. Еще в Портленде, где он трудился кочегаром, однажды взрывом нефтебака на паровозе Фостеру обожгло лицо, он мог лишиться зрения. Был случай, когда Фостер чуть не погиб под колесами паровоза, исправляя неполадки. В Чикаго, работая прицепщиком, он однажды получил травму, на излечение которой потребовалось четырехмесячное лечение в больнице.

Но самой тяжелой оказалась работа железнодорожного инспектора по обмену вагонов. В США имелось несколько крупных железнодорожных компаний. Между ними существовало соглашение, согласно которому они обменивались составами. Например, на чикагский узел, которым владела компания Гарримана, приходил состав другой компании. Этот состав переходил к компании Гарримана. В свою очередь, составы Гарримана при аналогичных обстоятельствах поступали в распоряжение других компаний.

При обмене составов каждая сторона пыталась всучить другой вагоны с поломками и изъянами. В задачу инспектора входило фиксировать все эти изъяны. Следовательно, необходимо было отлично знать разные системы вагонов, составные их части, характерные для них недостатки. Так как инспектору приходилось принимать за смену сотни вагонов, он должен был уметь моментально, с одного взгляда, определить имеющийся в каждом вагоне брак. Если он пропускал какой-нибудь дефект или поломку, то мог лишиться работы, ибо каждый такой пропуск означал для компании дополнительные расходы.

Еще более трудной была работа инспектора зимой или в дождливую погоду, когда он без перчаток, держа в одной руке записную книжку, в другой — карандаш, обходил вагоны, внимательно «обшаривая» их глазами. В пасмурную погоду, в сумерках приходилось особенно напрягать зрение, что вызывало воспаление глаз. Такая болезнь в конце концов не

миновала и Фостера.

В начале 1913 года Фостер стал испытывать острую резь в глазах. Свет, движущиеся предметы, так же как чтение или письмо, вызывали у него нестерпимую боль. Материалы лиги Фостер печатал с повязкой на глазах. Езда в трамвае вызывала у него головокружение. Фостер вынужден был оставить работу инспектора и заняться лечением глаз. Разумеется, компания отказалась нести расходы по лечению, хотя болезнь Фостера была вызвана характером его работы.

Почти три года Фостер находился на положении полуслепого инвалида. После шестимесячного «отдыха» он вновь поступил на железную дорогу, но не инспектором, а разнорабочим. Ведь нужно было зарабатывать на кусок хлеба любым способом. В Соединенных Штатах тогда не было ни пенсий по инвалидности, ни какого-либо вида социального страхования. Болезнь и инвалидность для рабочего часто обращались настоящим бедствием, он лишался работы, а вместе с нею и всяких средств к существованию. Чтобы не умереть с голоду, инвалид был вынужден побираться, кормиться в столовках «Армии спасения» и других благотворительных организаций, если у него не было близких людей, способных оказать ему более действенную помощь.

Лечение, предписанное врачами, не приносило Фостеру облегчения. Очки разных цветов — черные, синие, зеленые — не помогали. Он провел некоторое время в сельской местности в надежде, что свежий воздух и покой благотворно подействуют на глаза, но улучшения не происходило. Десятидневная голодовка, которой подверг себя Фостер, а затем шестинедельное пребывание в темной комнате также не дали каких-либо положительных результатов. Не принесли облегчения и три крайне болезненные операции, которые совершили врачи, обещая исцеление.

Доведенный до отчаяния, Фостер обратился к одному чикагскому окулисту, гарантировавшему в газетных объявлениях исцеление от любых глазных болезней. Что касается Фостера, то такая гарантия полностью себя оправдала. Врач осуществил несложную операцию над глазной мышцей, и Фостер почти сразу выздоровел.

Настоящей подругой в этот тяжелый период была для Фостера его жена — Эстер Абрамович, дочь выходцев из России, из Ковно (ныне Каунас, Литовская ССР). Эстер работала на одной из чикагских фабрик и была активисткой лиги. До встречи с Фостером считала себя последовательницей анархистского учения Кропоткина. У нее от первого брака было трое детей: две девочки и мальчик. Эстер привлекла внимание Фостера своей страстной преданностью интересам рабочего класса,

боевитостью, бескомпромиссным отношением к капиталистическим порядкам. В 1912 году, когда Фостеру исполнился 31 год, они поженились. Эстер стала верной подругой и соратницей Фостера. Они вместе вступили в Коммунистическую партию Соединенных Штатов. «Умный и преданный друг, — так говорил о ней Фостер, — она была постоянным моим товарищем и опорой на протяжении многих лет моей рабочей деятельности. Оба тома воспоминаний, как и ряд других своих книг, Фостер посвятил Эстер.

Фостеру удалось привлечь в ряды Синдикалистской лиги ряд известных уоббли, среди них калифорнийского лидера Тома Муни и вдову хеймаркетского мученика Люси Парсонс. В короткий срок были созданы отделения Лиш в Канзас-Сити, Омахе, Чикаго, Миннеаполисе, Сент-Луисе, Сан-Франциско, Лос-Анджелесе, Сиэтле, Такоме, Денвере и других городах западной части США. Меньший успех имела лига на Востоке, где преобладало влияние Американской федерации труда.

В лигу вступили и некоторые деятели американского анархистского движения, сохранившие связи с рабочим классом, среди них Джеймс Фокс, ставший редактором центрального органа лиги двухнедельника «Синдикализм», выходившего в Чикаго, Фостер пытался распространить влияние лиги и на Канаду, где довольно энергично действовали члены ИРМ. С этой целью он совершил поездку в Ванкувер. По дороге он попал в район, где проходила забастовка строительных рабочих под руководством уоббли. Бастовало пять тысяч строителей. Канадские власти, в особенности известная своими зверствами королевская конная полиция, жестоко преследовали забастовщиков. Многие из них в столкновениях с полицией были ранены, триста участников стачки брошены в тюрьму. Но всей округе шла настоящая охота на агитаторов-уоббли. В руки полиции попал и Фостер, его задержали в одной из харчевен города Камлуиса. Допрашивавший Фостера капитан пытался выяснить, не уоббли ли он. Фостер упорно твердил, что он сезонный рабочий, ищущий заработка. Не имея улик против него, полицейские отпустили Фостера. Из Камлуиса Фостер уехал под вагоном поезда, направлявшегося в Ванкувер. Хотя в дороге полицейские трижды просматривали поезд в поисках уоббли и совали нос под вагоны, им так и не удалось обнаружить Фостера. Под вагоном, в скрюченном состоянии, Фостер проехал все 500 километров до Ванкувера. Прошло несколько недель, прежде чем исчезла боль из мускулов после этой долгой и тяжелой поездки.

Лига, хотя и не стала массовой организацией, развила широкую

пропагандистскую деятельность за единство рабочих действий в рамках АФТ. Программа нового движения была изложена в брошюре «Синдикализм», написанной Фостером в соавторстве с Ирлом Фордом, известным вожаком уоббли.

Эта книга создавалась в несколько необычных условиях. Ирл Форд летом служил в передвижном театре, хозяином которого являлся его двоюродный брат. Чтобы иметь возможность вместе с ним работать над книгой, Фостер нанялся подсобным рабочим в тот же театр и три месяца разъезжал с ним по городам и «весям» штата Иллинойс.

Любознательный Фостер с интересом знакомился с закулисной жизнью театра, наблюдал воздействие актерской игры на неприхотливого, но жадного до зрелищ провинциального зрителя. В те времена еще не было ни кино, ни радио и странствующий театр был чуть ли не единственным культурным развлечением для людей американской глубинки. Народ валом валил на представления, и двоюродный брат Форда делал полные сборы. Актеры уговаривали Фостера попробовать счастья на сцене. С его стройной фигурой, благородной осанкой можно было играть роли первых любовников или удачливых бизнесменов. Но Фостер со смехом отвечал на такие предложения: «Свою работу рабочего агитатора не променяю ни на какую другую».

Театр разъезжал по местам, известным под названием «кукурузного пояса». Фостер подробно расспрашивал фермеров и сельскохозяйственных рабочих этого края об условиях работы, заработках, об отношении к рабочему движению. Эти беседы нашли свое отражение в книге «Синдикализм».

В ней авторы в отличие от сторонников Де Леона высказывались в поддержку частичных требований рабочих, рекомендуя применение активных форм борьбы, включая захват фабрик, порчу оборудования и товаров, с тем чтобы вырвать у капиталистов более существенные уступки. В качестве крайней и наиболее действенной формы борьбы идеологи Лиги выдвигали лозунг генеральной забастовки, которая должна была в конечном счете свергнуть капиталистический строй.

Фостер и Форд призывали рабочих бойкотировать выборы, резко критиковали деятельность Социалистической партии и других политических организаций рабочего класса за чрезмерное, по их мнению, увлечение политической борьбой. Авторы обращали внимание на необходимость вовлечения в профсоюзы неорганизованных рабочих, требовали снижения весьма высоких в АФТ профсоюзных и вступительных взносов, слияния индустриальных и цеховых организаций.

В целом платформа лиги, изложенная Фостером и Фордом, была выдержана в духе анархо-синдикализма, или, по их выражению, «практического анархизма». Эта платформа перекликалась с линией, осуществлявшейся синдикалистскими руководителями французской Всеобщей конфедерации труда и английской Индустриальной синдикалистской лиги, возглавляемой видным деятелем рабочего движения Томом Манном, который совершил в 1913 году пропагандистское турне по Соединенным Штатам, выступая в поддержку его американских единомышленников.

Члены лиги и лично Фостер участвовали в целой серии крупных забастовок, из которых, пожалуй, самой значительной была забастовка железнодорожников с центром в Чикаго, охватившая 35 тысяч рабочих — членов девяти профсоюзов. Забастовка с перерывами продолжалась около четырех лет — с 30 сентября 1911 по 28 июня 1915 года. Ее поддержали в основном малоквалифицированные и неквалифицированные рабочие. Железнодорожная компания Гарримана, против которой боролись рабочие, пыталась сломить их, применяя в широком масштабе всякого рода штрейкбрехеров, провокаторов, громил и, разумеется, полицейских. Агенты компаний пытались убить руководителя забастовки Карла Пирсона, который, защищаясь, застрелил одного из нападавших на него наемников. Пирсона арестовали и судили. Ему угрожала смертная казнь или пожизненное заключение.

Пирсона поддержала лига. Фостер много сделал для того, чтобы мобилизовать общественное мнение в защиту Пирсона, и суд был вынужден его оправдать. Хотя забастовка закончилась поражением рабочих, она принесла столь крупные убытки железнодорожной компании, что последняя предпочитала впредь рабочие конфликты решать мирным путем, делая второстепенные уступки и всякого рода поблажки реформистским лидерам АФТ.

Наряду с этим американские власти, действуя в угоду капиталистам, стремились наиболее активных деятелей рабочего движения упрятать на долгий срок в тюрьму или лишить жизни, разумеется, если возможно, «на законном основании» через суд, а если этого не удавалось добиться, то выстрелом в спину из-за угла. Руководители АФТ таким жертвам капиталистического террора не только не оказывали помощи, но часто своими «добрыми» советами способствовали их осуждению. Во всех таких случаях Фостер и его единомышленники вставали на защиту преследуемых рабочих-активистов.

В 1911 году во время забастовки строительных рабочих в Калифорнии

полиция арестовала четырех профсоюзных активистов — братьев Джеймса и Джона Макнамара, Матта Шмидта и Дэйвида Каплана, обвинив их в организации взрыва здания реакционной газеты «Лос-Анджелес тайме». Это была явная провокация. Тем не менее адвокаты Американской федерации труда, защищавшие арестованных, уговорили их признать на суде свою вину, что якобы должно было спасти от привлечения к суду других активистов. Подсудимые, хотя не чувствовали за собой никакой вины, решили принести себя в жертву ради товарищей. В результате Джеймс Макнамара и Матт Шмидт были приговорены к пожизненному заключению, а Джон Макнамара и Дэйвид Каплан получили по 10 лет тюрьмы каждый. После суда руководство АФТ повернулось к ним спиной, более того, профсоюзные боссы упрекали осужденных в том, что они «признались», хотя именно этого требовали от них адвокаты АФТ.

Фостер был одним из тех, кто с первого дня встал на защиту этих жертв буржуазной Фемиды. Джон Макнамара и Каплан просидели в тюрьме весь свой срок — десять лет. Что же касается Джеймса Макнамары и Шмидта, то они томились за решеткой почти три десятилетия. Шмидт был выпущен из тюрьмы только в 1939 году, Джеймс так и умер в тюрьме на 29-м году заключения. В тюрьме он много читал, занимался самообразованием, вступил в Коммунистическую партию Соединенных Штатов. Все эти долгие годы Фостер боролся за освобождение узников, поддерживал с ними тесную связь, много раз навещал их в тюрьме.

С такой же заботой относился Фостер и к двум другим пожизненным узникам американского капитала — Тому Муни, его товарищу по лиге, и Уоррену Биллингсу, ложно обвиненным в том, что якобы они взорвали бомбу во время милитаристского парада в Сан-Франциско 22 июля 1916 года, в результате чего 9 человек было убито и 40 ранено. Муни и Биллингс были приговорены к смертной казни, и, хотя все свидетели обвинения вскоре признали свои показания ложными, узники не обрели свободы. Им смертный приговор был заменен пожизненным заключением.

На протяжении многих десятилетий рабочие, прогрессивная общественность США и других стран требовали освобождения этих жертв классовой ненависти американской буржуазии. Фостер все эти годы писал им, посещал их, выступал на митингах и в печати в их защиту. Оба узника обрели свободу лишь в 1939 году. Они провели в заключении, будучи невиновными, 22 года каждый.

Правящие круги Соединенных Штатов превозносили американскую буржуазную демократию как высший образец социальной и правовой справедливости. Суд в США считается учреждением, независимым от

законодательной и исполнительной власти. Виновность обвиняемого устанавливают присяжные. Подсудимый имеет право на защиту. Суд гласный. И все же это суд, защищающий интересы эксплуататоров, суд пристрастный, суд классовый. Об этом свидетельствуют сотни, тысячи процессов против рабочих деятелей и активистов, осужденных на основе показаний провокаторов, ложных свидетелей, полицейских агентов на длительные сроки тюремного заключения или на смерть, как то было с жертвами хеймаркетской трагедии, со знаменитым поэтом-уоббли Джо Хиллом, казненным в 1915 году, с Сакко и Ванцетти, посаженными на электрический стул в 1927 году, с Юлиусом и Этель Розенбергами, которых постигла та же трагическая участь в 1950 году.

Фостер, сам преследуемый судами на протяжении всей жизни и неоднократно сидевший в тюрьме, неустанно разоблачал классовый характер американских судебных органов и боролся за освобождение и реабилитацию политических заключенных.

Столь же решительно и последовательно Фостер выступал против расовой дискриминации, за полное равноправие негров с белыми, за привлечение негров в профсоюзы, против антинегритянского террора, с помощью которого правящие круги США стремились расколоть и ослабить рабочее движение. Не случайно преследование негров в США принимало особенно широкие размеры в периоды подъема рабочего движения.

Перу Фостера принадлежит капитальный труд в 800 страниц «Негритянский народ в истории Америки», вышедший в свет в 1954 году. Фостер отмечает, что в годы, предшествовавшие мировой войне, в Соединенных Штатах господствовал суд Линча. С 1900 по 1914 год, пишет он, ни больше ни меньше как 1079 негров были зверски убиты вооруженными бандами расистов. Негров вешали, сжигали на кострах, расстреливали, рубили на куски, волокли по дорогам, привязав к автомобилям. Расисты изобретали для негров самые страшные пытки. Никто из расистов ни разу не был наказан за чудовищные злодеяния. Как правило, линчевания совершались с ведома и согласия, а иногда даже при непосредственном участии местных властей и бизнесменов.

В большинстве случаев суды Линча происходили в глухих провинциальных местечках, в то время как сценой расовых погромов являлись обычно более или менее крупные города. Расовые погромы в городах часто вспыхивали на почве найма на работу, жилищного вопроса, пользования парками и скамейками в них, столкновений между организованными группами белых и негров и по многим другим поводам и были направлены против негритянского населения в целом.

Наряду с погромами и линчеванием южные реакционеры, подчеркивает Фостер, всегда использовали методы индивидуального террора для устрашения негров. Уверенные в своей полной безнаказанности, вооруженные белые стреляли в беззащитных негров за каждый пустяк, за все, что хоть в малейшей степени могло задеть в белых их чувство «расового превосходства» над черными. В результате таких «индивидуальных» расправ негров было убито гораздо больше, чем при всех погромах и линчеваниях, вместе взятых. Американские предания рассказывают много страшного о бандитах Запада, но даже их «подвиги» не идут ни в какое сравнение с кровавыми злодеяниями белых гангстеров, которые в открытую разбойничали и поныне разбойничают на больших и проселочных дорогах американского «солнечного Юга».

Следует отметить, что политика расовой дискриминации и ненависти к неграм, проводившаяся правящими кругами Соединенных Штатов, находила поддержку среди правых лидеров как социалистического движения, так и АФТ. Виктор Бергер, один из правых лидеров Социалистической партии, писал в 1902 году: «Не может быть никаких сомнений в том, что негры и мулаты являются низшей расой». В том же году на запрос Международного социалистического бюро об отношении Социалистической партии к судам Линча руководство этой партии официально ответило, что «только ликвидация капиталистического строя и замена его социалистическим может создать условия, при которых люди, одержимые голодом, клептоманией, половыми извращениями и все прочие выродки, опасные для общества и ныне подлежащие суду Линча, больше не будут появляться на свет». В 1910 году съезд Социалистической партии принял резолюцию в духе белого шовинизма, требующую недопущения в США выходцев из Азии. В прениях по ней делегат съезда Э. Уинтерман заявил: «Мы изменили бы нашей социалистической агитации, если бы стали настаивать на том, что сначала надо ликвидировать расовую дискриминацию».

Фостер, возглавляя Синдикалистскую лигу Северной Америки, решительно осуждал расовую дискриминацию и все проявления белого шовинизма. Он был одним из первых американских рабочих лидеров, занявших в этом вопросе совершенно четкую и ясную позицию.

И все же, несмотря на многие положительные черты в ее деятельности, лига просуществовала всего два года. Ее возникновение отражало кризисное состояние рабочего движения Соединенных Штатов, что нашло свое выражение, в частности, в фактическом расколе Социалистической партии в 1912 году, когда очередной партийный съезд

осудил использование насильственных действий и исключил из партии их сторонников во главе с Большим Биллом — Хейвудом. В этих условиях наиболее сознательные и революционно настроенные деятели рабочего движения стремились выработать тактику и стратегию, которая привела бы рабочий класс к победе над капитализмом. Однако практицизм, слабая теоретическая подготовка, неумение правильно применять марксистское учение к американской действительности заводили этих деятелей в тупики анархо-синдикализма, мешали им освободиться от веры в магическую власть насилия.

Хотя члены лиги активно участвовали во многих забастовках и их авторитет был достаточно высок среди активистов профсоюзного движения, в особенности в западных штатах, хотя во многих профсоюзах они избирались в руководящие органы, в целом их деятельность не смогла коренным образом изменить сложившееся к тому времени соотношение сил в рабочем движении и подорвать преобладающее в АФТ влияние Гомперса и его сторонников.

Число членов лиги достигло всего лишь 2 тысяч, они контролировали профсоюзы с членством не более 50 тысяч человек. По сравнению с 2 миллионами членов в АФТ это было совсем немного.

Два года спустя после основания лиги Фостер и другие ее руководители пришли к выводу, что их организации грозила участь превратиться в еще одну сектантскую группировку в рабочем движении, мешающую его консолидации. В 1914 году Синдикалистская лига Северной Америки прекратила свое существование.

Несмотря на свою короткую жизнь и свои недостатки, лига занимает достойное место в истории американского революционного движения. Ее значение, писал Фостер уже будучи одним из руководителей компартии, заключается в том, что это была первая организация революционных рабочих, которая стремилась вырвать руководство профсоюзов из рук реакционных руководителей. Лига означала шаг вперед по сравнению с идеей параллельных профсоюзов, преобладавшей тогда среди деятелей левого крыла американского рабочего движения. Лига предприняла серьезную попытку разрушить эту парализующую идею, она задалась целью покончить с отрывом революционных рабочих от массовых профсоюзов, нанесла удар в самое сердце разрушительной болезни, имя которой — сектантство.

БИТВА В ДЖУНГЛЯХ

*О, как я люблю моего босса,
Он мой лучший друг.
Вот почему я подыхаю
с голода
На улице в пикете.
Аллилуйя! Я лентяй!
Аллилуйя! Дай мне по шее,
Чтобы вновь нас к жизни
пробудить!*

Американская рабочая песня

В августе 1914 года разразилась первая мировая война. Правда, вначале воевали между собой только европейские державы. Потом к ним присоединились Турция, Япония. Соединенные Штаты вступили в войну позже всех — 6 апреля 1917 года. Но с первого же дня это была мировая война: ведь капиталистические страны боролись в ней за передел мира. В

этой кровавой игре уже давно участвовали США. По существу, они-то и начали ее в 1898 году, объявив войну Испании и лишив эту некогда могущественную державу последних остатков ее бывшего колониального величия.

Правительство США, возглавляемое президентом Вудро Вильсоном, избранным на этот пост в 1912 году, ориентировалось на союзников — коалицию держав, в которую входили Англия, Франция, Италия, Россия. Соединенные Штаты снабжали союзников оружием, займами. Затяжная война в Европе была им выгодна. Они рассчитывали, что воюющие стороны обескровят себя до такой степени, что вершителем судеб в послевоенном мире станут Соединенные Штаты.

Мировая война сорвала маску борцов за социализм с реформистских лидеров II Интернационала, которые предали интересы рабочего класса, интересы своих народов, выступив в поддержку войны. Они превратились в социал-империалистов, в социал-шовинистов, социал-оборонцев, в лакеев своей буржуазии.

Только партия большевиков в России, возглавляемая Лениным, заняла резко отрицательную позицию по отношению к войне. Ленин раскрыл ее империалистический характер и призвал воюющие народы повернуть оружие против своих угнетателей, превратить империалистическую войну в войну гражданскую, использовать войну для сокрушения капиталистического строя, замены его социализмом. Ленин, находясь в чрезвычайно трудных условиях изоляции в Швейцарии, стал собирать вокруг себя деятелей рабочего и социалистического движения, выступавших против войны.

Как же реагировало американское рабочее движение на мировую войну? Социалистическая рабочая партия, влияние которой сильно упало после смерти Де Леона в 1914 году, хотя и осудила милитаризм и гонку вооружений, от активной борьбы против вступления США в войну самоустранилась.

В Социалистической партии возобладали пацифистские элементы. Они осуждали войну, но не капиталистическую систему, порождавшую ее. В СП определились и явно социал-шовинистические течения. Одно из них — главным образом выходцы из Германии — поддерживало коалицию центральных держав, другое — Антанту. Имелось и подлинно пролетарское левое течение, возглавлявшееся Дебсом. Его сторонники разоблачали классовый характер мировой войны, выступали за энергичные действия против капиталистов. Во многом их позиция напоминала ленинскую. Со взглядами большевиков на мировую войну левых

социалистов ознакомила находившаяся в США в конце 1915 — начале 1916 года по поручению Ленина А. М. Коллонтай. Левые поддержали решения Циммервальдской конференции 1916 года, в которой участвовали созданные по инициативе Ленина социалисты — противники войны.

Резко и решительно осуждали войну ИРМ. Они выступали против классового мира, который проповедовали сторонники войны. Уоббли продолжали забастовочное движение, приводя в дикую ярость капиталистов и буржуазную печать, обвинявшую их в предательстве американских национальных интересов.

Деятели ИРМ подвергались все возрастающему террору. После вступления США в войну в сентябре 1917 года тайные агенты департамента юстиции арестовали по всей стране 166 руководителей ИРМ. 112 из них во главе с Хейвудом и Сент-Джоном были отданы под суд по обвинению в нарушении закона о шпионаже. Процесс длился 4 месяца и 26 дней. 98 подсудимых были признаны виновными и присуждены в общей сложности к 802 годам каторжных работ и к уплате свыше 2 миллионов долларов штрафа. Кроме того, к различным срокам заключения были присуждены еще около 150 других активистов ИРМ.

Власти использовали закон о шпионаже для преследования противников войны. Свыше тысячи социалистов-интернационалистов были осуждены на различные сроки заключения. Пламенный рабочий трибун Юджин Дебс был приговорен к 10 годам тюрьмы. В тюрьме оказались Чарлз Рутенберг, Кэйт О'Хейр, Роза Стокс и другие единомышленники Дебса. Их преследовали не только за выступления против войны, но и за симпатии к только что победившей Великой Октябрьской социалистической революции.

Жертвами насилия, пишет в своих воспоминаниях Элизабет Герли Флинн, оказывались самые различные люди: христианские священники, негры и белые, проповедовавшие мир по религиозным, этическим или политическим убеждениям, члены «Беспартийной лиги», пользовавшейся большим влиянием среди фермеров Среднего Запада, общества «Друзья ирландской свободы» и другие. Мужчин и женщин за любое критическое замечание о войне, воинской повинности или распространении облигаций военного займа вымазывали дегтем и обваливали в перьях, избивали иногда до потери сознания, заставляли целовать американский флаг, изгоняли из городов, принуждали покупать военные облигации, угрожали линчеванием. И все эти насилия совершались во имя того, чтобы сделать мир «безопасным для демократии».

А как вели себя по отношению к войне лидеры АФТ? Самуэль Гомперс

и его сторонники рабски следовали политике Вильсона. Пока Вильсон заверял американский народ, что он будет соблюдать нейтралитет, «рабочие лейтенанты класса капиталистов» из АФТ тоже выступили за нейтралитет, внушая трудящимся, что Вильсон спасет США от войны. Когда же Вильсон из «нейтралиста» превратился в открытого интервенциониста, ту же метаморфозу проделал и Гомперс. Впрочем, Гомперс, как и Вильсон, с самого начала войны выступал за Антанту. Он создал на основе АФТ и разного рода ура-патриотов и социал-шовинистов Альянс за труд и демократию, через который пытался представить Антанту ревнительницей прав трудящихся в противовес тевтонскому варварству. Одновременно Гомперс и его единомышленники делали все возможное, чтобы, довольствуясь мелкими подачками правительства, свести классовую борьбу к минимуму. Они даже затрудняли рабочим вступление в АФТ, опасаясь, что ее «чрезмерный» рост может заставить руководство федерации действовать более энергично в защиту интересов трудящихся.

Мечтая о мировом господстве американского капитала, власть имущие посадили в президентское кресло звездно-полосатой республики «либерала» Вудро Вильсона, который применял к рабочим не только полицейскую дубинку, но и пряник в виде определенных уступок.

Сын пастора, университетский профессор, Вильсон появился на политической арене, когда ему было уже 54 года. Демократическая партия предложила ему баллотироваться на пост губернатора штата Нью-Джерси. Он согласился и в 1910 году был избран, а два года спустя уже стал президентом.

Вильсон, как и его соперник Теодор Рузвельт, изощрялся в демагогических посулах избирателям, выдавая себя за друга народа, и даже осмеливался критиковать большой бизнес и возмущаться его влиянием на правительство. Если судить о Вильсоне только по его высказываниям, то можно было бы подумать, что он действительно придерживался прогрессивных взглядов. Так, в одной из своих статей, опубликованных в 1913 году, Вильсон заявлял: «Хозяева правительства Соединенных Штатов — это американские капиталисты и фабриканты. Великие борющиеся безымянные массы людей, которые являются творцами всего, — вот та движущая сила, что поднимает общество на более высокую ступень. Величие страны определяется величиной ее рядовых граждан».

Прекрасные слова, но они служили Вильсону лишь для того, чтобы скрыть подлинное лицо слуги крупного капитала. Один из тогдашних воротил Уолл-стрита, миллионер Шиф, так отзывался о Вильсоне: «Мы должны особенно ценить нашего президента за то, что он своим умелым и

тактичным вмешательством в классовые конфликты всегда сводил на нет революционный размах рабочего движения».

На что был способен Вильсон, когда шла речь о защите святых прав американских банкиров и монополистов, показывала его политика в отношении революционной Мексики. По его указанию был убит президент Мексики демократ Мадеро и власть захватил ставленник американских бизнесменов генерал Уэрта, развязавший в стране оргию кровавого террора. Дважды — в 1914 и 1916 годах — по приказу Вильсона вторгались американские войска в Мексику, намереваясь задушить бушевавшую там демократическую революцию. Недаром Большой Билл называл Вильсона «лицемером и ханжой», и это было действительно так. Вильсон клялся, что, став президентом, будет придерживаться нейтралитета и не допустит втянуть Соединенные Штаты в войну. Он предложил осуществить многообещающую, хотя и весьма расплывчатую программу реформ под названием «Новая свобода». «Реформы, а не революция!» — таков был лозунг этого новоявленного мессии буржуазной Америки.

Пытаясь приостановить растущий накал классовых боев в США, Вильсон 15 октября 1914 года подписал закон Клейтона, который легализовывал деятельность профсоюзов и право рабочих на забастовку. Президент назначил министром труда (это министерство было создано еще при его предшественнике У. Тафте) бывшего шахтера, в прошлом секретаря горняцкого профсоюза Уильяма Б. Вильсона. Хотя новый министр во всем следовал за президентом, его назначение не могло не вызвать определенных симпатий в рабочей среде к правительству Вильсона.

Президент подписал законы о запрещении детского труда и о выплате компенсаций при несчастных случаях государственным служащим и лицам, работающим по заказам федерального правительства. В 1915 году Вильсон установил как жест в сторону рабочих День труда, который отмечается с тех пор в начале сентября. Наконец, в 1916 году Вильсон одобрил закон о 8-часовом дне для рабочих транспорта.

Буржуазная печать превозносила принятие этих законодательных актов как личную заслугу президента, его стали называть «8-часовым Вильсоном», забывая, что эти акты были буквально вырваны у правительства трудящимися массами, неустанно боровшимися за свои права. Продажная печать умалчивала, что эти акты сопровождалась резким увеличением безработицы, интенсификацией эксплуатации рабочих, полицейским и судебным террором против тех, кто осуждал войну и отказывался довольствоваться «крохами с барского стола», к чему призывали реформистские лидеры АФТ.

Напомним хотя бы о «войне в Лудлоу», где во время стачки горняков в 1914 году наемники хозяина шахт Рокфеллера при попустительстве правительства Вильсона подожгли палаточный городок бастовавших рабочих, в результате чего погибло в огне 20 человек, в том числе восемь детей. Как и следовало ожидать, ни Рокфеллер, ни его наемники не понесли за это чудовищное преступление никакого наказания.

Уступки рабочим, социальная демагогия, заверения в приверженности к нейтралитету позволили В. Вильсону в 1916 году вновь выиграть президентские выборы и продлить свое пребывание в Белом доме еще на 4 года. Во время второго периода пребывания у власти полностью раскрылось подлинное лицо Вильсона — империалистического хищника, стремившегося превратить США в мирового жандарма, лютого врага Октябрьской революции и Советской власти, злобного преследователя прогрессивных движений внутри американского общества.

Что же делал, с каких позиций выступал в это сложное время истории Соединенных Штатов Уильям З. Фостер? После самороспуска Синдикалистской лиги и после того, как вернулось к нему зрение и он вновь смог работать с полной нагрузкой, Фостер приступает к организации нового рабочего центра — Интернациональной лиги профсоюзной пропаганды. Она учреждается 17 января 1915 года на заседании в Чикаго, в котором принимают участие ряд рабочих активистов, примыкавших ранее к Синдикалистской лиге. На этом заседании создается Национальный совет новой организации, секретарем его избирается Фостер. Печатным органом Интернациональной лиги становится журнал «Рабочие новости», его редактором — Макс Дезеттель, деятель синдикалистского толка.

Программа новой организации была изложена Фостером в брошюре «Тред-юнионизм — дорога к свободе».

В ней Фостер вновь доказывал, что только профсоюзы путем стачечной борьбы, которая перерастет в конечном счете в генеральную забастовку, могут добиться свержения капиталистического строя. Причем на этот раз Фостер утверждал, что не только радикальные, но и реформистские профсоюзы играют революционную роль, ибо тем или иным способом вырывают у капиталистов, чем ослабляют систему в целом.

Фостеру казалось, что между АФТ и ИРМ разница только в тактике, а не по существу. Он расценивал лозунг АФТ «Интересы капитала и труда тождественны» скорее всего как «защитный камуфляж», прикрывающий в основном революционные тенденции, свойственные профсоюзам этой организации, а не как стремление добиться классового сотрудничества с

капиталистами.

Фостер утверждал, что задачей новой лиги является не превращение профсоюзов в революционные организации, ибо они уже таковыми являются по своей натуре, а содействие росту их революционной активности через превращение в массовые организации.

Тогда Фостер не понимал, что без пролетарской партии, вооруженной передовой революционной теорией, профсоюзы сами по себе бессильны осуществить коренные изменения в общественном строе.

Фостер вкладывал все силы и всю энергию в деятельность новой организации. Он совершил зимой 1915 года очередную поездку, как обычно «зайцем», по западным индустриальным центрам. Однако уоббли все еще сопротивлялись призывам покинуть ИРМ и перейти в АФТ. Только в Чикаго Интернациональная лига сумела пустить корни. Здесь вокруг Фостера сгруппировалось около сотни революционно настроенных рабочих вожаков с большим весом в местных профсоюзах АФТ. Им удалось подчинить своему влиянию Чикагскую федерацию труда и превратить ее в самое прогрессивное отделение АФТ в Соединенных Штатах. Сам Фостер был избран руководителем местного союза железнодорожников.

Сторонники Интернациональной лиги решительно осуждали бушевавшую в Европе войну и стремление правительства США вступить в нее. Они осуждали предательство правых лидеров II Интернационала. Фостер и его единомышленники считали, что европейские рабочие путем генеральной забастовки могут добиться прекращения войны, так же как американские тем же способом могут воспрепятствовать вступлению США в войну. Однако Фостер, хотя и отдавал себе отчет в том, что война развязана капиталистами и ведется в их интересах, еще не поднялся до понимания ее империалистического характера.

Несмотря на все усилия Фостера и его товарищей, серьезные теоретические изъяны в программе Интернациональной лиги привели к тому, что она не смогла набрать силу и оказать существенное влияние на судьбы рабочего движения в Соединенных Штатах.

Большим ударом для лиги явилось и то, что редактор ее органа «Рабочие новости» Дезеттель превратился в ренегата, а редактируемый им журнал стал восхвалять политику правительства. Просуществовав около двух с половиной лет, Интернациональная лига самораспустилась.

Но Фостер не терял оптимизма, классовое чутье подсказывало ему, что мир находится на пороге большого крутого поворота. Вскоре события в Европе подтвердили его прогнозы. Фостер приветствовал февральскую революцию в России, с еще большим энтузиазмом он встретил

Октябрьскую революцию. Фостер рассчитывал, что и в Соединенных Штатах рабочие вскоре одержат верх над капитализмом. «Я был уверен, — говорил Фостер, — что не в столь отдаленное время быстро развивающиеся рабочие профсоюзы станут такими могущественными, что они разрушат колеблющуюся капиталистическую структуру и возьмут в свои руки бразды правления обществом».

А раз так, то следовало всеми силами укреплять профсоюзы, в первую очередь в решающих отраслях промышленности. По мнению Фостера, такими являлась мясоконсервная и сталелитейная отрасли, обе наилучшим образом представленные в Чикаго — этом капиталистическом метрополисе, где от чада заводских труб трудно было дышать и где рабочие на протяжении десятилетий вели упорную борьбу за сокращение рабочего дня, повышение зарплаты, за право на профсоюзную и политическую деятельность.

Чикаго, писал Джек Лондон в 1908 году в своем романе «Железная пята», из всех американских городов наиболее созрел для революции. Если его и раньше именовали «городом на крови», то теперь ему вновь предстояло подтвердить это название. В жителях Чикаго сильна революционная закваска. Здесь было подавлено столько забастовок, что пролетариат не мог этого ни забыть, ни простить. Чикаго всегда был полем битвы между трудом и капиталом. Это был город уличных боев, где насильственная смерть была частой гостьей, где классово сознательным организациям капиталистов противостояли классово сознательные организации рабочих. Джек Лондон считал Чикаго образцом «наисовременнейшей цивилизации джунглей».

«Джунгли» — так назывался нашумевший роман Эптона Синклера. В нем писатель рассказывал о бесчеловечных условиях труда, господствовавших на бойнях в Чикаго, о жестокости, жадности хозяев, полицейских, шпиков, о пробуждении классового сознания у рабочих. Хозяева боен обрушили на Синклера поток брани, они окрестили его «самым отпетым лжецом в Соединенных Штатах», они обратились в суды, требуя наказать писателя за клевету. Но даже их собственные суды не осмелились осудить Синклера. «Джунгли» отразили подлинную чикагскую действительность.

Фостер рассчитывал пробудить к борьбе в первую очередь рабочих мясохладобоев. Задача поистине не из легких, если учесть, что эти рабочие в то время представляли самый отсталый, с точки зрения классовой сознательности, отряд трудящихся Чикаго и что владельцы боен были, по существу, подлинными хозяевами города, на их службе находились

полиция, суды, муниципальные власти, их поддерживали в Вашингтоне.

Правительство Вильсона выдвинуло лозунг «Пицца выиграет войну», тот, кто будет сыт, тот и одержит победу. Этим лозунгом оно пыталось заткнуть рот рабочим мясоконсервной промышленности, заставить их отказаться от классовой борьбы. Именно на организацию этих рабочих и направил в первую очередь свои усилия Фостер в июне 1917 года. Его поддерживали чикагское отделение профсоюза железнодорожников и местный совет Американской федерации труда.

Некоторое время спустя был создан Совет рабочих мясохладобоев с Фостером на посту секретаря и мясником Мартином Мэрфи в должности президента. Совет намеревался вовлечь в профсоюзы около 60 тысяч рабочих мясоконсервной промышленности, большинство из которых составляли европейские иммигранты. Среди иммигрантов заметным влиянием пользовались реакционные церковники — ненавистники рабочего движения. Не лучше обстояло дело и с негритянскими рабочими, которых в этой отрасли промышленности насчитывалось около 12 тысяч. Многие из них требовали создания особых, только для черных, профсоюзов, обвиняя белых рабочих в расистских предубеждениях.

Следует ли удивляться, что после шестинедельной агитации Фостеру и его товарищам удалось привлечь в профсоюз только 500 человек. Хотя рабочие охотно приходили на митинги и собрания и поддерживали требования, выработанные советом, об установлении 8-часового рабочего дня, признания права на профорганизацию, повышения заработной платы и т. д., однако в профсоюз вступать они еще не решались.

Фостер предложил своим товарищам по совету созвать конференцию делегатов мясохладобойных предприятий для обсуждения предложений об организации генеральной забастовки.

Рабочие, уже давно рвавшиеся в бой с предпринимателями, встретили весть о предстоящей забастовке с огромным энтузиазмом. Отбросив страх, они валом повалили в профсоюзы. Был создан специальный комитет для руководства рабочими этой отрасли промышленности. Председателем был назначен чикагский руководитель профсоюзов Джон Фитцпатрик, секретарем Фостер. Комитет провел среди членов профсоюзов голосование о целесообразности объявить генеральную забастовку. Почти 100 процентов из них проголосовало «за».

Решение рабочих вызвало тревогу в правительстве. США только что вступили в войну, и генеральная забастовка свыше 200 тысяч рабочих мясохладобоев грозила серьезными осложнениями. Да и предприниматели обеспокоились. Они получали баснословные прибыли, которые только за

последний год составляли свыше 90 миллионов долларов.

На выручку правительству и предпринимателям пришел Гомперс. Так как Фитцпатрик и Фостер действовали под вывеской АФТ, то Гомперс, получив сообщение о решении рабочих бастовать, немедленно передал это решение на рассмотрение Федеральной посреднической комиссии по улаживанию трудовых конфликтов. Разумеется, Фитцпатрик и Фостер могли не подчиниться решению Гомперса и объявить генеральную забастовку, но их не поддержали бы реакционные лидеры профсоюзов АФТ, которые под давлением масс вошли в руководящий комитет, хотя вовсе не горели желанием бастовать. В этих условиях разумнее всего было выждать.

В течение трех недель представители профсоюзов излагали перед Федеральной посреднической комиссией факты, разоблачавшие условия труда на мясохладобойнях в Чикаго. С тех пор как Эптон Синклер написал свой роман «Джунгли», здесь больших изменений не произошло. Это было, по словам Фостера, «длинное повествование о голоде, изнурительном труде, болезнях, увечьях, невежестве, пьянстве, сумасшествии, отчаянии и смерти». В декабре 1917 года была одержана первая победа. Комиссия признала право рабочих организовываться в профсоюзы, рекомендовала десятипроцентное увеличение заработной платы, прекращение дискриминации и произвольных увольнений, создание отвечающих санитарным требованиям столовых, раздевалок и умывален.

Остальные требования были переданы на арбитраж федеральному судье Альтшулеру, который, опасаясь дальнейшего обострения конфликта, решил спор в пользу рабочих.

В целом рабочие получили увеличение зарплаты с 10 до 25 процентов, право на профсоюзную деятельность, участие в профсоюзных собраниях и конференциях, выдвижение требований и т. д. Кроме того, был завоеван 8-часовой рабочий день, равная оплата мужчинам и женщинам за равный труд, запрет дискриминировать из-за религиозных, национальных и расовых причин, бесплатное предоставление спецодежды и ряд других благ.

Это была действительно большая победа, первая по столь значительным достижениям в истории американского профсоюзного движения. Она вызвала подлинно революционный подъем среди рабочих мясохладобоев.

Успех этой борьбы доказывал правоту позиций революционных синдикалистов — наиболее последовательным из них был Фостер, — призывавших вопреки Гомперсу продолжать классовые бои в условиях

империалистической войны.

ВЕЛИКАЯ СТАЧКА

*Мы сильны,
Мы сильны,
Если вместе мы всегда,
Если все
Как один!*

Джо Хилл

В связи с победой рабочих мясохладобоев авторитет Фостера заметно возрос среди трудящихся не только Чикаго, но и всей страны. Этого не мог не учитывать Гомперс. Он стал обхаживать Фостера, предлагая ему разные посты в бюрократической машине АФТ в надежде таким образом приручить и обезвредить его. Нов этом «брат» Гомперс (в АФТ было принято такое обращение) потерпел решительное поражение.

Вот что, по словам Фостера, произошло тогда: «В 1917–1920 годах Сэм Гомперс соблазнял меня хорошо оплачивавшимся постом главного организатора АФТ, а председатель моего профсоюза — Братства

железнодорожников Америки — Мартин Райан предложил мне работать редактором газеты этой организации. Но мои левые взгляды не позволяли мне соглашаться на такую работу. Я никак не мог представить себя винтиком огромной бюрократической машины, командовавшей профсоюзным движением».

Вскоре после арбитражного решения, увенчавшего победой борьбу рабочих хладобоев, Фостер с присущим ему энтузиазмом и решительностью стал агитировать за организацию сталелитейщиков. Здесь, как и в других отраслях промышленности, имелось несколько десятков цеховых профсоюзов, входивших в АФТ и не проявлявших особой активности. Главная же масса рабочих — около полумиллиона, если считать всех, кто имел какое-либо отношение к металлу — от рудокопов и железнодорожников до станкостроителей и металлургов — была неорганизована и лишена каких-либо прав. На заводах за рабочими следили сотни явных и тайных охранников, полицейских, бандитских шаек. Они подавляли террором любую попытку рабочих оказать сопротивление предпринимателям. Дело доходило до того, что многие руководители карликовых цеховых профсоюзов являлись платными агентами полиции или предпринимателей.

Поднять сталелитейщиков на борьбу за свои права, пробудить в них классовую сознательность — вот какую цель поставил перед собой Фостер и его единомышленники.

И на этот раз Фостер решил опереться на Чикагский совет Американской федерации труда и его председателя Фитцпатрика. От имени профсоюзов железнодорожников и некоторых других он внес на одном из заседаний совета предложение обратиться к руководству АФТ с требованием начать кампанию по привлечению сталелитейщиков в профсоюзы. Совет поддержал Фостера и направил его предложение Гомперсу, который прохладно отнесся к этой идее. Но это отнюдь не обескуражило Фостера. Он добивается подтверждения решения Чикагской федерации труда, которая направляет его делегатом на очередной съезд АФТ с поручением отстаивать предложение о кампании среди сталелитейщиков. В июле 1918 года на съезде в Сент-Поле Фостер вопреки откровенному саботажу Гомперса сумел убедить делегатов созвать специальную профсоюзную конференцию в Чикаго для выработки конкретного плана агитации среди сталелитейщиков.

Хотя съезд АФТ постановил созвать конференцию в течение ближайших шести недель, Гомперс под разными предлогами затянул ее созыв на четыре месяца. Было очевидным, что профбюрократы пытались

оттянуть реализацию предложения Фостера на послевоенный период, когда капиталистам было легче оказать сопротивление рабочим. С другой стороны, Гомперс не решался открыто возражать против предложения Фостера.

На конференции в Чикаго приняли участие представители 15 профсоюзов. Явился на нее и Гомперс, но только для того, чтобы спустить на тормозах все предложения Фостера. Открывая конференцию, Гомперс высокомерно потребовал: «Ну, брат Фостер, выкладывайте ваши предложения...» Фостер предложил начать массовую агитацию среди рабочих-сталелитейщиков по всей стране путем митингов, демонстраций, походов рабочих, воззваний, объявлений в газетах и т. д.

Вся кампания была рассчитана на шесть недель. Она должна была вызвать массовый приток сталелитейщиков в профсоюзы. Затем предпринимателям были бы предъявлены соответствующие требования, повторявшие в основном то, что было уже завоевано рабочими мясоконсервной промышленности. В случае отказа предпринимателей удовлетворить требования рабочих их заставили бы сделать это путем генеральной забастовки. Для проведения этой кампании Фостер потребовал от руководства АФТ выделить 100 платных организаторов и фонд в 50 тысяч долларов.

Гомперс и его сторонники подняли Фостера на смех. Его план, заявил президент АФТ, нереален, непрактичен, неосуществим. Контролируемая Гомперсом конференция постановила ассигновать на агитацию среди сталелитейщиков вместо просимых Фостером 50 тысяч всего 1500 долларов, а вместо 100 платных организаторов выделить на это дело всего лишь шесть человек! И это для вовлечения в профсоюзы полумиллиона рабочих!

— Можно было подумать, — с возмущением комментировал Фостер, — что мы собирались организовать несколько ларьков для продажи орехов...

На следующий день Гомперс покинул конференцию, как бы подчеркивая этим свое отрицательное отношение к предложениям Фостера.

И все же полностью провалить предложения Фостера профбюрократам не удалось. Конференция избрала Национальный комитет по вовлечению сталелитейщиков в профсоюзы, назначив его председателем Гомперса, исполнительным секретарем Фостера. Гомперс демонстративно отказывался выступать на митингах или предоставлять какую-либо помощь работе комитета. Когда сталелитейщики поднялись на борьбу и в воздухе запахло забастовкой, Гомперс отказался от председательства в

Национальном комитете. На его место был избран Фитцпатрик, разделявший тогда взгляды Фостера.

Национальный комитет находился в Чикаго — центре пролетарского движения в Соединенных Штатах. Здесь у Фостера было много единомышленников. Рабочие доверяли ему. Бескорыстное служение делу пролетариата, скромность и самоотверженность, стойкость и революционный оптимизм снискали Фостеру любовь и уважение среди трудящихся самых различных профессий.

Первые же митинги показали, что рабочие повсеместно поддерживали ораторов Национального комитета, тысячами вступали в профсоюзы. Если бы первоначальный план Фостера был принят АФТ, то действительно в течение нескольких недель можно было бы поднять полумиллионную армию сталелитейщиков на борьбу против предпринимателей.

Успех Фостера и его единомышленников по вовлечению рабочих в профсоюзы вызвал беспокойство как в правительственных кругах, так и среди баронов стали и железа. Опасаясь худшего, владельцы предприятий в короткий срок четырежды увеличивали зарплату рабочим и согласились на восьмичасовой рабочий день. Но эти уступки, сделанные перед угрозой генеральной забастовки, носили призрачный характер: ведь предприниматели отказывались подписать коллективный договор и признать право рабочих на профсоюзную деятельность. А это означало, что с такой же легкостью, с какой капиталисты делали свои уступки, они могли при желании отказаться от них. Вот почему борьбу следовало продолжать во все возрастающем темпе.

Закончилась вторая мировая война. Усилился террор. Профсоюзных пропагандистов и агитаторов арестовывали, избивали. Свыше 30 тысяч рабочих было выброшено с работы в наказание за вступление в профсоюз. Банды куклуксклановцев и заводских громил, полиция нападали на рабочие собрания. В рабочих городках и поселках местные власти в нарушение конституции запрещали уличные митинги. Вновь возродилась и повсеместно шла борьба за свободу слова.

Гомперс со своей стороны пытался не допустить забастовки. Он предложил руководителям комитета посетить президента Вильсона и просить его посредничества в переговорах с владельцами заводов и шахт. Вильсон принял Гомперса, Фостера и Фитцпатрика в Белом доме. Гомперс заискивающе, как бы извиняясь за свой визит, чуть ли не умолял Вильсона уговорить предпринимателей сделать хоть какие-либо уступки рабочим. Фитцпатрик и Фостер, к явному неудовольствию Гомперса, предупредили президента, что рабочие не сдадутся и будут бороться за свои права вплоть

до генеральной забастовки.

Между тем предприниматели и власти готовились силой подавить движение сталелитейщиков. В те дни газета «Нью-Йорк уорлд» писала: «Какую картину мы наблюдаем в предвидении забастовки? В районе Питтсбурга на нескольких крупных предприятиях завербованы тысячи вспомогательных полицейских. Полиция штата Пенсильвания сосредоточена в важнейших пунктах штата. В других местах власти сформировали из демобилизованных солдат полицейские отряды специального назначения. В одном только Мак-Киспорте 3 тысячи граждан были приведены к присяге. В случае надобности они подлежат немедленному призыву для использования в качестве вспомогательных полицейских специального назначения. Все это носит такой характер, как если бы шла подготовка к войне».

Сам Фостер неоднократно подвергался бандитским нападениям, громилы на службе компаний постоянно угрожали ему расправой. Предприниматели и полиция наводнили профсоюзы своими провокаторами и тайными осведомителями. Особенно их много было среди профбюрократов АФТ. Саботируя деятельность Национального комитета, они выполняли прямые указания владельцев шахт и заводов.

Однако лозунг забастовки встречал повсеместную поддержку не только среди сталелитейщиков, но и других отрядов рабочего класса. Было очевидно, что успех поднял бы на новую высоту классовую борьбу в стране, нанес бы серьезный удар по реформистским и соглашательским элементам типа Гомперса. Стачки уже не пугали рабочих. Достаточно сказать, что в 1919 году в США бастовало около 4 миллионов рабочих самых разных профессий.

Когда Национальный комитет принял решение начать забастовку 22 сентября 1919 года, президент Вильсон немедленно потребовал отложить ее до решения созванной им на 6 октября национальной конференции о взаимоотношениях между трудом и капиталом. Это был маневр правительства, чтобы выиграть время и ослабить тем самым революционный порыв рвавшихся в бой рабочих. Этого же добивались Гомперс и его сторонники, располагавшие большинством голосов в Национальном комитете. Они телеграфировали Вильсону, что принимают его требование.

Впоследствии в своей автобиографии Самуэль Гомперс откровенно признавался, что его пугало влияние русской революции на американских рабочих и что он боялся, как бы забастовка сталелитейщиков не приняла революционный характер и не распространилась на всю страну.

В ответ на штрейкбрехерские маневры Гомперса и его креатур в АФТ Фостер, поддерживаемый Фитцпатриком, обратился в низовые отделения профсоюзов, которые единодушно высказались за начало забастовки в намеченный срок. Фостер, опираясь на мнение местных профсоюзных отделений, сообщил Гомперсу, что «отсрочка забастовки означала бы полную деморализацию и полный разгром нашего движения».

Гомперс не отважился возражать, и 22 сентября забастовка началась.

Требования рабочих состояли из 12 пунктов. Вот важнейшие из них:

Право на заключение коллективного договора.

Восстановление на работе всех уволенных за профсоюзную деятельность рабочих с выплатой им содержания за вынужденный прогул.

8-часовой рабочий день.

Один день отдыха в неделю.

Отмена 24-часовой смены.

Установление твердой шкалы заработной платы для рабочих всех специальностей и квалификаций.

Двойная оплата за всякую сверхурочную работу и за работу в праздничные и воскресные дни.

Упразднение «желтых» (хозяйских) профсоюзов.

Отмена медицинского осмотра при найме на работу.

Забастовка охватила 50 городов в 10 штатах. В ней приняло участие 365 тысяч рабочих, а с семьями — свыше полутора миллионов человек. По своим размерам и продолжительности — она длилась три с половиной месяца — это самая грандиозная забастовка из всех когда-либо имевших место в Соединенных Штатах.

Орган Чикагской федерации труда «Новое большинство» писал, что Фостер — это «один из наиболее ясных мыслителей, мудрых стратегов и лучших организаторов в современном рабочем движении», а буржуазная «Чикаго трибюн» предупреждала своих читателей, что «Фитцпатрик и Фостер стремятся разрушить нашу нынешнюю организацию и систему общества. Они настроены против консервативного рабочего руководства, и, если выиграют битву со стальными корпорациями, они его сместят».

Никогда еще американские капиталисты не пускали в ход таких колоссальных сил, пишут в книге «Нерассказанная история рабочего движения в США» Ричард О. Бойер и Герберт М. Морейс, никогда еще ни одну забастовку так не поносили, как «красную революцию», и вместе с тем редко когда стачечники боролись с большим мужеством. Против рабочих в городе Гэри, где располагалась штаб-квартира сталелитейного

треста, были двинуты регулярные войска под командованием генерал-майора Леонарда Вуда, бывшего военного губернатора и усмирителя Кубы. Агенты министерства юстиции сотнями арестовывали бастующих, главным образом выходцев из Европы, угрожая им высылкой за участие в «антиправительственном заговоре».

Против стачечников были мобилизованы полицейские силы, вооруженные уголовники, «помощники» шерифа (гражданские лица, получавшие право на арест, разгон демонстраций и т. д.), тысячи штрейкбрехеров. Во время столкновений погибло 22 рабочих, сотни получили ранения, подверглись избиениям, были заключены в тюрьму.

«Помощники» шерифа убили неутомимую профсоюзную активистку Фанни Селлине, вдову рабочего, мать четверых детей. Она вела пропаганду в пользу забастовки в горняцких поселках штата Пенсильвания.

Элизабет Герли Флинн рассказывает, что в жаркий августовский день Фанни Селлине вызвали в горняцкий поселок Нартона. Там был арестован молодой забастовщик, бывший участник войны. В поселке она увидела «помощников» шерифа, размахивавших револьверами перед группой возбужденных мужчин, женщин и детей. Чувствуя, что надвигается недоброе, она попыталась увести детей в ближайший двор за ограду. «Помощники» шерифа открыли огонь и убили шестидесятилетнего безоружного Джозефа Старзелесского, выстрелили в спину Фанни Селлине. Когда она упала, в нее всадили еще несколько пуль. Один из убийц надел ее шляпу и, кривляясь, выкрикивал: «Теперь я Фанни Селлине!»

Обе жертвы были похоронены в общей могиле, на которой в 30-х годах профсоюз сталелитейщиков поставил памятник с надписью: «Вечно верны рабочему классу».

Фостер с большим уважением отзывался о Фанни Селлине: «Она была одной из лучших из всей нашей группы организаторов во время великой забастовки сталелитейщиков 1919 года. В Нью-Кенсингтоне она одна подняла на борьбу около 20 тысяч сталелитейщиков. У Фанни Селлине была огромная вера в рабочих... Она взяла на себя инициативу во время разгула террора и развернула работу. Ее убили потому, что она организовывала эти тысячи сталелитейщиков».

Пожалуй, нет более драматичной и увлекательной, романтической и одновременно опасной работы, чем работа революционера-агитатора, бросающего вызов могущественному капиталистическому строю. Она требует от человека глубокой убежденности и беспредельного мужества, подлинной любви к своим братьям по классу и готовности пожертвовать во

имя их интересов своим благополучием, здоровьем и даже жизнью.

Рабочее движение Соединенных Штатов держалось на таких революционерах-агитаторах, какими были Фанни Селлине и Джо Хилл, Том Муни и Элизабет Герли Флинн, Дебс и Большой Билл — Хейвуд и тысячи им подобных верных сынов рабочего класса.

Таким был и сам Фостер. На него тоже неоднократно совершались покушения. Зная это, рабочие встречали его на вокзалах, провожали на собрания, обратно на поезд, предупреждали о готовящихся нападениях. Руководители реакционного «Американского легиона» в штате Вирджиния публично поклялись бросить Фостера в реку Огайо. Рабочие помешали легионерам совершить задуманное. В Джонстауне, штат Пенсильвания, вооруженные головорезы, которые находились на службе компаний, пытались заставить Фостера под дулами пистолетов подписать приказ рабочим вернуться на работу. Фостер им ответил: «Вы можете убить меня или сделать со мной все что угодно, но я никогда не подпишу этот приказ». Рабочие и на этот раз выручили его. Не удалась попытка расправиться с Фостером в Питтсбурге и других городах.

Его мужество и бесстрашие восхищали рабочих. «Фостер — высокий, мускулистый, красивый мужчина, — рассказывают Бойер и Морейс, — разъезжал по всем десяти штатам, выступая на митингах бастующих под носом у полицейских и нанятых компанией вооруженных бандитов. Много раз угрожали ему смертью за эти выступления перед бастующими сталелитейщиками, но он снова и снова выступал на митингах».

Продажная пресса, реакционные конгрессмены требовали расправы над Фостером. Его вызывали для дачи показаний в специальную сенатскую комиссию по изучению причин забастовки. Сенаторы пытались спровоцировать рабочего руководителя на ультралевые заявления, которые подтвердили бы, что забастовка сталелитейщиков всего лишь прелюдия к социальной — «красной» — революции, главным застрельщиком которой якобы является Фостер. Сенатор Майерс назвал Фостера «известным революционером, врагом правительства и всего существующего строя». Сенаторы обвиняли Фостера в том, что он стремился использовать забастовку «для свержения американского правительства и установления в стране советской власти».

Фостеру при даче показаний пришлось скрывать свои подлинные политические взгляды, чтобы не дать основания властям использовать их для борьбы с забастовщиками. «Я счел, что куда более важно оградить бастующих рабочих от новых нападков, чем рекламировать мои революционные убеждения перед сенаторами», — пишет Фостер в своих

воспоминаниях.

Выступая перед сенатской комиссией, он делает упор на экономические требования бастующих, ссылаясь на мнимую поддержку Гомперса и других руководителей АФТ, отрицает революционную роль профсоюзов, о чем он настаивал в своих брошюрах «Синдикализм» и «Тред-юнионизм — дорога к свободе», и даже заверяет сенаторов, что он одобрял войну. Последнее не отвечало истине. «Ошибка в моей позиции во время войны, — писал Фостер, — заключалась в том, что, согласно моим тогдашним синдикалистским взглядам, я считал решающей революционной задачей развитие профсоюзов. Мне тогда казалось, что именно этой задаче следовало подчинить все остальное, включая антивоенную агитацию. Правильно было бы действовать наоборот, считать главной задачей борьбу против войны, подчинив ей все остальное. Я был решительно против вступления США в войну, но когда это произошло, я ошибочно посвятил себя всецело организации неорганизованных рабочих».

Фостер надеялся, что обострение классовых боев, проведение крупных забастовок, создание низовых профсоюзов приведет кратчайшим путем к свержению капитализма. Фостер не участвовал в действиях, направленных на поддержку войны, но и не выступал прямо против нее. Косвенно — да, ведь вся его деятельность была направлена на борьбу против политики «классового мира» и запрета забастовок, которую осуществляли правящие круги США совместно с Гомперсом и его клеветами в рабочем движении.

Уловка Фостера перед сенатской комиссией не принесла ожидаемого результата. В стране господствовала поощряемая властями и капиталистами антикоммунистическая истерия. На забастовщиков оказывалось все возрастающее психологическое, материальное и физическое давление. Правительства Соединенных Штатов любой ценой пытались сломить их, заставить отступить.

Жесточайший террор против забастовщиков сопровождался антикоммунистической и антисоветской истерией. Глава треста «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн» Элберт Гэри утверждал, что забастовка является попыткой «советизировать сталелитейную промышленность». Стальному королю подпевала буржуазная печать. Она ежедневно пугала обывателя сообщениями, что забастовка — «заговор красных» с целью свержения американского правительства и замены его «большевистскими советами». Продажные писаки намекали, что за забастовкой стоит «красная» Москва.

Но самым опасным врагом рабочих оказались не полицейские и не бандиты, открыто нападавшие на них, а лживые «друзья» рабочих в лице Гомперса и компании, которые сделали все возможное, чтобы провалить

забастовку. Гомперс и его сподручные не выступили ни на одном из митингов бастующих, хотя официально они поддерживали забастовку. Они не подписали ни одного заявления, ни одного воззвания в пользу бастующих. Они делали вид, что никакой забастовки не происходит. В профсоюзы АФТ вступило около 50 тысяч сталелитейщиков, они внесли в кассы профсоюзов взносов на полмиллиона долларов, значительная часть которых поступила в распоряжение руководства АФТ, то есть Гомперса. Кассы гомперсовских профсоюзов ломались от долларов. Так, например, профсоюз рабочих железа, стали и олова имел в кассе 206 тысяч долларов, а выделил на кампанию по привлечению рабочих в профсоюзы и в забастовочный фонд только 11811 долларов. Всего же 24 профсоюза, находившихся под влиянием Гомперса и непосредственно связанных со сталелитейной промышленностью, передали Национальному комитету лишь 101 тысячу долларов, в то время как три левых профсоюза швейников, не входивших в АФТ, пожертвовали в фонд бастующих 180 тысяч.

Немаловажную роль в деле запугивания и террора сталелитейщиков сыграли массовые аресты левых профсоюзных активистов и деятелей социалистического движения по обвинению в большевистском заговоре. Аресты были произведены в ночь на 2 января 1920 года под руководством министра юстиции Палмера и его помощника Дж. Эдгара Гувера, будущего директора ФБР.

Во время облав Палмера и Гувера было схвачено 10 тысяч человек, среди них старики, женщины и даже дети. Арестованных избивали, пытали. В Бостоне их заковали в кандалы и водили по улицам на потеху толпы. В Филадельфии, где было схвачено 200 человек, почти всем пришлось испытать так называемые «допросы третьей степени» — пытки. В Детройте 800 заключенных морили шесть дней голодом, в Форт-Уэйне жен и детей заключенных избивали у них на глазах. В Нью-Йорке арестованных отдали на расправу уголовникам. Многие из арестованных иммигрантов были высланы из США, что не могло не повлиять на забастовщиков — выходцев из Европы.

Забастовка сталелитейщиков закончилась поражением. После трех с половиной месяцев борьбы рабочие были вынуждены вернуться к работе, хотя 18 января 1920 года еще бастовало 100 тысяч человек. Предприниматели согласились на многие из экономических требований рабочих, но в основном — признание профсоюзов и права на стачку — они не уступили. Рабочие сражались как львы, показали себя грозной силой, но устали от борьбы, их семьи голодали, надежды на поддержку АФТ не было

никакой. Левые силы были раздроблены, многие их вожди томились в тюрьмах или скрывались в подполье. Сталелитейщикам пришлось временно отступить.

Всемирный совет церквей, объединявший в основном американские протестантские культы, в котором в то время преобладали либерально настроенные церковные деятели, в специальном докладе о забастовке писал: «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн» была слишком сильна, чтобы ее могли победить 300 тысяч рабочих. У нее было слишком много денег и слишком много союзников в других отраслях производства, она располагала слишком большой поддержкой со стороны правительственных чиновников — местных и федеральных, имела слишком большое влияние на такие социальные институты, как печать и церковь, она господствовала на слишком большой территории — неизменно сохраняя абсолютно централизованный контроль, — чтобы ее могли победить распыленные силы рабочих с их различными настроениями, различными опасениями, неодинаковыми средствами, к тому же действовавших под более или менее импровизированным руководством».

Фостер считал, что главную ответственность за поражение забастовки несут лидеры АФТ. Если бы они оказали хоть небольшую поддержку рабочим, последние выиграли бы борьбу, несмотря на все усилия стального треста помешать этому. Самой важной причиной поражения, писал Фостер, был предательский отказ следовавших за Гомперсом руководителей цеховых профсоюзов от вовлечения в стачечное движение более широких слоев рабочих этой промышленности, вследствие чего многие квалифицированные белые рабочие начали возвращаться на предприятия. Шовинистическая политика гомперсовской клики во многих случаях способствовала возникновению расовых беспорядков, столкновений между белыми и негритянскими рабочими в этот период.

В провале забастовки сыграло свою роль отсутствие у американского пролетариата влиятельной марксистско-ленинской партии, мощь американского капитализма, еще больше окрепшего в результате победоносной войны. И все же, пожалуй, нигде и никогда так выпукло и убедительно не сказалась порочность синдикалистской ориентации с присущими ей голым экономизмом и игнорированием политических факторов, как на примере забастовки сталелитейщиков — этой крупнейшей в истории американского пролетариата битве. Конечно, Фостер исходил из революционных побуждений, его синдикализм был пропитан непримиримым духом классовой борьбы, все помыслы его были направлены на сокрушение твердыни капитализма. Но революционная

страсть, владевшая Фостером, еще не делала из его синдикализма алгебру революции.

Заслугой Фостера является то, что он сумел понять это, сделать правильные выводы, извлечь нужные уроки из забастовки сталелитейщиков.

Другие синдикалисты или продолжали упрямо и слепо отстаивать свои ошибки, или отрекались от революции, ополчаясь на коммунизм, переходя прямо на службу к капиталистам, смыкаясь с реформистами и проповедниками классового сотрудничества. По такому пути после первой мировой войны пошли Жуо, Крипе и другие корифеи французского и английского синдикализма, перед которыми некогда преклонялся Фостер. Такую же траекторию совершили и некоторые американские последователи синдикализма — например, соратник Фостера по забастовке сталелитейщиков Джон Фитцпатрик, ставший одним из обычных профсоюзных боссов АФТ.

Фостер пойдет другим путем...

СВЕТ ОКТЯБРЯ

Наконец-то после более чем двадцатилетних духовных блужданий я благодаря Ленину обрел твердую революционную почву под ногами.

Уильям З. Фостер

В первую очередь было необходимо разобраться в причинах поражения, проанализировать события как внутренние, так и внешние, связать их в единое целое, постараться уяснить их значение для рабочего движения и сделать соответствующие выводы.

А события следовали одно за другим с калейдоскопической быстротой, меняя привычное, знакомое лицо мира. В Европе рушились троны, раскалывались империи, возникали новые государственные образования. Но самым грандиозным событием из всех был триумф русских рабочих — победа Великой Октябрьской социалистической революции, знаменитые 10 дней, которые потрясли мир и которые воспел для грядущих поколений в своей знаменитой книге их свидетель,

американский журналист Джон Рид.

Октябрьская революция, писал Фостер, в отличие от всех других революций свергла эксплуататоров и передала власть в руки самого революционного класса трудящихся, в руки пролетариата. Под его руководством была ликвидирована вековая система эксплуатации и создана новая, социалистическая система, в которой нет места угнетению и произволу.

С победой Октябрьской революции весь мир заговорил о Ленине. Его труды стали появляться на иностранных языках, проясняя многие сложные и запутанные вопросы социалистического движения, указывая путь к победе рабочего класса. Статьи, книги, выступления Ленина внушали непоколебимую веру в грядущий триумф социализма во всем мире.

Распался, обанкротился в результате предательских действий оппортунистических вождей II Интернационал. В Петрограде, колыбели первой в истории социалистической революции, возник новый, Коммунистический Интернационал.

Повсеместно в капиталистических странах создавались коммунистические партии, признававшие в Ленине своего вождя и учителя. Этот процесс не миновал и Соединенные Штаты. Большинство членов Социалистической партии выступало за переход на позиции Коммунистического Интернационала.

Весной 1919 года во время перевыборов в партийные органы за левых проголосовало 80 процентов членов партии. Но правые не сдавались. Контролируя руководство партии, они исключили из ее рядов «за нарушение устава и платформы партии» 55 тысяч членов — почти половину состава. Среди левых не было согласия, как действовать дальше. Часть исключенных во главе с Джоном Ридом надеялись одержать победу на чрезвычайном съезде партии, который был назначен на 30 августа. Другая же часть окончательно порвала с Социалистической и образовала Коммунистическую партию Америки. Ее возглавил испытанный борец за рабочее дело Чарлз Рутенберг.

После того как надежды Джона Рида получить большинство на съезде Социалистической партии не оправдались, его группа, в свою очередь, образовала Коммунистическую рабочую партию Америки. Понадобилось некоторое время, чтобы обе эти партии объединились в единую Коммунистическую партию США. Это произошло в декабре 1921 года.

Американское правительство пыталось, действуя в союзе с другими империалистическими державами, задуть молодую рабоче-крестьянскую власть в России. США послали войска на территорию

Республики Советов для оказания помощи силам контрреволюции, но победы Красной Армии и протесты американских трудящихся вынудили Вильсона в конце концов отозвать своих вояк. Оказавшись бессильными подавить «крамолу» в России, американские власти принялись искоренять ее у себя дома, преследуя забастовщиков и бросая в тюрьму «красных».

Фостер приветствовал Октябрьскую революцию. Ленинизм открывал ему глаза на многие вопросы теории и практики рабочего движения. Но прозрение наступило не сразу.

После окончания забастовки сталелитейщиков Фостер в течение нескольких месяцев пишет ряд работ об исторической битве с баронами стали. В книгах и брошюрах «Великая забастовка сталелитейщиков и ее уроки», «Организуя профсоюзы среди сталелитейщиков», «Организационные методы профсоюзной работы в сталелитейной промышленности» Фостер подводит итоги событиям, в которых ему довелось участвовать.

Фостер приходит к выводу, что проводимая им линия на ликвидацию дуализма в профсоюзном движении и концентрация всех усилий на работу в массовых профсоюзах АФТ полностью себя оправдала и является единственно верной в условиях Соединенных Штатов. И все же даже теперь, когда эта линия подтвердилась двумя мощными движениями в мясоконсервной и сталелитейной промышленности, руководители ИРМ продолжали отстаивать свои традиционные сектантские взгляды.

Позиции дуализма в профсоюзном движении отстаивали тогда и руководители обеих коммунистических партий, выступавшие в поддержку ИРМ, что не могло не насторожить Фостера. Он вновь с группой своих единомышленников учреждает в Чикаго Лигу профсоюзной пропаганды.

После забастовки сталелитейщиков Фостер остается без работы. Он включен в «черный список» компаний, его никуда не принимают на работу. Он вынужден жить случайными заработками. Скромный и неприхотливый в своих личных потребностях (Фостер не пил, не курил, был очень сдержан в еде), поддерживаемый своей верной подружкой Эстер, полностью разделявшей его взгляды и чаяния, он продолжает отдаваться с прежним энтузиазмом делу борьбы рабочего класса за свое освобождение.

Фостер внимательно следит за событиями в Советской России, читает «Письмо к американским рабочим» и другие работы Ленина, но их пока что очень мало на английском языке. Что думает Ленин о профсоюзном движении, каковы его взгляды на параллельные профсоюзы? Пока это остается загадкой для Фостера.

И вот словно его услышал Ленин! Из Советской России приходит

«Детская болезнь «левизны» в коммунизме», отдельные страницы которой точно написаны специально, чтобы рассеять сомнения Фостера.

«В этой книге, — писал Фостер, — я обнаружил, что революционный профсоюзный дуализм осуждался, а политика «завоевания изнутри» профсоюзов поддерживалась более ясно и решительно, чем мы когда-либо это делали в прошлом. Действительно, Ленин обвинял «левых» немецких коммунистов в «глупости» за отказ от работы в профсоюзах, возглавляемых реакционными и контрреволюционными лидерами. Такая политика, писал Ленин, непростительная ошибка и самая большая помощь, которую могут оказать коммунисты буржуазии. Отказ от работы в реакционных профсоюзах (предупреждал Ленин) означает оставить недостаточно развитые или отсталые трудящиеся массы под влиянием реакционных вождей, агентов буржуазии, рабочих аристократов или «обуржуазившихся рабочих». Ленин говорил: «Нет сомнения, господа Гомперсы, Гендерсоны, Жуо, Легины очень благодарны таким «левым» революционерам, которые подобно немецкой «принципиальной» оппозиции (упаси нас боже от этой «принципиальности»!) или некоторым революционерам из числа американских «Промышленных рабочих мира», проповедуют выход из реакционных профсоюзов и отказ от работы в них»^[2].

Когда стало известно, что II конгресс Коммунистического Интернационала полностью одобрил эту ленинскую позицию, обе американские компартии пересмотрели свои сектантские установки и высказались против профсоюзного дуализма. Все это не могло не порадовать Фостера. Теперь можно было надеяться на новые успехи в американском рабочем движении.

Фостер ищет и усердно изучает произведения Ленина. Для него, как и для других американских коммунистов, слово Ленина вносило ясность в сложные и запутанные проблемы рабочего движения США. В «Истории Коммунистической партии США» Фостер писал впоследствии: «Внезапный толчок, данный глубокими и всеобъемлющими произведениями Ленина, подтвержденный грандиозным опытом русской революции, революционизировал сознание марксистских сил в США. Левые быстро двигались к познаниям научного коммунизма».

Энтузиазм Фостера еще более возрос, когда весной 1921 года он получил приглашение принять участие в первом учредительном конгрессе Красного Интернационала профессиональных союзов, или Профинтерна, как он известен в нашей литературе. Вместе с Фостером в Москву поехала Элла Рив Блур, матушка Блур, одна из старейших участниц социалистического движения в Соединенных Штатах и активный член

Лисп профсоюзной пропаганды, а также делегация ИРМ во главе с Большим Биллом — Хейвудом.

Фостер направился в Советскую Россию через Лондон, где он пробыл некоторое время, знакомясь с местным профсоюзным движением. В Лондоне он стал свидетелем поражения так называемого «тройственного союза», в который входили профсоюзы шахтеров, железнодорожников и транспортников. «Тройственный союз» вел с предпринимателями борьбу за повышение зарплаты и другие требования.

Рабочие были полны решимости бастовать. Стачка крупнейших профсоюзов в Англии парализовала бы ее экономику и заставила капиталистов удовлетворить требования рабочих. По их единый фронт был подорван предательством реформистских лидеров железнодорожников и транспортников, согласившихся за мелкие уступки отказаться от борьбы, в то время как шахтеры объявили забастовку. Хотя забастовка длилась 13 недель, шахтерам, оказавшимся в изоляции, не удалось одержать победы. Как в Соединенных Штатах, так и в Англии правые лидеры больше всего боялись развертывания революционной классовой борьбы. Они сотрудничали с властями и капиталистами, предавая интересы рабочего класса.

Путь в Петроград Фостер проделал через Прибалтийские страны, стараясь сбить с толку следивших за ним полицейских шпииков. Фостер прибыл сперва в Лиенау, откуда перебрался в Ригу, из Риги — в Тарту.

И вот долгожданный Петроград, сердце революционной России. Первые знакомства, первые встречи с русскими товарищами. На Фостера производит большое впечатление спартанская скромность граждан рабоче-крестьянской России, с мужеством и стойкостью переносивших трудности переходного периода.

Республика Советов, которую так ненавидели капиталисты и их пособники социал-оппортунисты всех мастей, победоносно заканчивала гражданскую войну, залечивала раны, нанесенные ей контрреволюцией и иностранными интервентами. Следы военной разрухи еще виднелись повсюду. Внимание Фостера привлекала решимость партии Ленина претворить в жизнь великие идеалы социализма. «Первая в мире свободная федерация будет жить!» — к такому выводу приходит Фостер, ознакомившись с советской действительностью 1921 года.

В Москву Фостер прибывает в мае. Он посещает IV Всероссийский съезд профсоюзов. Делегаты съезда, представляющие 7 миллионов членов профсоюзов, обсуждают проблемы перестройки экономической жизни.

Они убеждены в том, что рабочие России способны совершить «чудо» — покончить с разрухой и отсталостью и построить новое, социалистическое общество. Они верят в дружбу и солидарность рабочих всего мира. В свою очередь, делегаты съезда, отмечает Фостер в одной из своих корреспонденций из Москвы, постановляют пожертвовать 200 тысяч золотых рублей из средств советских профсоюзов бастующим углекопам в Англии.

17 июня Моссовет объявил праздничным днем. На Красной площади состоялся парад частей Красной Армии и демонстрация трудящихся в честь делегатов предстоявшего конгресса Коминтерна. С семи грузовиков, оборудованных под трибуны, ораторы, делегаты и гости конгресса, среди них Фостер, приветствовали москвичей.

О том, какое впечатление произвела демонстрация на Фостера, можно судить по корреспонденции, которую он послал в американскую профсоюзную газету «Голос труда». Она была опубликована 26 августа 1921 года под заголовком «Красная демонстрация глубоко взволновала Фостера». С тех пор прошло больше пятидесяти лет, но корреспонденция и сегодня привлекает искренностью. Читая ее, мы точно смотрим кинохронику того героического времени, когда по Красной площади печатали шаг бессмертные творцы и участники Великого Октября, опаленные огнем гражданской войны и озаренные верой в грядущую эпоху социализма:

«Иногда доведется пережить такое, чего не забудешь до конца жизни. Сегодня (17 июня 1921 г.) это выпало на мою долю. Я был свидетелем в Москве грандиозной массовой демонстрации. Мне казалось, что передо мной раскрылась душа революции.

Демонстрация, состоявшаяся в честь конгресса III Интернационала, который откроется через день-два, происходила на исторической Красной площади в Москве. Нельзя даже представить себе более подходящего места для революционной манифестации...

...Когда видишь Красную площадь, заполненную волнующейся толпой революционного пролетариата, как это было сегодня, переживаемое чувство описать невозможно.

День начался с парада Красной Армии. Около 20 тысяч солдат Московского гарнизона строем вошли на Красную площадь, запрудив ее целиком. Представлены были все рода войск, в том числе пехота, кавалерия, артиллерия, связь, офицерские школы и т. д. Наверху, над собором Василия Блаженного, висела огромная «колбаса» аэростата наблюдения; два десятка самолетов то взлетали, то выскальзывали из-за

тяжелых туч над головами. Точно в назначенное время вместе с двенадцатым ударом больших кремлевских часов церемония началась.

...Войска стояли по стойке «смирно», и каждый полк хором приветствовал принимавших парад: «Служим трудовому народу», когда они к нему подходили. А громадный сводный оркестр продолжал играть волнующую мелодию «Интернационала». Это была незабываемая сцепа.

Когда я глядел на эту простую, но в высшей степени впечатляющую картину, я не мог не сравнивать ее с пышными парадами империалистических армий, которые я видел в других европейских городах. Как различно их содержание: этот служит типичным примером борьбы за свободу, справедливость и человечество, а те — за тиранию, рабство и жестокое кровопролитие.

На парадах империалистических войск обычно видишь офицеров из иностранных государств, которых приглашают инспектировать войска. На этом параде имело место аналогичное явление, только вместо иностранных капиталистических офицеров, приглашаемых для наблюдения и изучения, это были делегаты рабочего класса...

Особенно интересно было наблюдать внешний вид войск. Их моральное состояние поразило делегатов, многие из которых воевали на фронтах великой войны. Солдаты выглядели сытыми, хорошо обученными и тщательно экипированными. На большинстве из них было обмундирование цвета хаки, хотя на солдатах одного специального рода войск были красные брюки, а на солдатах другого — черные. У некоторых других на груди были нашиты красные полосы. Форма их состояла из мягкого шлема, гимнастерки с тяжелым кожаным поясом, обычных галифе и высоких кожаных сапог. В целом выглядят они щеголевато. Мне не удалось узнать, какого образца у них винтовки, но мне сказали, что большинство из них французские, захваченные у Врангеля. У солдат был очень деловой вид, который еще усиливался тем, что у них неизменный обычай носить винтовку с примкнутым штыком.

Офицеры удивительны в своем роде. Они обращали на себя внимание полным отсутствием характерного для военных чванства и хвастовства. Держались они спокойно, и видно было, что они квалифицированы и человечны. Это полная противоположность офицерам старой царской армии. Большинство офицеров Красной Армии совсем молоды, но они опытные ветераны...

После речей состоялась грандиозная демонстрация. В строю было не менее 60 тысяч человек. В демонстрации участвовали сухопутные войска,

моряки и гражданские лица. В других странах военные редко или даже никогда не снисходят до того, чтобы шагать плечом к плечу с гражданскими. Это происходит потому, что они оторваны от жизни народа. Но в России дело обстоит по-другому. Красная Армия — это ярко выраженная народная армия. Она действительно организация рабочего класса в такой же мере, как, например, в других странах профсоюзы. Народ гордится ею, она — народом. Поэтому на этой демонстрации войска оказались между большой группой гражданских организаций, шедшей во главе демонстрации, и другой группой позади. Они вклинились в середину демонстрации, двинувшись прямо с Красной площади, где были выстроены для парада.

Процессия по разнообразию напоминала калейдоскоп. Солдаты, матросы, курсанты, школьники, студенты университета, милиция, рабочие с производства, профсоюзы и т. д. и т. п. Это был истинный поток пролетариата...

Для меня самым интересным в демонстрации были группы коммунистов из разных организаций. Многие из них — это новообращенные коммунисты из военнопленных. Там были немцы, австрийцы, поляки и представители других национальностей. Даже Америка была представлена группой русских, живших в Соединенных Штатах. Коммунистическая партия — мозг и стеновой хребет русской революции и, уж конечно, ее душа. Всюду, где нужно выполнить долг или отразить опасность, действуют коммунисты. При любом критическом положении независимо от его характера они принимают на себя главный удар. В демонстрации их группы большей частью выглядели довольно просто. Состояли они из простых рабочих в гражданском платье, поголовно вооруженных винтовками с примкнутыми штыками. Все до последнего убежденные революционеры и энтузиасты, это ударные войска революции...

В России коммунисты впереди на войне и во всем остальном. За всю свою жизнь я не наблюдал за какой-либо группой людей с таким интересом, как за ними, когда они проходили маршем, а их было много тысяч.

Эта грандиозная пролетарская демонстрация произвела на меня такое глубокое впечатление, что, возвращаясь домой, я чувствовал, что если я приехал сюда лишь для того, чтобы ее увидеть и не сделаю здесь больше ничего, то и в этом случае мое долгое путешествие из Чикаго в Москву вполне оправданно».

Фостер принял участие в III конгрессе Коммунистического

Интернационала, который открылся 22 июня в Большом театре. Конгресс заседал, когда революционная волна пошла на спад в странах капитала. Революционные выступления во многих местах были подавлены. В Италии поднимал голову фашизм. Конгресс призвал коммунистов повернуть лицо к массам, развивать массовую борьбу вокруг экономических и политических требований. В решениях конгресса были заложены основы тактики единого фронта с другими рабочими организациями, тактики, которой и в дальнейшем неуклонно придерживались коммунисты в своей политической деятельности.

Фостер слушал доклад делегации РКП (б) на конгрессе. Республика Советов, представлявшая собой высшее достижение и оплот международного рабочего класса, писал затем Фостер, смогла доложить конгрессу о достигнутых ею к концу 1920 года великолепных успехах в разгроме основных организованных вооруженных сил контрреволюции. Накануне конгресса она подавила мятеж в военно-морской крепости Кронштадте — эту отчаянную вылазку анархистов. Конгрессом была одобрена генеральная линия Советского правительства — введение новой экономической политики. В результате семи лет империалистической и гражданской войны Советская Россия оказалась экономически обессиленной. Ее промышленность и сельское хозяйство были почти разрушены войной, экономической блокадой и действиями контрреволюционных сил. И как раз в тот момент, когда страна собиралась приступить к восстановлению хозяйства, ее постигло еще одно ужасное бедствие — страшный голод в Поволжье.

Здесь, на конгрессе, Фостер впервые увидел и услышал Ленина. Об этой встрече он будет неоднократно вспоминать и писать.

«Я увидел его, — рассказывает Фостер в книге «Страницы из жизни рабочего», — скромно стоящим у ступеней, ведущих на ораторскую трибуну в сверкающем убранстве царском дворце, внимательно слушающим выступления делегатов. Это был один из самых вдохновенных моментов в моей жизни. Передо мной, несомненно, стоял великий лидер миллионов угнетенных людей всего мира, человек, ставший настоящим кошмаром для эксплуататоров на всем протяжении земного шара. Я с таким напряжением наблюдал за ним на конгрессе, что весь его облик, его жесты оказались точно выжженными в моей памяти.

Мой интерес к Ленину был тем более глубоким, что в это время он оказывал решающее влияние на мою идеологию и на всю мою жизнь. Привлеченный сперва к коммунистической партии ленинской позицией по профсоюзному вопросу, я во время III конгресса Коминтерна усердно

изучал его произведения. На протяжении многих лет я читал самых разнообразных писателей социалистического, анархистского и синдикалистского толка и уже имел довольно широкий опыт в различных массовых рабочих движениях, но ленинское теоретическое мастерство поразило меня своей новизной и завоевало своей убедительностью. Мне было легко согласиться с его сокрушающей критикой ревизионизма, синдикализма и анархизма и принять общую программу коммунизма — все это подтверждалось живой действительностью русской революции и тогдашней обстановкой в мире».

На конгрессе Фостер познакомился с видными деятелями мирового коммунистического движения — Эрнстом Тельманом, Гарри Подлитом, Георгием Димитровым.

В дни конгресса Фостер выступил в «Правде» со статьей «Рабочее движение в Америке». Объясняя в этой статье причины отсталости и инертности американского профсоюзного движения, Фостер критиковал американских «левых» деятелей, считавших, что существующие профсоюзы обречены на гибель, а поэтому свою главную задачу видевших в создании новых, революционных профсоюзов. Фостер, следуя точке зрения Ленина, отмечал, что такая политика нанесла вред профсоюзному движению, так как вынудила уйти из тред-юнионов наиболее преданных борцов за дело рабочего класса. Теперь, писал он, американские революционеры решили работать внутри старых профсоюзов. Эта статья появилась в «Правде» 28 июня под псевдонимом В. Ферстер.

5 июля произошла встреча делегатов Американской компартии, участников III конгресса Коминтерна, с В. И. Лениным. Ленин высказал мнение, что американские коммунисты используют далеко не все легальные возможности для работы в массах, и советовал начать издание ежедневной газеты, активно участвовать в избирательной кампании. Ленин осудил бойкот коммунистами президентских выборов 1920 года.

Конгресс Профинтерна открылся в Москве в Доме Союзов 3 июля. На нем присутствовали 880 делегатов от профсоюзов 41 страны. Как и предвидел Фостер, на конгрессе развернулась борьба между сторонниками ленинской политики в профсоюзном движении и их противниками в лице последователей дуализма, представленных, в частности, делегатами ИРМ.

Конгресс Профинтерна принял ленинскую платформу. Он осудил выход революционных рабочих из массовых профсоюзов, возглавляемых реформистами.

Конгресс призвал членов ИРМ вступить в профсоюзы АФТ. В

соответствующей резолюции говорилось: «Чем дольше члены ИРМ будут держаться в стороне от АФТ, тем большие будут страдания и тем труднее будет процесс избавления неорганизованных рабочих...»

Конгресс рекомендовал организовать революционные ячейки и группы в профсоюзах АФТ. Нет другого пути, ведущего к завоеванию трудящихся масс в Америке, как только вести систематическую борьбу в профсоюзах, — таково было решение конгресса Профпнтерна.

Большинство делегатов ИРМ на конгрессе возражало против этих решений, как и против установления дружественных связей между Профинтерном и Коминтерном, они даже пытались осудить диктатуру пролетариата в России. С ними солидаризировалось руководство ИРМ, отказавшееся присоединиться к Профинтерну и проводившее с тех пор резкую антисоветскую политику.

Хейвуд, однако, одобрил решения конгресса. Большой Билл, которому угрожало в США 20-летнее тюремное заключение за активную антивоенную деятельность, остался в Советской России, вступил некоторое время спустя в Коммунистическую партию США. Хейвуд умер в Москве в 1928 году. Прах его был захоронен в кремлевской стене и на кладбище в Чикаго, рядом с могилами хеймаркетских жертв.

Конгресс Профпнтерна принял фостеровскую Лигу профсоюзной пропаганды в качестве американской секции, а самого Фостера избрал в руководящие органы нового профсоюзного Интернационала. «Наша делегация, — вспоминал Фостер, — была в восторге. Мы были уверены, что наконец заложили основы для правильной революционной политики профсоюзного единства в Соединенных Штатах, и мы верили, что можно будет добиться больших успехов. Последующие события убедительно показали, что наш оптимизм был обоснован».

Три с половиной месяца провел Фостер в молодой Советской республике. Он посещал заводы и фабрики, культурные учреждения, встречался с деятелями революции, рабочими, крестьянами, много читал, вел подробнейший дневник, послуживший ему основой для книги «Русская революция», изданной в Чикаго в конце 1921 года.

В Москве Фостер знакомился с работой железных дорог, условиями труда железнодорожников, деятельностью их партийной и профсоюзной организаций. Он посещает фабрику готовой одежды, военный завод, вырабатывающий порох, он выступает на фабриках и заводах, на собраниях в честь героев труда, вечерами посещает театры, присутствует на представлении «Мистерии-Буфф» Маяковского в Первом госцирке, спектакле по рассказу Джека Лондона «Мексиканец» в Центральной студии

Пролеткульта.

Фостер гостит в подмосковном доме отдыха, где его учат играть в городки (в «говоритку», как он пишет в своей книге.)

«Одной из наиболее поразительных особенностей русской революции является необыкновенный расцвет театра, — писал Фостер в книге «Русская революция», — хотя народное хозяйство в целом отстает, театр процветает, как никогда прежде. Везде оперы, балеты, спектакли, концерты и т. д. И уровень их весьма высок, потому что русские — прирожденные актеры.

В Нью-Йорке и Лондоне, несмотря на их богатство и процветание, нет спектаклей такого высокого класса, какие ежедневно предлагаются революционным рабочим Москвы. Коммунисты великолепно понимают воспитательную роль театра — интересно, что по новой схеме организации общества они поставили его под эгиду отдела народного образования и не упускают ни одной возможности популяризировать с его помощью революционные взгляды». В качестве примера Фостер описывает спектакль в «Теревсате» — Театре революционной сатиры, который произвел на него неизгладимое впечатление.

Это было эстрадное представление, рассказывает Фостер, состоящее из нескольких отделений. Первой была показана трагикомедия в трех действиях, изображающая переход семьи на сторону революции. Цель пьесы, помимо предоставления рабочим отличного развлечения, заключалась в том, чтобы разоблачить зло, с которым приходится сталкиваться новому обществу, — саботаж, воровство, лень и т. п. — и подчеркнуть нехватку преданных граждан и квалифицированных рабочих на производстве. «Герой» пьесы — молодой коммунист, а «злодей» — глупый рабочий, настроенный прокапиталистически, стоящий во главе семьи.

Кульминационный пункт наступает в третьем действии. Жена «злодея», устав от его антиобщественного поведения, решает уйти от него. Она уложила вещи и, взяв ребенка, собирается уходить. Он энергично возражает против этого, заявляя о своем праве на нее, как и в старое время. Но достигает он этим лишь того, что его шурин-коммунист прочитывает ему лекцию о правах женщин при рабочей власти. В конце концов «злодей», разгромленный по всем пунктам, капитулирует и заявляет, что отныне будет вносить свой вклад в построение нового общества.

Рабочая публика была в восторге и следила за всем представлением с неослабным вниманием. В выведенных героях и в содержании пьесы она видела отражение собственной жизни. Не могло быть ни малейшего

сомнения в том, что зрители извлекли из пьесы нужный урок.

Больше всего Фостеру понравилась пантомима под названием «Весы», изображающая борьбу революционной России против ее многочисленных врагов.

Пьеска начиналась с пролога, в котором темную фигуру, изображающую старый режим, а позднее — весьма активную как контрреволюция, изгоняло Время. Затем поднимался занавес над основной сценой. Большую часть сцены занимали колоссальные весы. На одной стороне их находился человек, Керенский, а на другой — еще один, Капитализм. Между ними завязалась борьба, причем каждый старался перетянуть чашу весов на свою сторону. Прекрасная девушка, вся в красном, — Россия — с интересом наблюдала за этой борьбой. Но Керенский проиграл, и Россия отбросила его. Он немедленно перешел к Капитализму по другую сторону весов. Тогда на сцене появился красивый молодой человек, Коммунизм. Он сразу же добился расположения России, встал с ней на весы и отправил в воздух ту чашу весов, где были Капитализм и Керенский.

Следовал великолепный танец, в котором приняли участие фигуры, изображающие Скоропадского, Петлюру, Деникина, Колчака, Врангеля, Юденича и всех остальных известных контрреволюционных генералов. Они вступали в танец в том же порядке, в каком выступали против революции... Они также заняли свое место на весах рядом с Капитализмом.

Затем вступили фигуры Англии, Франции и Соединенных Штатов. Дядюшка Сэм разбрасывал огромные доллары, которые хватили Деникин и другие, что позволило им протанцевать немного дольше. В танце великих держав были изображены все конференции и все другие важные события, имевшие отношение к России. После того как они выдохлись и заняли место рядом с Капитализмом, появилась, демонстрируя свою боевую мощь, Польша, поддержанная всеми врагами России, а вслед за нею — Кронштадтский мятеж в виде матроса. Сначала матрос был показан как жертва уловок Контрреволюции (которая все время вертелась тут же, подбадривая своих агентов), к нему ласкались Капитализм, белогвардейские генералы и великие державы. Однако в конце концов он перешел на ту сторону весов, где была Россия. На мгновение показалось, что Коммунизм, имея столько врагов, проигрывает, его сторона весов начала подниматься. Но на нее стали наваливать книги и бумаги (просвещение народа), и она снова пошла вниз, и многочисленные враги России были побеждены.

Последней появилась фигура чернокожего человека — Восток. За него

шла упорная борьба. Все контрреволюционные элементы прилагали отчаянные усилия, чтобы перетянуть его на свою сторону. Он хотел присоединиться к России, изо всех сил боролся за это, но другие в конце концов утащили его с собой. Так окончилась эта прекрасная историческая пантомима.

Все представление продолжалось полных четыре часа, с семи до одиннадцати, и рабочая публика наслаждалась им с начала до конца. Театр был полутемным (из-за нехватки топлива), а рабочие полуголодными (из-за нехватки продовольствия), но представление принималось прекрасно. «Русские, которые были с нами, — заканчивал Фостер свой рассказ, — довольно неодобрительно отозвались об игре актеров, назвав ее второсортной. Что касается меня, то мне она показалась великолепной. Но если вспомнить, что приехал я из варварской, некультурной Америки и был воспитан на бродвейской театральной дряни, то для меня вполне естественно принять русских второсортных актеров за звезды».

Все, что он видел, слышал, читал, наблюдал, убеждало Фостера в том, что в России совершился величайший из всех социальных переворотов, которые когда-либо имели место в истории человечества. Республика Советов была первым в мире государством рабочих и крестьян, государством без эксплуататоров — капиталистов и помещиков. До сих пор люди только мечтали о таком государстве, теперь оно существовало, и Фостер не сомневался, что новую Россию ждет великое будущее, что ее примеру последуют со временем все народы мира. И хотя страна переживала острейшие экономические трудности, на всем была печать разорения, энтузиазм рабочих был поразителен, вера в счастливую жизнь владела миллионами людей.

«До моего приезда в Москву, я должен признаться в этом, — пишет Фостер, — меня одолевали сомнения, сможет ли удержаться русская революция. Я еще не освободился от распространенной оппортунистической концепции, согласно которой социализм может восторжествовать только в высокоразвитой промышленной стране. Но прямой контакт с революцией сразу же подорвал это ошибочное мнение. Мне вскоре стало ясно, как дважды два — четыре, что в Советской России произошла подлинная социалистическая революция, именно та, за которую я боролся на протяжении всей моей сознательной жизни. Меня не страшили трудности русской революции. Мой класс ведет отчаянную революционную борьбу, и мое место в его рядах, мой долг — всеми силами содействовать его победе. Я должен вместе с русскими трудящимися

сражаться за победу».

Лидер исторической стачки сталелитейщиков, Фостер знал по своему собственному опыту, какие огромные трудности приходится преодолевать в борьбе с капитализмом, какие тяжкие испытания ждут трудящихся на пути к их освобождению. Но он с первого же посещения Республики Советов проникся глубоким убеждением, которое не покидало его на протяжении всей его жизни, в способность русского рабочего класса осуществить великие ленинские предначертания. В книге «Русская революция» Фостер писал:

«Революция — это ожесточенная борьба, но я не отчаиваюсь в отношении результатов. Своими героическими, великолепными достижениями в прошлом русские рабочие внушают веру в свое будущее. Хотя весь мир говорил, что сделать этого нельзя, они разрешили политическую проблему организации правительства и контроля над ним: несмотря на большие разногласия, они разрешили военную проблему, создав огромную армию и разбив своих многочисленных врагов. И колоссальную проблему промышленности они разрешат также. По моему мнению, русская революция будет жить и выполнять свою великую задачу основания первой в мире свободной рес-п\`блики».

Но если революция — чудо, писал там же Фостер, то творец чуда — Российская коммунистическая партия. Эта организация одна из самых поразительных в истории человечества. Некоторые называют ее мозгом революции. Так оно и есть, и более того, это мозг и нервы, сердце и душа революции. Это организованный разум, движущая сила, отвага и высший идеал, истинный жизненный центр революции. Без нее все движение давным-давно потерпело бы крах, а возможно, его и не было бы.

Фостер приходит к выводу, что коммунизм — это будущее человечества, что рабочие могут победить, если руководствуются принципами марксизма-ленинизма. Придя к такому выводу, Фостер становится коммунистом.

«Основной причиной, побудившей меня сделать этот серьезный шаг, — говорит Фостер, — были величайшие события русской революции, а также усиленное чтение трудов Ленина. Вступление в коммунистическую партию было для меня логическим завершением всего моего предыдущего жизненного опыта. До этого я девять лет боролся в рядах социалистической партии и около 12 лет участвовал в синдикалистском движении, около 20 лет я был членом различных профсоюзов, все это дало мне широкий теоретический и практический опыт, опираясь на который я принял решение о вступлении в коммунистическую партию...»

Полон светлых надежд, горящий желанием поскорей вновь окунуться в атмосферу борьбы у себя на родине, покидал Фостер Советскую Россию. На обратном пути в Соединенные Штаты он побывал в Германии, Франции и Италии, которую намеревался посетить еще во время своего первого — довоенного — пребывания в Европе. Теперь он смог осуществить это желание.

В этих странах рабочий класс перестраивал свои ряды, укреплялись молодые компартии, очищаясь от оппортунистов, сектантов и леваков, крепло массовое профсоюзное движение. Но и враг не дремал. Повсеместно буржуазия находилась в наступлении, используя услуги ренегатов — вождей II Интернационала. В Италии же рвались к власти фашисты — наймиты крупного капитала. Их возглавлял бывший ультралевый социалист, предавший дело рабочего класса, — Бенито Муссолини.

О том, что Фостер увидел в Западной Европе во время своего путешествия в 1921 году, он расскажет в книге «Революционный кризис 1918–1921 гг. в Германии, Англии, Италии и Франции», изданной в Чикаго в том же году.

«ПРОСПЕРИТИ» — ДЛЯ КОГО?

Все, что наносит ущерб людям труда, является предательством Америки.

Авраам Линкольн

И вот почти после полугодичного отсутствия Фостер снова дома, в Соединенных Штатах. В стране мало что изменилось за эти месяцы, повсеместно вспыхивали забастовки, шли классовые бои, Коммунистическая партия все еще находилась в подполье, а ее руководители преследовались. Легально действовала Рабочая партия. В ней работали коммунисты. Правящие круги продолжали раздувать в стране антикоммунистическую и антисоветскую истерию.

Фостер с юношеским пылом принимается за работу. Своей основной задачей он считает воплощение в жизнь решений III конгресса Коминтерна и I конгресса Профинтерна, свидетелем и участником которых он был... Он устанавливает связь с Чарлзом Рутенбергом, генеральным секретарем компартии, руководит деятельностью Лиги профсоюзной пропаганды в

Чикаго.

Несмотря на полицейские преследования, Фостер знакомит трудящихся с советской действительностью, о которой американская буржуазия распространяла самые дикие вымыслы. Он пишет статьи, брошюры и книги в защиту Советской России и Октябрьской революции. Он один из активнейших членов Американского общества друзей Советской России. Он выступает на митингах с призывом к сбору средств в фонд помощи голодающим Советской России. Об одном таком его выступлении рассказала газета «Голос труда» от 4 ноября 1921 года:

«Гэри, штат Индиана, принадлежит Стальному тресту. Когда два года назад развернулась кампания по вовлечению в профсоюзы рабочих сталелитейной промышленности, Уильяму Фостеру было сказано никогда больше в Гэри не появляться. Ему заявили, что не позволят там выступать. По-видимому, это в какой-то мере повлияло на решение Фостера выступить именно в Гэри в воскресенье с докладом о русской революции.

Фостер поехал в Гэри, чтобы рассказать о работе Общества друзей Советской России, оказывающего помощь голодающим. Он приехал, выступил, и, несмотря на то что на его выступлении в качестве цензора присутствовала полиция, которая арестовала председателя митинга Морина Лоеба, он, похоже, победил. Потому что капиталистическая пресса Гэри, представленная корреспондентом «Гэри ивнинг пост», писала о Фостере и его докладе весьма сочувственно, даже лестно»:

«Фостер сделал очень интересный доклад. Следует признать, что замечания Фостера были в высшей степени справедливы... Он смотрит на вещи с точки зрения коммуниста... Хотя он объяснял трудности, переживаемые Россией, со своей точки зрения, он не умалчивал о них... Лепина он описал как величайшего сегодня человека на земле... Публика внимательно слушала Фостера, и, так как он говорил два часа, он, безусловно, сказал кое-что. Он человек интеллигентного склада, с довольно тонким лицом, бледный, выше среднего роста. Говорит хорошо, красиво жестикулирует и вызывает симпатию».

На следующий день в большой передовой статье газета отметила: «Фостер сделал доклад, который разъяснил всем положение в России... Фостер взывает к разуму. Он излагает факты и высказывает здравые мысли. Конечно, из этих фактов он делает свои собственные выводы, а именно, что революция развивается с огромным успехом, несмотря на огромные препятствия, стоящие у нее на пути».

Фостер и в будущем после каждого посещения Советского Союза считал своим долгом отчитаться перед американскими трудящимися. В

книге «Россия в 1924 году» Фостер рассказывал о том, как наша страна, несмотря на смерть Лепина, идет вперед, строит новую жизнь.

Монополисты Уолл-стрита, писал Фостер, относятся к СССР и его зарубежным друзьям с резкой враждебностью, с ненавистью.

Вскоре после возвращения из первого путешествия в Страну Советов Фостер испытал это на себе. Летом 1922 года полиция арестовала его в Денвере, где он собирался выступить на митинге солидарности с бастующими шахтерами. Ему но было предъявлено никакого обвинения, но это не помешало полиции держать его в заключении. Арест Фостера вызвал волну негодования в рабочих кругах. В его защиту выступил Юджин Дебс, находившийся в госпитале. Дебс писал Фостеру: «Если бы меня не задерживало мое вынужденное пребывание в госпитале, я сейчас же прибыл бы к Вам для того, чтобы оказать любую услугу в пределах моих возможностей. В конце концов, Вас можно только поздравить с тем, что Вы еще раз испытали на себе ту злобу, которая присуща капиталистическим законам и капиталистической «справедливости», так как в этих злобных выпадах проявляется страх их вороватых и жестоких блюстителей. То, что они сделали, можно расценивать как самую высокую оценку, данную Вам»^[3]. Дебс заверял Фостера: «Как только я поправлюсь и мое здоровье достаточно окрепнет для того, чтобы вновь приняться за работу, я буду с Вами плечом к плечу, в Вашей борьбе за рабочий класс, за его свободу».

Протесты прогрессивной общественности заставили полицию освободить Фостера. Но полицейская охота за ним продолжалась.

В 1922 году 18 августа Фостер принял участие в подпольной конференции компартии в Брпджмепе (штат Мичиган), на которой обсуждались вопросы, связанные с предстоящим съездом Рабочей партии. Фостер покинул конференцию до ее окончания. Он спешил в Чикаго, где 26 августа открывался первый национальный конвент Лиги профсоюзной пропаганды. Между тем полиция нагрянула в дом, где проходила партийная конференция, и арестовала всех ее участников — 17 человек во главе с генеральным секретарем Чарлзом Рутенбергом.

26 августа, в день открытия конвента лиги в Чикаго, полиция арестовала Фостера и десять его товарищей. Им было предъявлено то же обвинение, что и ранее схваченным руководителям компартии. Всего было привлечено к суду 72 деятеля компартии. Было очевидно, что американские власти и стоявшие за их спиной капиталисты намеревались обезглавить наиболее передовой отряд рабочего движения, быстро набиравший силу, в момент, когда в стране происходили мощные классовые бои — бастовали полмиллиона шахтеров, 400 тысяч рабочих железнодорожных мастерских,

200 тысяч текстильщиков.

На этот раз власти надеялись на долгие годы упрятать Фостера в тюрьму вместе с другими руководителями компартии. По замыслу тогдашнего министра юстиции Гарри М. Догерти, Фостер, Рутенберг и их товарищи должны были предстать перед судом по обвинению в заговоре против правительства.

На защиту арестованных поднялась вся прогрессивная Америка. В борьбу за их освобождение включился влиятельный американский Союз охраны демократических свобод, Союз охраны прав рабочих, деятели Рабоче-фермерской партии и чикагского отделения АФТ. Они образовали Союз защиты обвиняемых, в который вошел также Юджин Дебс. В свою очередь, Рутенберг и Фостер создали Комитет обвиняемых, который из заключения повел энергичную кампанию за снятие с них ложных обвинений и за легализацию деятельности компартии.

В короткий срок было собрано несколько десятков тысяч долларов в фонд защиты обвиняемых, уплачен необходимый залог для выпуска их на поруки, наняты опытные адвокаты.

Власти решили сперва привлечь к суду Фостера и Рутенберга, причем каждого в отдельности. Их осуждение позволило бы легко расправиться с остальными обвиняемыми. Первым должен был предстать перед судом Фостер. Суд над ним начался 12 марта 1923 года в городе Сент-Джозефе, в штате Мичиган.

Судебный процесс был использован Фостером для пропаганды марксистско-ленинского учения и разоблачения действий правительства, стремившегося запугать обывателя грядущей большевистской революцией в Соединенных Штатах. Защита представила только двух свидетелей: самого Фостера и Рутенберга, которые изложили программу компартии, ее тактику и стратегию, не оставив камня на камне от обвинительного заключения.

Суд над Фостером длился около трех недель. Присяжные, которым надлежало установить виновность подсудимого, совещались без перерыва 31 час. Они голосовали 36 раз и каждый раз с одним и тем же результатом: шесть человек — за обвинительный, шесть — за оправдательный приговор. Суд был вынужден объявить Фостера невиновным.

Потерпев неудачу с Фостером, американские власти добились осуждения Рутенберга к заключению сроком до десяти лет. Но и этот приговор не был приведен в исполнение. Министр юстиции Догерти и тогдашний глава секретной службы Уильям Дж. Бернс, главные организаторы провокационных процессов против Фостера и Рутенберга,

оказались замешаны в нефтяных аферах и были вынуждены подать в отставку. В связи с этим рассмотрение дела Рутенберга высшими судебными инстанциями было приостановлено. Однако процессы над деятелями компартии, арестованными в 1922 году, тянулись одиннадцать лет и окончательно были прекращены только в 1933 году.

Власти, буржуазная печать, правые лидеры АФТ делали все возможное, чтобы дискредитировать американских коммунистов, воспрепятствовать созданию блока всех левых и прогрессивных сил, за который боролись коммунисты. Лидеры АФТ взяли курс на изгнание из профсоюзов сторонников Лиги профсоюзной пропаганды, которая в ходе забастовок 1922 года приобрела большой авторитет среди трудящихся. Гомперсу удалось путем различных маневров исключить активистов лиги из ведущих профсоюзов АФТ. Сам Фостер тоже был исключен из профсоюза железнодорожников за «неуплату взносов». Против Фостера пускалась в ход грубейшая клевета. Буржуазные писаки обвиняли его в том, что он якобы получает деньги из Москвы на «подрывную» работу и что якобы лично Лозовский, один из руководителей Профинтерна, нелегально прибыл в США, чтобы вручить ему 35 тысяч долларов. Клевета сопровождалась прямыми покушениями на жизнь Фостера. В сентябре 1923 года во время выступления Фостера на конференции Чикагской федерации труда наемный убийца трижды стрелял в него и только благодаря счастливой случайности не попал.

Капиталист: Послушай, ты отхватил одну шестую земного шара!

Рабочий: Да! И это только начало!

Художник Роберт Майнор. 1924 г.

В 1924 году была образована коалиция прогрессивных сил, выдвинувшая в качестве кандидата в президенты сенатора Роберта Ф. Лафоллета. Из этой коалиции, однако, были исключены коммунисты. Такая дискриминация вынудила коммунистов выдвинуть от Рабочей партии кандидатом на президентскую должность Уильяма З. Фостера. Раскольническая политика буржуазных «прогрессивных» деятелей привела к поражению их кандидата Лафоллетта на президентских выборах. Кандидатура Фостера носила символический характер и собрала незначительное число голосов. Президентом был избран ставленник Республиканской партии Кальвин Кулидж.

1924 год во многом стал знаменательным в жизни Фостера. Его избирают членом ЦК и Политбюро Коммунистической партии США, а на конгрессе Коминтерна в Москве — членом Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала. С 1928 года и до конца своей жизни Фостер — председатель Американской компартии. Столь же высокое положение он занимает и в Коминтерне: в 1928 году избирается кандидатом в члены Президиума, а в 1935 — членом Президиума ИККИ. На последнем посту он остается вплоть до роспуска Коминтерна в 1943 году.

Апологеты американского капитализма рисуют период 20-х годов в США как эпоху «просперити» — процветания и благоденствия, высоких заработков, отсутствия безработицы и социальных конфликтов. Действительность была далека от столь радужной картины.

Американский капитализм, пожиная плоды своего участия в мировой войне, превратился в 20-е годы в мирового ростовщика, захватил новые рынки, добился нового мощного рывка в промышленном развитии. В период президентства Кулиджа фабрики работали с полной нагрузкой, безработица пошла на убыль, американские товары наводняли мировой рынок. Послевоенный бум, пишет Фостер, как обычно бывает, создал среди буржуазии оптимистическое настроение — на сей раз в невиданных ранее масштабах.

Глашатаи империализма во все горло кричали, что в Соединенных Штатах возник «новый капитализм», свободный от циклических кризисов, и что отныне американская экономика будет быстро развиваться по

восходящей спирали. Они умалчивали о планах американского империализма подчинить своему влиянию весь мир, об оккупации ряда центрально-американских и карибских республик американскими войсками, о подавлении освободительного движения на Филиппинах, о потогонной системе на американских заводах, о дискриминации негров в США, об отсутствии в этой стране социального законодательства, охраняющего права рабочих, о беспросветной нужде сезонных рабочих и мелких фермеров, об огромных прибылях банков и монополий, о сверхэксплуатации негров и рабочих иностранного происхождения.

В 1920 году 13 миллионов лиц иностранного происхождения и 30 миллионов человек, родители которых были лицами иностранного происхождения, пишут Бойер и Морейс в книге «Нерассказанная история рабочего движения», выполняли самую тяжелую и плохо оплачиваемую работу в стране, особенно в угольной, сталелитейной, швейной, горнорудной промышленности, в строительстве, в торговле, на флоте и во всех отраслях обрабатывающей промышленности. И тем не менее миллионы коренных американцев считали их потенциальными шпионами, бомбометателями и саботажниками. Итальянцам, испанцам и всем смуглым выходцам из Южной Европы были даны презрительные клички. Поляков называли полячишками, немцев, голландцев и выходцев из скандинавских стран — квадратноголовыми, мексиканцев — мазницей, итальянцев — даго — бандюгами, всех иммигрантов-рабочих — болванами и олухами. Это было более чем странно, ибо каждый в Соединенных Штатах, если не считать индейцев, сам был либо иммигрантом, либо потомком иммигранта.

Так же как и негры, лица иностранного происхождения были, с одной стороны, лишены элементарных жизненных удобств, а с другой — их же презирали за то, что они этих удобств не имеют. В их жилищах не было водопровода, а их упрекали в том, что они не хотят купаться. Они были вынуждены жить в мрачных и полуразрушенных домах, а их обвиняли в беспомощности и неопрятности. Их лишали права голоса, а обвиняли в отсутствии интереса к общественным делам. Их заставляли жить в гетто, а в то же время упрекали в обособленности и сознательном антиамериканизме.

Поскольку большинство из них было простыми рабочими, утверждали, что у них отсутствуют умственные способности.

В течение многих лет канава считалась самым подходящим местом пребывания для ирландцев. Их не представляли иначе как за работой с лопатой в руках. Так же стали относиться впоследствии и к итальянцам.

А как обстояло дело с затуханием классовой борьбы в годы «просперити»? Капиталисты продолжали выжимать из своих рабочих семь потов, стремясь при этом снизить зарплату, лишить тех немногих прав, которые уже удалось отвоевать. Естественно, рабочие сопротивлялись.

В этой борьбе видное место занимала Лига профсоюзной пропаганды, руководимая Фостером.

На автомобильных заводах, железнодорожном транспорте, в торговом флоте, резиновой, сталелитейной, угольной, мясоконсервной, текстильной промышленности, среди механиков, печатников, швейников велась пропаганда за производственные профсоюзы, против расовой дискриминации. Члены лиги требовали ликвидации соперничающих между собой мелких цеховых организаций, разоблачали предателей интересов рабочих, гангстеризм и бюрократизм руководителей АФТ.

Лига, в рядах которой плодотворно сотрудничали коммунисты и синдикалисты, осуждавшие продажную политику руководства АФТ, в 20-х годах руководила многими крупными забастовками. Лига была в то время оплотом боевых профсоюзных активистов. Десятки тысяч рабочих сплывались вокруг нее, считая, что только лига может обеспечить им крайне необходимое повышение заработной платы, помочь в борьбе не только против предпринимателей, но и против гангстеров, наемников, полиции, которые пытались сорвать их борьбу за улучшение условий труда, поднимая хорошо известный крик: «Красные!»

В январе 1926 года в Пассейке (штат Нью-Джерси) объявили забастовку свыше 5 тысяч текстильщиков. Забастовка продолжалась 13 месяцев при активном участии лиги. Предприниматели потерпели поражение. Они вынуждены были отказаться от снижения заработной платы и признать право рабочих на профсоюзную деятельность.

По-боевому проходила и забастовка 10 тысяч меховщиков и швейников в Нью-Йорке в 1926 году. В первый же день, рассказывает американский историк Филип Фонер, на стачечников, организовавших демонстрацию, обрушилась полиция. Она избивала участников шествия — мужчин и женщин. Рабочие как могли оказывали сопротивление. Поскольку ряды бастующих продолжали двигаться вперед, полиция на автомашинах на головокругительной скорости врезалась в толпу. Однако стачечники не попятись назад. Прибывали все новые группы бастующих. Перед лицом этой непоколебимой силы полиция оказалась беспомощной. Наконец демонстранты прорвались вперед и победоносно двинулись к помещению забастовочного комитета. Во время этой демонстрации были избиты сотни бастующих, 100 мужчин и 25 женщин были арестованы.

17 недель длилась забастовка меховщиков и швейников. Она закончилась победой рабочих, вынудивших предпринимателей согласиться на сорокачасовую пятидневную рабочую неделю.

Продажная печать окрестила участников этих забастовок «агентами Москвы», обвинила их в подготовке заговора. Против бастующих были брошены отряды национальной гвардии, полиция, помощники шерифа, «вижилянты» из «Американского легиона». Они нападали на стачечников, избивали их, несколько раз пытались разгромить помещение профсоюза. Полицейские убили Эллу Мэй-Уиггин, многодетную мать, входившую в стачечный комитет. Семеро других руководителей забастовки были преданы суду и осуждены на длительные сроки тюремного заключения, некоторые на 20 лет.

Фостеру, руководителю и участнику стачечных боев, была органически чужда теория правых о затухании классовой борьбы. Он полностью разделял точку зрения Коминтерна, характеризовавшего промышленный и торговый бум, достигший своего апогея в США в середине 20-х годов, как всего лишь временную, частичную, гнилую стабилизацию капиталистической системы. Но в Американской компартии имелось правое течение, утверждавшее, что капитализм в США носит исключительный, особенный характер, что общие закономерности, свойственные капитализму в целом, к нему не относятся.

После смерти Рутенберга в 1927 году на посту исполнительного секретаря компартии оказался лидер правых Ловстон. В течение двух лет он фактически возглавлял партию, проводя ликвидаторскую политику. Фостер, поддерживаемый многими активистами, вел решительную борьбу против линии Ловстона. В партии образовались, по существу, две враждующие фракции — Ловстона и Фостера. В спор вмешался Коминтерн. Ошибки правых были осуждены VI конгрессом Коминтерна в 1928 году. Однако Ловстон продолжал вести фракционную борьбу. На VI съезде Компартии США в начале 1929 года он и его сторонники вновь получили большинство при избрании в руководящие партийные органы. Только после письма Исполкома Коминтерна, обращенного к членам КП США, в котором вновь разъяснялись ошибки правых и заключался призыв покончить с фракционностью, развернуть самокритику, усилить массовую работу и т. д., Национальный комитет исключил Ловстона и его сторонников из партии. В результате этих изменений Фостер был избран членом секретариата Центрального исполнительного комитета компартии.

Насколько оправданно было решение об исключении Ловстона и его сторонников, показала их последующая деятельность. Они превратились в

злейших врагов коммунизма, в злостных антисоветчиков: сотрудничали с полицейскими службами, выступали в качестве свидетелей обвинения, а точнее — провокаторов и осведомителей на антикоммунистических процессах. Подобную же эволюцию проделали и троцкисты, тоже претендовавшие на контроль партии и тоже исключенные из нее.

Хотя в 20-е годы фракционная борьба отнимала много сил и энергии у американских коммунистов и в целом их влияние было ограниченным, именно они возглавляли борьбу прогрессивных сил Соединенных Штатов не только за права рабочих, женщин, молодого поколения, но и за права угнетенного негритянского населения, решительно осуждая любой вид расовой дискриминации.

Коммунисты возглавляли борьбу за демократические свободы, за освобождение узников капитала, они боролись за жизнь рабочих Сакко и Ванцетти, осужденных на казнь за преступление, которого не совершили, коммунисты выступали против дискриминации иммигрантов, отстаивали интересы сельскохозяйственных рабочих, мелких и средних фермеров.

Члены компартии и их сторонники последовательно разоблачали империалистическую внешнюю политику правящих кругов США. Они осуждали вмешательство янки в дела Мексики, оккупацию американскими войсками Кубы, Никарагуа, Гаити, Доминиканской Республики. Они неуклонно боролись за признание Советского Союза, разоблачая политику окружения СССР, осуществлявшуюся западными капиталистическими державами при поддержке Соединенных Штатов, боролись с колониализмом, солидаризируясь с освободительной борьбой китайского, индийского, ирландского и других народов, поработанных империалистическими державами.

В своих выступлениях во время избирательной кампании 1928 года Фостер, выступая как кандидат в президенты от компартии, разоблачал не только жадность капиталистов, но и их близорукость, непонимание всей призрачности благополучия, основанного на свехутонченной эксплуатации трудящихся. Он предупреждал, что «просперити» не вечно, что оно закончится экономическим кризисом. Фостер агитировал трудящихся за единство в борьбе за свои права. Он рассказывал американскому народу правду о Советском Союзе, призывал к установлению с ним дипломатических и экономических отношений.

В 1928 году прогнозы и призывы Фостера казались гласом вопиющего в пустыне. Однако вскоре события показали, насколько был прав Фостер и коммунистическая партия, от имени которой он выступал.

Разумеется, не все американские коммунисты, в том числе сам Фостер,

во всем разбирались одинаково ясно. По некоторым вопросам они занимали сектантские позиции, отдельные явления видели упрощенно. Им не хватало опыта, глубоких теоретических знаний. И все же, несмотря на все свои недостатки и ошибки, именно они, американские коммунисты, а не их противники защищали подлинные интересы американского народа.

Нельзя не удивляться поистине неиссякаемой энергии Фостера и гигантскому объему работы, выполняемой им в эти годы. Руководитель Лиги профсоюзной пропаганды и многочисленных стачек, член руководства действовавшей в подполье компартии, трижды кандидат в президенты (он выдвигался на этот пост и в 1932 году), член исполкомов Коминтерна и Профинтерна, участник их конгрессов, неутомимый публицист. Он к тому же постоянно занимается самообразованием, изучает труды Маркса, Энгельса, Ленина, документы международного коммунистического движения, внимательно следит за успехами строительства социализма в СССР, за событиями в других странах. И читает, читает, читает, сожалея, что у него не хватает времени на освоение всей необходимой литературы. С такой энергией он работал всегда, если только не подводило здоровье.

Четверть столетия спустя Фостер писал в книге «Закат мирового капитализма»: «Моя деятельность в профсоюзном движении, в левом крыле социалистической партии и в рядах коммунистической партии приносила большую радость. Она давала возможность делать то, что ближе всего моему сердцу и уму, — бороться против реакционного капитализма, за прогрессивный социализм. С ранней молодости я всегда гордился тем, что я рабочий, и непосредственное участие в борьбе рабочего класса всегда приносило мне глубокое удовлетворение. Если бы я начал жизнь сначала, я избрал бы этот же путь, но, естественно, попытался бы избежать многих политических ошибок, которые допускал. Прежде всего, несмотря на всю перегруженность практической работой, я, несомненно, лучше организовал бы свое время, чтобы больше отдаваться чтению научной и исторической литературы, которую так люблю. К этому должна упорно стремиться молодежь, участвующая в профсоюзном и коммунистическом движении. Необходимо сочетать теорию с практикой, находить время для серьезного чтения, несмотря на самые неотложные требования повседневной борьбы».

«НОВЫЕ ВРЕМЕНА»

Повседневная жизнь миллионов людей в городах и на фермах протекает в условиях, признанных полстолетия назад недостойными цивилизованного общества... Я вижу, что одна треть нашего народа живет в плохих домах, плохо одета и плохо питается.

Франклин Д. Рузвельт, 1937 г.

В 1929 году американский капитализм, казалось, процветал как никогда в прошлом. Доходы миллиардеров достигали головокружительных цифр. Новый президент республиканец Герберт Гувер излучал оптимизм и веру в незыблемую прочность капиталистической системы. Профсоюзные боссы, правые социалисты, церковные проповедники, всякого рода ренегаты и перебежчики из коммунистической партии превозносили «исключительность» капиталистической системы, ее совершенство, демократизм. Об этом ежедневно трубили газеты, радио, кинокартины.

Паника, охватившая нью-йоркскую биржу 24 октября 1929 года, не

оставила камня на камне от этих радужных утверждений и прогнозов. Мечты о нескончаемой эре «просперити» были развеяны мгновенно. Более того, кризис, начавшийся в США, охватил всю капиталистическую систему — его губительные последствия сказались на жизни сотен миллионов трудящихся.

В Соединенных Штатах кризис сравнивали с землетрясением: лопнуло около 6 тысяч банков, многие фабриканты превратились в нищих, закрылись заводы, конторы, магазины. Среди обанкротившихся финансовых воротил прокатилась волна самоубийств. Производство угля упало на 41,7 процента, железа — на 79,4 процента, стали — на 76 процентов, автомобилей — на 80 процентов. Катастрофически понизились цены на сельскохозяйственные продукты, что больно ударило по фермерам. Кризис обошелся Соединенным Штатам в 300 миллиардов долларов, приблизительно столько, сколько было израсходовано на нужды второй мировой войны.

Больше всего пострадали в этот период трудящиеся массы. Число безработных достигло астрономической цифры — 17 миллионов человек. Толпы оборванных, грязных, голодных, без пристанища и работы людей слонялись по фешенебельным улицам американских городов в поисках еды, рылись в мусорных ямах, взывали о помощи, просили милостыню.

Капиталисты пытались выбраться из экономической катастрофы, переложив все ее тяготы на плечи рабочих, урезав им заработную плату на 45 процентов. Хуже всего приходилось рабочим-неграм. Их увольняли первыми, предоставляя наименьшую помощь, и подвергали дискриминации во многих других отношениях. Вслед за величайшим экономическим кризисом, так же как это было после первой мировой войны, страну захлестнула волна линчевания и расовых бесчинств, направленных против негров.

Такова была трагическая картина капиталистической Америки, хваленной утопии буржуазного мира, как заметил Фостер.

«Новые времена» — так саркастически назвал Чарли Чаплин свой знаменитый фильм, посвященный рядовому труженику — главной жертве экономического кризиса. Это на его голову обрушились все бедствия. И это его интересы, его жизнь и будущее защищал коммунист Уильям З. Фостер, развернувший в годы кризиса гигантскую работу по мобилизации трудящихся в защиту их прав и интересов.

В конце августа 1929 года, за два месяца до «черного дня», свергнувшего в панику и отчаяние властелинов Уолл-стрита, на четвертой национальной конференции Лиги профсоюзной пропаганды в Кливленде,

было решено преобразовать эту организацию в Лигу профсоюзного единства. Фостера избрали генеральным секретарем новой организации.

Лига призывала бороться против угрозы новой империалистической войны, в защиту Советского Союза, за привлечение в профсоюзы неорганизованных рабочих, за семичасовой рабочий день и пятидневную рабочую неделю, за социальное страхование, полное расовое, социальное и политическое равенство негров, за мировое профсоюзное единство.

В общей сложности к лиге примкнуло не более 100 тысяч рабочих, что представляло около 5 процентов членов АФТ. Но это были закаленные в классовых боях подлинные пролетарские бойцы, тесно связанные с трудящейся массой.

В период кризиса лига вместе с Американской компартией были единственными, по существу, организациями, отстаивающими интересы рабочего класса.

Лидеры АФТ не только не защищали интересы рабочих в эти суровые годы, но всемерно помогали предпринимателям выпутаться из кризисной ситуации за счет трудящихся. Уильям Грин, возглавлявший АФТ после смерти Гомперса в 1924 году, и другие профсоюзные боссы одобрили снижение зарплаты рабочим, призывая их сотрудничать с капиталистами, проявлять «терпение» и «понимание», повторяя вслед за президентом Гувером, что «перемены к лучшему за углом». Они категорически возражали против забастовок. Они с возмущением отвергали требования предоставить субсидии безработным, утверждая, что это «унизило бы достоинство американского рабочего» и послужило бы «препятствием к подлинному прогрессу». Действуя в угоду капиталистам, лидеры АФТ обратили всю свою энергию на преследование коммунистов и активистов Лиги профсоюзного единства. Особую ненависть вызывал у них Фостер.

По инициативе лиги был создан Национальный совет безработных (НСБ) во главе с Фостером. В демонстрациях, маршах, митингах, организованных НСБ, участвовали сотни тысяч рабочих.

И на этот раз правительство, следуя установившейся «традиции», пыталось силой, а точнее насилием, решить социальный вопрос в Штатах. Полиция, армия, ФБР, куклуксклановцы — все черные силы страны были брошены на подавление движения безработных. И вновь мостовые американских городов обильно поливались рабочей кровью, тюрьмы наполнялись «мятежниками», суды работали с полной нагрузкой, наказывая людей, единственным преступлением которых было то, что они требовали хлеба и работы.

Во многих штатах лига была объявлена нелегальной организацией. Ее

активистов избивали, сажали в тюрьмы, привлекали к суду, выгоняли с работы, высылали из страны. С сентября 1929 года по март 1933 года 23 активиста лиги были убиты в столкновениях с полицией, сотни оказались в заключении. Именно тогда в палате представителей была создана первая комиссия по расследованию антиамериканской деятельности, превратившаяся в своего рода инквизиционный трибунал по преследованию прогрессивных и рабочих деятелей.

6 марта 1930 года в связи с проведением при поддержке компартии и лиги Международного дня борьбы против безработицы на улицы крупнейших городов — Чикаго, Детройта, Лос-Анджелеса, Сан-Франциско — вышло более миллиона человек. Такого еще не случалось в истории Соединенных Штатов.

В Нью-Йорке более чем стотысячную демонстрацию вместе с другими руководителями Национального совета безработных возглавил Фостер. Демонстранты требовали работы, социального страхования, прекращения полицейских репрессий, обеспечения всеобщего мира, защиты Советского Союза от угрозы интервенции. Накануне один из лидеров АФТ, Мэттью Уолл, намереваясь сорвать демонстрацию, публично заявил, что Фостер получил из Москвы 2 миллиона долларов на ее организацию.

Нью-йоркские власти направили на улицы города 25 тысяч пожарных и вооруженных всеми видами оружия, включая пулеметы, полицейских. Конные полицейские врываются в колонны демонстрантов, избивали их, бросали слезоточивые бомбы. Разыгрались подлинные сражения между полицией и безработными. Сотни людей были сбиты с ног ударами кастетов и дубинок, десятки затоптаны полицейскими лошадьми. Обезумевшие от ярости и ненависти к безработным, которых они называли коммунистами, полицейские не щадили ни женщин, ни юношей, ни пожилых людей.

Корреспондент «Нью-Йорк уорлд» так описывал эту кровавую расправу:

«...Женщин били по лицу кастетами, а на юношей набрасывались, избивая их, по шесть-семь полицейских; одного старика загнали в узкий проход и колотили дубинками и кулаками, они сбивали его с ног, поднимали и снова били.

...Детективы, некоторые с репортерскими карточками за лентой шляпы, многие без полицейских значков, носились как бешеные в толпе и с криками избивали всякого, кто казался им похожим на коммуниста.

...Мужчин, по лицам которых струилась кровь, тащили во временную штаб-квартиру полиции и там бросали до прибытия тюремных машин».

Среди первых арестованных полицией были Фостер и трое других руководителей НСБ. Их немедленно отправили в тюрьму, предъявив обвинение в сопротивлении властям, организации незаконной демонстрации и подрывной деятельности. Все четверо скоропалительно были осуждены на три года тюремного заключения.

Пока шла борьба за их освобождение, Фостера переводили из одной тюрьмы в другую. Это позволило ему ознакомиться с господствовавшими там порядками, которые он описал потом в книге «Страницы из жизни рабочего». Основной контингент заключенных в нью-йоркских тюрьмах состоял в то время из рабочего люда, среди которых преобладали негры и пуэрториканцы. За мелкие нарушения они получали максимальные сроки, в полицейских участках их подвергали избиениям и оскорблениям, а в тюрьме за малейшее неповиновение, жалобу, протест сажали в карцер, лишали пищи. В то же самое время крупные аферисты, казнокрады и гангстеры пользовались и за решеткой всяческими привилегиями. Их содержали в отдельных камерах, они получали изысканную пищу из ресторанов, в их распоряжении имелись даже холодильники, они потребляли спиртные напитки, принимали женщин, их отпускали в город, за взятки они добивались досрочного освобождения. Рядовых же заключенных кормили гнилым мясом и другими отбросами, которые уважающий себя фермер постыдился бы дать своим свиньям. Тюрьмы были перенаселены. В камерах кишели насекомые и крысы. Среди заключенных были широко распространены туберкулез и прочие социальные болезни. Часты были случаи умопомешательства и самоубийства.

Нью-йоркские тюрьмы входили в систему исправительного департамента городского муниципалитета. Однако никакой «исправительной» работы среди осужденных не велось. Их ничему не учили, если не говорить о воровском ремесле, ибо, кроме измывавшихся над ними охранников, все они находились во власти гангстерских банд, свободно орудовавших в камерах. Те же немногие заключенные, которые работали в *тюремных* мастерских, никакого вознаграждения за свой труд не получали.

В тюрьмах, по свидетельству Фостера, всю торговали наркотиками. Причем их поставляли сами тюремщики, получая огромные доходы. Среди заключенных были распространены половые извращения. Легко вообразить, какая участь ожидала молодых нарушителей, попавших впервые в американскую тюрьму.

В этих поистине каторжных условиях Фостеру пришлось отсидеть

шесть месяцев. Как и в прошлом, он смог покинуть тюрьму задолго до окончания срока благодаря протестам передовой общественности в США и других странах.

На свободе Фостер немедленно возвращается к политической деятельности. Он участвует в организации первого национального похода безработных на Вашингтон в декабре 1931 года, в подготовке и проведении забастовки шахтеров, охватившей 42 тысячи рабочих и продолжавшейся с 27 мая по 18 августа 1931 года, в забастовках текстильщиков, швейников, рабочих автомобильных заводов, сталелитейщиков, моряков.

В годы кризиса классовые бои приняли широкий размах в Соединенных Штатах. Если в 1930 году в стране бастовало 183 тысячи рабочих, то в 1932-м их число выросло до 342. Заметно увеличилось за эти годы и число членов Лиги профсоюзного единства — с 70 тысяч в 1929 году до 125 тысяч в 1933 году, в то время как количество членов АФТ за этот же период уменьшилось на 800 тысяч человек.

В 1933 году в Соединенных Штатах происходили очередные президентские выборы. Республиканская партия вновь выдвинула кандидатуру Гувера. Демократическая — Франклина Рузвельта, коммунистическая партия в третий раз предложила кандидатуру Фостера, а на пост вице-президента — негра Джеймса Форда.

Хотя здоровье Фостера сильно ухудшилось после шестимесячного пребывания в нью-йоркских тюрьмах, он с обычной для него энергией и целеустремленностью включился в нелегкую избирательную кампанию. Он колесил по всей стране на поездах, самолетах, автобусах, автомобилях. Выступал в рабочих поселках, перед фермерами, шахтерами, студентами, женщинами. Посещал негритянские гетто. Давал интервью журналистам, писал статьи, выступал по радио, преодолевая массу препятствий. Компартия не располагала, подобно буржуазным группировкам, неограниченными фондами для ведения предвыборной кампании. Ее кандидаты останавливались в дешевых отелях или на квартирах своих единомышленников. Над ними, как всегда, висел дамоклов меч полицейских преследований. Им угрожали провокаторы, сыщики, а часто просто наемные убийцы. Но Фостера не пугали ни трудности, ни опасности избирательной борьбы.

В выступлениях во время избирательной кампании 1932 года Фостер требовал введения социального страхования по безработице за счет государства и предпринимателей, осуждал сокращение заработной платы, расовую дискриминацию и сегрегацию, полицейский террор, направленный против рабочих. Он призывал к освобождению узников

капитала, в частности Тома Муни, который все еще томился в тюрьме Сан-Квентин в Калифорнии.

Много внимания уделял Фостер международным вопросам. В Германии к власти рвался Гитлер. Тучи войны сгущались над Европой. На Дальнем Востоке милитаристская Япония пыталась поработить Китай. Фостер призывал обуздать империалистов, не допустить новой мировой войны.

Рабочий кандидат в президенты рассказывал американскому народу правду о Советском Союзе, о мирном строительстве, о первой пятилетке, о плановом хозяйстве в нашей стране. «В то время как мировой капитализм, — говорил Фостер, — беспомощно барахтается, неся горе и обнищание многим и многим миллионам людей, новая социалистическая система в Советском Союзе бурно и небывалыми темпами развивает промышленность и сельское хозяйство. В период 1929–1932 годов СССР выполнил свой первый пятилетний план, опубликование которого вызвало в свое время презрительные насмешки буржуазных и социал-демократических экономистов. Они говорили, что якобы большевики решили развлечь мир еще одним гигантским пропагандистским трюком! Но на эти оскорбления русские рабочие ответили выполнением своего великого плана в четыре года».

Самой большой помехой на пути социализма в Советском Союзе с первых дней его существования и до настоящего времени служит то обстоятельство, отмечал Фостер, что присущее мировому капитализму стремление к войнам вынуждает СССР использовать в целях самообороны усилия своего народа для создания мощной военной организации, чуждой природе социализма.

Фостер требовал от правящих кругов США установления дипломатических и экономических отношений с Советским Союзом и сотрудничества с ним в деле укрепления мира во всем мире.

Участие в избирательной кампании требовало огромного напряжения сил. Фостер часто забывал о сне, еде, отдыхе. Хотя ему был всего 51 год, но он уже более 40 лет трудился без устали, много раз подвергался преследованиям, сидел в тюрьме. Все это не могло не подорвать его здоровья. В разгар избирательной кампании, в поезде по дороге в Чикаго, Фостера сразил инфаркт. Шесть месяцев он находился на волосок от смерти. С большим трудом врачам удалось поставить его на ноги, но они потребовали до полного выздоровления забыть о политике.

Около трех лет Фостер был лишен возможности заниматься любимым делом — участвовать в партийной работе, в борьбе рабочего класса. Но он

не бездействовал эти годы. Он много читал и по мере улучшения здоровья писал, а точнее — диктовал жене. Из материалов, записанных Эстер во время его болезни, получились две книги, воспоминаний: «От Брайана к Сталину» и «Страницы из жизни рабочего».

Воспоминания деятелей международного коммунистического движения — особый род мемуарной литературы. Они, как правило, не содержат интимных подробностей, в них нет места описанию душевных драм, отсутствует семейная хроника. Авторы говорят не столько о себе, сколько о событиях, участниками которых им довелось быть, о людях, с которыми им приходилось работать, встречаться, бороться.

Воспоминания Уильяма Фостера не представляют исключения из общего правила. Говоря о себе, он чрезвычайно скуп на подробности. Только описывая свои детские и юношеские годы, морские скитания, он выступает со страниц воспоминаний в роли главного действующего лица. С началом же его политической деятельности главной, действующей силой становится рабочее, коммунистическое движение, которому он всецело, без остатка отдавал самого себя. Тут личное почти исчезает, уступая место общественному. Так, о своем инфаркте, выбившем его из колеи почти на три года, Фостер даже не находит нужным упомянуть в воспоминаниях. Он считает, что эта его личная драма не заслуживает внимания читателей.

Он нежно любил жену, своих пасынков и дочь, которую ему подарила Эстер, был добрым мужем и заботливым отцом, но прежде и превыше всего он считал себя борцом за интересы американских трудящихся.

Взгляды и понятия Фостера невозможно совместить с достаточно широко бытующим в США представлением о счастье, единственным мерилom которого является доллар, чековая книжка, материальное благосостояние, достигаемые любой ценой. С таким пониманием счастья жизнь Фостера, разумеется, не имеет ничего общего. Но' ведь такой идеал никогда не был эталоном для всех американцев. История Соединенных Штатов — это не только история удачливых бизнесменов, ненасытных миллионеров, рабочих боссов, предавших дело своего класса, жирных лавочников и наглых барменов, гангстеров и продажных политиканов, для которых доллар — высшее божество. Соединенные Штаты знают других людей — великих бессребреников-идеалистов, борцов за социальную справедливость, свободу, равенство, братство, дружбу между народами, социализм. Это и Томас Пейн, и Джон Браун, и Авраам Линкольн, и хеймаркетские мученики, Джо Хилл, Сакко и Ванцетти и тысячи, тысячи других демократов, утопистов, социалистов, уоббли, коммунистов, борцов

против расовой сегрегации и империалистических войн, забастовщиков, участников маршей протеста против различного рода агрессий, интервенций, прошедших через полицейские участки, тюрьмы, погибших на электрическом стуле или от полицейских дубинок и пуль стражей порядка. У этих американцев мерилом ценностей был не доллар, а долг по отношению к униженным и оскорбленным. Именно эту, другую Америку представлял Фостер.

Вернемся, однако, к выборам 1932 года. Они закончились впечатляющей победой Франклина Рузвельта. Фостер, вынужденный из-за инфаркта прервать свою избирательную кампанию, получил свыше 100 тысяч голосов — почти вдвое больше, чем на выборах 1928 года. Эти голоса далеко не соответствовали реальному влиянию компартии. Ведь всем было понятно, что кандидатура Фостера не имела шансов на успех, что рассчитывать на его избрание в президенты не следовало. Учитывая это, многие рабочие, разделявшие программные установки компартии, отдали свои голоса Рузвельту, который по сравнению с Гувером многим казался более прогрессивным.

Действительно, Рузвельт в отличие от своего предшественника на президентском посту, стоявшего на позициях невмешательства в дела бизнеса и упрямо твердившего, что «просперити за углом» и вот-вот вернется во всем своем прежнем великолепии, обещал, правда в осторожной форме, помощь безработным и фермерам, социальное страхование и другие реформы. Свою программу Рузвельт назвал «новым курсом». Выборы происходили в условиях растущего в стране социального напряжения. 17 миллионов безработных угрожали самому существованию американского капитализма. Капиталисты были напуганы зловещим для них призраком социальной революции, порожденным кризисом 1929 года. Многие из них, подобно Рузвельту, считали, что настало время выпустить пар из котла, прежде чем произойдет взрыв. Они поддерживали Рузвельта в надежде, что его программа может принести им спасение.

Рузвельт находился у власти 12 лет — с 1933 по 1945 год. С его именем связаны реформы «нового курса», в том числе введение социального страхования и признание права рабочих на профсоюзную деятельность. Рузвельт был инициатором «политики доброго соседа», которой он пытался заменить традиционную для американского империализма политику «большой дубинки» в Латинской Америке, не меняя, по существу, ее содержания. Рузвельт представлял Соединенные Штаты в антифашистской коалиции в период второй мировой войны.

Фостер считал, что одним из наиболее смелых шагов Рузвельта в

области международных отношений было установление в ноябре 1933 года дипломатических отношений с Советским Союзом. Фостер расценивал этот шаг Рузвельта как резкий отход от надменной политики непризнания и экономического бойкота, проводившейся его предшественниками — президентами Гувером, Кулиджем, Гардинтом и Вильсоном. В числе основных факторов, обусловивших эти изменения во внешней политике США, были знаменательные успехи Советского Союза в осуществлении первого пятилетнего плана. Крупный американский капитал, остро нуждавшийся в иностранных заказах, учел возможность расширения торговли с быстро растущим в экономическом отношении Советским Союзом.

Политика «нового курса» нашла поддержку в широких кругах рабочих, фермеров, негров, молодежи, людей свободных профессий, мелких предпринимателей и других демократически настроенных групп населения. Ее поддержали и многие дальновидные капиталисты, которые видели в реформистском курсе Рузвельта не только уступки трудящимся, но также и стремление укрепить, модернизировать капиталистическую систему в Соединенных Штатах, создать ей определенные преимущества по сравнению с другими странами.

«Новый курс» Рузвельта был направлен на укрепление капитализма, обеспечение максимальных выгод крупных монополий и превращение Соединенных Штатов в ведущую империалистическую державу. Однако социальная политика президента, его неприязненное отношение к фашистским режимам и стремление наладить нормальные отношения с Советским Союзом объединили против него все ультраправые и реакционные силы страны. Для них Рузвельт на протяжении всех лет его нахождения у власти являлся олицетворением зла, «красным», чуть ли не коммунистом. Реакционеры обвиняли его в том, что он стремился «большевизировать» США. Против Рузвельта выступали всякого рода расисты — куклуксклановцы, фашисты и прочие поклонники Гитлера и Муссолини, сторонники традиционного для США «невмешательства» государства в дела бизнеса, ненавистники рабочего движения, разномастные антикоммунисты и антисоветчики, реакционные церковники. Они выступали за подавление силой, вплоть до применения оружия против забастовщиков, требовали линчевания негров, запрета компартии и разрыва отношений с Советским Союзом.

О влиянии этих ультрареакционных сил в период администрации Рузвельта можно судить по мрачной статистике линчеванных негров и репрессированных участников забастовочных движений. Только за 1936–

1937 годы в США подверглись линчеванию 16 негров, с 1933 по 1941 год было убито во время забастовок 42 рабочих, 18 тысяч рабочих брошены в тюрьмы, в 39 случаях против забастовщиков использовались войска.

И все же сломить американских рабочих, боровшихся за улучшение условий труда и справедливую зарплату, реакционерам не удалось. Это был период, пишет Фостер, крупных рабочих стачек, как местных, так и общенациональных забастовок, широких кампаний по вовлечению в профсоюзы новых членов. В недрах АФТ возник Конгресс производственных профсоюзов — КПП — новое профсоюзное объединение, отстаивавшее более последовательно и решительно интересы рабочих, чем федерация, созданная Гомперсом.

В результате борьбы рабочих, объединенных в рядах КПП, в большинстве основных отраслей промышленности — сталелитейной, автомобильной, морского транспорта, лесной, электрической, резиновой, химической, горнорудной, а также в значительной мере в угольной и текстильной и на железнодорожном транспорте — в профсоюзы было вовлечено 7 миллионов 350 тысяч новых членов, а общее число членов профсоюзов возросло до 10 миллионов 500 тысяч в 1941 году. В ходе широкой экономической борьбы прогрессивные силы добились значительных успехов. Они способствовали сближению негров и белых рабочих; организовали профсоюзы в трестированных отраслях промышленности и нанесли удар политике «открытых цехов» — найма и увольнения рабочих помимо профсоюзов, — которую капиталисты во имя «свободного» предпринимательства, якобы неотъемлемого атрибута «американского образа жизни», отстаивали на протяжении многих десятилетий при помощи полицейских дубинок и пуль.

Прогрессивные силы в этот период добились ослабления предпринимательских организаций шпионажа и вооруженного террора на предприятиях; сорвали организацию компанийских профсоюзов, нанесли удар практике использования предпринимателями судебных запрещений при трудовых конфликтах. Кроме того, они способствовали проведению первых законов по социальному страхованию, приобрели опыт политической борьбы, добились переизбрания Рузвельта президентом на выборах в 1936, 1940 и 1944 годах.

Важную роль в достижении этих побед сыграла коммунистическая партия и лично Фостер, как один из ее лидеров и как руководитель Лиги профсоюзного единства. В 1935 году здоровье Фостера окрепло. Он принимает участие в историческом VII конгрессе Коминтерна, провозгласившем линию «народного фронта», осуществление которой

должно было преградить путь фашизму, захватившему власть в Италии, Германии и ряде других стран и помышлявшему о мировом господстве. На этом конгрессе Фостер был избран членом президиума Исполнительного комитета Коминтерна — ИККИ.

Проведение в жизнь политики «народного фронта» позволило Компартии США преодолеть сектантские пережитки и стать важным фактором в рабочем и общественном движении в период пребывания Рузвельта в Белом доме. В марте 1935 года, пишет Фостер в «Очерках мирового профсоюзного движения», в соответствии с генеральной линией Профинтерна, направленной на достижение единства, Профсоюзная лига единства, насчитывавшая в своих рядах по меньшей мере 100 тысяч членов, не спрашивая разрешения Грина — реакционного босса АФТ, влилась в профсоюзы этой федерации. Члены лиги с их опытом и боевыми традициями сыграли в Конгрессе производственных профсоюзов решающую роль в больших организационных кампаниях и последовавших за этим забастовках. Коммунистическая партия, связанная тысячами нитей с рабочими ключевых отраслей трестированной промышленности, полностью поддержала эту важнейшую кампанию. Сторонники лидеров КПП Льюиса и Хилмана, выступившие против гриновских бюрократов, приветствовали энергичную поддержку со стороны коммунистов. Мощный рост рядов Конгресса производственных профсоюзов означал решительный отпор угрозе фашизма в Соединенных Штатах.

Фостер всемерно помогал укреплению подлинно классового профсоюзного движения, сплачивал ряды коммунистической партии, авторитет которой в массах значительно возрос в 30-е годы. В 1938 году она насчитывала около 75 тысяч членов. Много сил отдавал Фостер негритянскому и молодежному движению, разоблачению фашизма, помощи республиканской Испании, где в 1936 году фашисты развязали кровавую гражданскую войну. 3 тысячи американских добровольцев сражались в Испании в рядах батальонов имени Линкольна и Вашингтона, входивших в интернациональные бригады.

Все эти годы Фостер неустанно пропагандировал опыт социалистического строительства в Советском Союзе. Он рассказывал американским трудящимся о первых пятилетках, о коллективизации, о национальной политике Советского правительства, защищал Советский Союз от клеветы, которая фабриковалась реакционной печатью и ультраправыми, профашистскими организациями. Он призывал американское правительство поддержать советскую политику коллективной безопасности, направленную на сдерживание фашистских

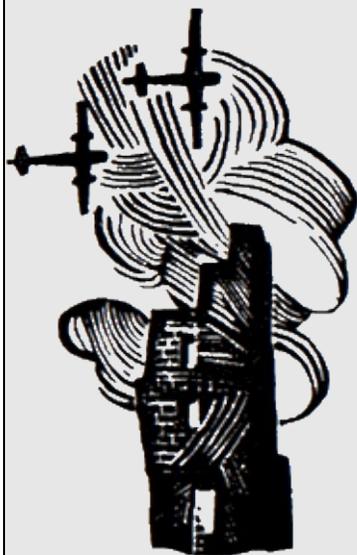
агрессоров.

Фостер так заканчивал изданную в 1937 году свою автобиографическую книгу «От Брайана к Сталину»: «Трудящиеся желают мира. Они хотят добиться неизбежного перехода от капитализма к социализму путем нормального демократического процесса. Они знают, что образуют большинство народа и могли бы победить, если бы закон большинства соблюдался. Они ненавидят и не желают войны со всеми ее ужасами и миллионами убитых, с народами, пришедшими в упадок, с разрушенными городами и поверженной промышленностью. Они знают, что больше всего потерпят от войны они и их семьи. Поэтому, вдохновляемые примером Советского Союза, они неустанно борются за предотвращение войны, подготовляемой фашистами. В условиях существующего соотношения сил может случиться так, что фашисты, захватившие власть во многих странах, добьются своего и вступят на кровавый путь войны. Несмотря на массовое сопротивление, фашисты стремятся толкнуть мир в пучину убийств и разрушения, что угрожает цивилизации возвратом к варварству. На их головы, таким образом, падает тяжелая ответственность. Война не поможет им спасти капитализм и история сурово накажет их за все их чудовищные преступления».

В начале 1939 года фашисты одержали победу над сторонниками республики в Испании. При попустительстве Англии и Франции гитлеровская Германия захватила сперва Австрию, а потом Чехословакию. Гитлер нацелился на Польшу. Предложения Советского Союза о создании антигитлеровской коалиции были отвергнуты тогдашними английскими и французскими правителями. Ослепленные антикоммунизмом, они потворствовали бредовым планам Гитлера завоевать «жизненное пространство» на Востоке, надеясь втайне, что фашистские полчища сотрут с карты столь же ненавистный для них, как и для фюрера, Союз Советских Социалистических Республик. На Дальнем Востоке милитаристская Япония продолжала завоевание огнем и мечом Китая.

Черные тучи войны сгустились над миром...

СМЕРТЕЛЬНАЯ СХВАТКА

Непрерывные выдающиеся победы Красной Армии вместе с развернутыми усилиями вооруженных сил Объединенных Наций на юге и на западе обеспечивают быстрое достижение нашей общей цели — мира во всем мире, опирающегося на взаимопонимание и сотрудничество.

Франклин Д. Рузвельт,

23 февраля 1945 года,

1 сентября 1939 года Гитлер напал на Польшу. Началась вторая мировая война.

Коммунисты всего мира на протяжении многих лет предупреждали, что фашизм означает войну, что Гитлер и его сообщники, если не обуздать их, развяжут новую мировую бойню. Коммунисты призывали противников войны и фашизма сплотиться в народный фронт, преградить путь

«коричневой чуме», обуздать зарвавшихся агрессоров.

Последовательную антифашистскую внешнюю политику, основанную на принципах коллективной безопасности, проводило Советское правительство. Оно многократно публично и через дипломатические каналы обращалось к правительствам стран, которым угрожал Гитлер, с предложениями образовать антифашистскую коалицию, предпринять конкретные меры против агрессора. Но эти усилия Советского Союза не встречали поддержки в правящих кругах так называемых демократических государств. Более того, предвоенные лидеры Франции, Англии и их союзники в других странах раболепствовали перед Гитлером и Муссолини, «умиротворяли» их все новыми и новыми уступками.

Почему так заискивали и раболепствовали перед Гитлером капиталисты Запада? Потому что, отравленные антикоммунизмом, они втайне надеялись направить тевтонскую военную машину на восток, против Советского Союза, существование которого они считали для себя большей опасностью, чем фашистская Германия. С этой же целью они умиротворяли на востоке милитаристскую Японию в надежде, что и она в конечном счете набросится на СССР. Советский Союз знал это и все же продолжал настойчиво убеждать правительства Англии и Франции в необходимости создания антифашистского фронта. Маневрируя и скрывая от общественного мнения свои подлинные намерения, Англия и Франция приняли в 1939 году предложение Советского правительства вступить в переговоры о заключении военного соглашения. Однако эти переговоры ни к чему не привели. Правительства Англии и Франции «забыли» снабдить своих делегатов полномочиями для заключения какого-либо соглашения с СССР. Убедившись, что ему ничто не угрожает со стороны Англии и Франции, Гитлер ринулся на очередную свою жертву — Польшу.

Какую же позицию занимали Соединенные Штаты по отношению к разгоравшейся в Европе войне? Американские правящие круги потворствовали политике умиротворения. Они выступали за «разумный» компромисс с Гитлером, Муссолини и милитаристской Японией. С началом войны они все больше склонялись к поддержке Англии и Франции, оказывая, в особенности первой, всевозрастающую помощь оружием и кредитами, и взамен прибирали к своим рукам их владения в западном полушарии путем создания там своих военных баз.

Положение американских коммунистов в этот период было особенно сложным и трудным. В течение многих лет они боролись за создание антифашистской коалиции, разоблачали сторонников политики умиротворения агрессора, предупреждали, что Гитлер свергнет

человечество в войну.

Теперь, когда разразилась война и западные правительства, вместо того чтобы всерьез сразиться с Гитлером, все еще надеялись повернуть его адскую военную машину на восток, коммунисты не могли разделить таких задач войны, не предавая интересов рабочего класса, всего прогрессивного человечества. «В этой войне повинны все капиталистические правительства и в первую очередь правящие классы воюющих государств, — говорилось в воззвании Коммунистического Интернационала, опубликованном в октябре 1939 года. — Рабочий класс такую войну поддержать не может».

Американские коммунисты во главе с Фостером разделяли эту точку зрения. Они объясняли рабочим Америки подлинный смысл заключенного Советским Союзом с Германией пакта о ненападении как вынужденного шага из-за отказа Англии и Франции образовать с СССР антифашистскую коалицию, шага, который давал первому и тогда единственному в мире социалистическому государству передышку, необходимую для укрепления его обороноспособности. Американские коммунисты поддержали также Советский Союз в его конфликте с Финляндией, вступившей в сговор с Гитлером и угрожавшей безопасности Ленинграда.

Эта позиция Компартии США вызвала против нее дикую травлю со стороны правящих кругов и весьма влиятельных ультраправых профашистских элементов, открыто выступавших в поддержку нацистской Германии. Они обвиняли коммунистов в предательстве национальных интересов США, в «слепом подчинении Кремлю», в подготовке заговора против американской демократии. Они требовали суровой расправы с коммунистами, запрещения их партии, заключения в тюрьму их руководителей.

С начала войны и на протяжении 1940 года на Компартию США обрушился ряд суровых репрессий, цель которых была ослабить ее влияние и внести разлад в ряды коммунистов. В октябре — ноябре 1939 года ряд руководителей компартии, включая тогдашнего генерального секретаря Эрла Браудера, заключили в тюрьму под предлогом нарушения правил паспортного режима. Уильям Шнейдерман, руководитель партийной организации в Калифорнии, проживавший в США с двухлетнего возраста, был лишен американского гражданства. Кандидат компартии на пост губернатора Западной Вирджинии Оскар Уилер был осужден на 15 лет тюрьмы за якобы незаконный сбор подписей под партийной петицией. В том же штате два коммуниста получили 10-летние тюремные сроки за то, что они будто бы нарушили местные законы.

В июне 1940 года конгресс принял так называемый закон Смита, каравший длительным тюремным заключением всякого, кто призывал к свержению правительства Соединенных Штатов. Хотя компартия в законе не упоминалась, но подразумевалось, что закон Смита направлен именно против ее членов. В действительности так и оказалось. По этому закону 3 миллиона 600 тысяч жителей иностранного происхождения подверглись позорной процедуре снятия отпечатков пальцев. В октябре того же года был принят закон Вуриса, запрещающий компартии под угрозой всякого рода репрессий какую-либо связь с иностранными международными организациями. В этот период Компартия США была вынуждена выйти из Коминтерна и членство в партии было ограничено только гражданами США. Весной 1940 года Гитлер положил конец «странной» войне на Западном фронте. Его войска оккупировали Данию и Норвегию, потом разгромили «непобедимую» французскую армию, вывели из строя Голландию и Бельгию и сбросили английскую армию в море у Дюнкерка. Гитлеровцы стали хозяевами всей Европы от Ла-Манша до советских границ. Такова была цена, которую пришлось заплатить правителям стран — жертвам нацистской агрессии — за их патологический антисоветизм: их кумир — Гитлер, с которым они вовсе не собирались всерьез воевать, прежде чем ринуться на Советский Союз, повергнул в прах их самих.

Теперь только Советский Союз мог спасти Европу от фашистской чумы. Нападение Гитлера на нашу страну вызвало в США далеко не однородную реакцию. В одной из своих книг Фостер отмечает, что подавляющее большинство американского народа с явным одобрением относилось к военному сотрудничеству с СССР. Президент Рузвельт также разделял эту точку зрения. Но влиятельные реакционные круги монополистического капитала не желали примириться с идеей создания антифашистской коалиции, они надеялись, что Германия и Советский Союз до предела измотают друг друга в войне, в результате Соединенные Штаты станут вершить судьбами послевоенного мира. Точку зрения этих кругов цинично сформулировал тогдашний сенатор, впоследствии президент, Гарри С. Трумэн: «Если мы увидим, что побеждает Германия, нам следует помогать России, и если побеждает Россия, нам следует помогать Германии». Но этим коварным планам не суждено было осуществиться. 7 декабря 1941 года Япония напала на США, а 11 декабря Германия и Италия объявили им войну. В этих условиях решающая роль героической Красной Армии стала особенно очевидной для всего мира.

Американское правительство отдавало себе отчет в этом и взяло курс на тесное сотрудничество с Советским Союзом, который с невиданным

доселе упорством и героизмом сдерживал натиск гитлеровских полчищ, вторгнувшихся на его территорию.

Американские коммунисты единодушно и неумолимо выступали за мобилизацию всех ресурсов страны на войну с фашизмом. Свыше 15 тысяч коммунистов вступили добровольцами в армию, храбро сражались на разных фронтах. Многие из них были награждены за военные подвиги, многие погибли.

Фостер и другие деятели компартии призывали рабочих внести свой вклад в борьбу с фашизмом, увеличивать производство вооружения, всего необходимого для успешного ведения войны. Следует сказать, что рабочий класс Америки трудился во время войны с максимальным напряжением и внес не меньший, а, может быть, даже больший вклад в победу, чем американская армия.

Мужество и стойкость, проявленные советским народом в борьбе с нацистскими полчищами, великие победы Красной Армии над гитлеровским вермахтом вдохновляли американских трудящихся, вызывали огромный энтузиазм среди широких масс американского народа. Это в особенности проявилось по отношению к исторической Сталинградской битве и к победоносному изгнанию фашистов за пределы нашей Родины. Заголовки американских газет сообщали о следовавших одна за другой победах советских войск. В то время авторитет Советского Союза в Соединенных Штатах сильно вырос. Даже наиболее консервативные элементы были поражены потрясающими успехами Красной Армии, которую они ранее считали «колоссом на глиняных ногах». После сталинградского триумфа ультраконсервативный генерал Макартур признавал: «В настоящее время мировая обстановка указывает на то, что надежда цивилизации покоится на достойных знаменах мужественной русской армии. За свою жизнь я был участником нескольких войн и свидетелем других, а также детально изучал военные походы выдающихся военных руководителей прошлого. И нигде я не видел, чтобы самым тяжелым ударам не знавшего ранее поражения врага было оказано столь действенное сопротивление, за которым последовало разгромное контрнаступление, отбросившее врага назад на его собственную территорию. Масштабы и величие этих усилий отмечают их как величайшее военное достижение всех времен».

В годы войны Фостер боролся за открытие второго фронта, за увеличение помощи Советскому Союзу, на плечи которого пали основные тяготы войны. Коммунисты сыграли большую роль в мобилизации общественного мнения против все еще влиятельных и сильных

ультраправых элементов, выступавших даже во время войны за сговор с Гитлером и продолжавших предсказывать «неминуемое» поражение Советского Союза. В своих многочисленных публичных выступлениях, статьях, брошюрах, опубликованных в те годы, Фостер доказывал жизненную необходимость для американского народа тесного сотрудничества с Советским Союзом не только в военное время, но и после победы над общим врагом. Дружба и сотрудничество между США и СССР, убеждал Фостер, могут обеспечить мирное развитие человечеству, свести до минимума возможность возникновения новых мировых конфликтов.

Именно исходя из этих соображений, Фостер приветствовал решение исполкома Коминтерна в 1943 году о роспуске этой организации, так как оно наносило, с одной стороны, удар по фашистской пропаганде, утверждавшей, что «антикоминтерновский пакт» возник как реакция на «подрывную» деятельность Коминтерна, а с другой — по все еще влиятельным антикоммунистическим кругам Соединенных Штатов, Англии и других стран антифашистской коалиции, тормозившим открытие второго фронта под предлогом того, что разгром Гитлера откроет дорогу в Западной Европе к власти коммунистам, якобы контролируемым через Коминтерн Москвой.

Фостер высоко оценивал роль и место Коминтерна в истории мирового рабочего движения. В книге «История трех Интернационалов» он отмечал три главных достижения Коминтерна. Фостер считал, что Коминтерн вооружил международное рабочее движение цельной революционной теорией. Ленин, основатель и вождь Коминтерна, обогатил марксизм глубоким анализом империализма, дальнейшим развитием теории диктатуры пролетариата, глубоким анализом национально-освободительного движения, разработкой теории союза пролетариата и крестьянства, развитием революционной стратегии и тактики в период упадка капитализма, блестящей разработкой принципов партии нового типа и своим теоретическим и практическим руководством Октябрьской революции.

Вторым основным достижением Коминтерна Фостер считал усиление коммунистических партий во всех крупных странах мира. Эти партии вместе со многими миллионами сочувствующих марксистам в молодежных, профсоюзных и других пролетарских организациях представляют собой великую международную революционную силу. Коммунистический Интернационал вырастил их, обучил и воспитал. Они — это та малая «закваска», которая «квасит все тесто».

Наконец, третьим, основным достижением Коминтерна явилась целая

серия революционных боев, осуществлявшихся под его знаменем: германская, австрийская и венгерская революции, национально-революционная война в Испании, движение за создание широкого Народного фронта, освободительное движение во многих колониях и китайская революция, не говоря уже о тысячах забастовок и политических схваток.

Буржуазия ряда стран попыталась использовать решение о роспуске Коминтерна, чтобы добиться ликвидации коммунистических партий под предлогом, что их деятельность препятствует сплочению демократических сил и мешает установлению подлинно дружественных отношений с Советским Союзом. Эти происки буржуазии встретили достойный отпор со стороны компартий. Иначе сложилась обстановка в США.

Вскоре после роспуска Коминтерна генеральный секретарь партии Эрл Браудер выступил с ликвидаторской платформой, в которой превозносил «прогрессивный» характер американского капитализма, призывал к классовому сотрудничеству с крупнейшими монополистами, отрицал наличие империализма в США. Венцом оппортунистической политики Браудера было его предложение ликвидировать компартию, заменив ее дискуссионным беспартийным клубом под названием Коммунистической политической ассоциации. С таким предложением Браудер выступил на активе членов Национального комитета (равнозначном ЦК) и других партийных работников в январе 1944 года.

Фостер заявил о своем решительном несогласии с позицией Браудера. 20 января Фостер направил членам Национального комитета письмо, в котором категорически осуждал ликвидаторские установки Браудера и требовал их официального рассмотрения указанным комитетом. Браудер вместо этого созвал «расширенное» заседание Политического комитета (равнозначного Политбюро) компартии, на котором большинством голосов письмо Фостера было отвергнуто. После чего Браудер заявил Фостеру, что он будет исключен из партии, если обратится за поддержкой к рядовым ее членам. Опасаясь вызвать раскол в партии, тем более губительный в военное время, Фостер был вынужден ограничить свою критику линии Браудера рамками Национального комитета. Но это не помешало Браудеру осуществить свои ликвидаторские планы.

В мае 1944 года на XII съезде КПА Браудеру удалось добиться роспуска компартии, вместо которой была создана Коммунистическая ассоциация. В руководстве ассоциации произошло по сравнению с компартией только одно изменение: вместо Фостера президентом новой организации стал сам Браудер. В ее программе не было даже упомянуто о

классовой борьбе, империализме, революционной роли рабочего класса. В своем ликвидаторстве Браудер зашел так далеко, что вскоре после создания ассоциации предложил вычеркнуть из ее названия слово «коммунистическая». Но это было слишком даже для его единомышленников в Политическом комитете. Большинством в один голос они отклонили это предательское предложение.

Ликвидаторство Браудера дорого обошлось американским коммунистам. Ассоциацию покинули многие рабочие, партийные активисты. Фактически распались молодежные, женские, культурные и другие массовые организации, находившиеся под партийным влиянием. Заметно снизилось влияние коммунистов в профсоюзах. Все это не могло не вызвать беспокойства среди руководителей ассоциации, старых членов партии, попавших под влияние демагога Браудера. Число сторонников Фостера, продолжавшего выступать с критикой ошибочных и вредных взглядов Браудера, стало расти. Предательскую линию Браудера осудили многие братские компартии. В частности, она подверглась детальному критическому разбору в статье видного деятеля Французской компартии Жака Дюкло, опубликованной в теоретическом органе этой партии «Кайе дю коммунизм» в апреле 1945 года.

Победоносное окончание второй мировой войны, разгром фашизма, в котором ведущую роль сыграл Советский Союз, способствовали еще большей политической изоляции Браудера.

В июне 1945 года на заседании Национального комитета ликвидаторская деятельность Браудера была единодушно осуждена, он был снят с поста председателя. Национальный комитет поручил трем своим членам во главе с Фостером подготовить чрезвычайный съезд ассоциации, который заседал 26–28 июля в Нью-Йорке. На этом съезде линия Браудера потерпела сокрушительное поражение. Съезд постановил распустить ассоциацию и восстановить компартию. Председателем компартии был вновь избран Фостер, генеральным секретарем — испытанный марксист-ленинец Юджин Деннис. Браудер, однако, не признал себя побежденным и продолжал отстаивать свой прежний курс, нападая на компартию. В феврале 1946 года за фракционную и враждебную интересам компартии и рабочего движения деятельность Национальный комитет единогласно исключил Браудера из КП США. Так бесславно закончилась политическая карьера этого оппортуниста и ликвидатора, нанесшего существенный урон Американской компартии. Ряды ее значительно поредели, а авторитет упал в результате маневров Браудера и его сторонников. Возрожденной компартии предстояло проделать немалую работу, чтобы отвоевать

утерянные позиции и укрепиться идеологически.

Браудеризм причинил большой вред и компартиям в странах Латинской Америки, в частности в Мексике и на Кубе, где у него нашлись сторонники. Фостер вскоре после воссоздания Американской компартии посетил Гавану и Мехико, оказывая братскую помощь местным товарищам в искоренении влияния сторонников Браудера.

Чем же объясняется идейное перерождение Браудера и то, что он сумел вначале повести за собой большинство руководства Американской компартии? В первую очередь здесь сказалось возросшее в условиях войны давление на партию буржуазных кругов, стремившихся любой ценой добиться ее ликвидации. Компартия подвергалась постоянным полицейским гонениям, в ее ряды охранка засылала провокаторов и осведомителей, разлагавших ее изнутри. Партийное руководство не боролось достаточно энергично против этого. В партии не соблюдался принцип демократического централизма, что позволило Браудеру сосредоточить в своих руках все рычаги партийной власти и действовать бесконтрольно.

«Мы никогда не должны вновь допускать, — предупреждал Фостер в 1945 году, — возникновения в рядах нашей партии чрезвычайной силы одного человека, почти равносильной диктатуре, преобладавшей при руководстве Браудера в последние годы».

Буржуазия стремилась и стремится перетянуть рабочих лидеров на свою сторону, сбить их с классовых позиций, толкнуть их на путь реформизма и оппортунизма. Особенно возрастает идейное давление буржуазии на рабочее движение в период кризисных ситуаций. В 1915 году Ленин предупреждал: «Война показала наглядно, что в момент кризиса (а эпоха империализма неизбежно будет эпохой всяких кризисов) внушительная масса оппортунистов, поддерживаемая и частью прямо направляемая буржуазией (это особенно важно!), перебегает на ее сторону, изменяет социализму, вредит рабочему делу, губит его».

Браудер принадлежал именно к такому виду оппортунистов, порожденных войной. Заслугой Фостера является то, что он сумел сразу раскрыть враждебную интересам компартии сущность браудеризма и возглавил борьбу с ним, которая привела к осуждению и идейному разгрому этого ликвидаторского течения.

Война против фашистских держав и милитаристской Японии закончилась триумфом свободолюбивых народов. В 1941 году Фостер писал, что, «объявив войну Советскому Союзу, Гитлер подписал свой смертный приговор». Так действительно и случилось.

Значительно улучшились в суровые годы войны отношения между СССР и Соединенными Штатами. Американский народ высоко оценил вклад советских людей в дело победы над общим врагом, советские и американские солдаты скрепили дружескими объятиями свою памятную встречу на Эльбе в конце войны. Правительство Рузвельта и сам президент относились с доверием к политике Советского Союза, стремились ускорить открытие второго фронта, оказывали помощь боеприпасами и другими материалами Советской Армии, на плечи которой пала основная тяжесть в войне с фашистской Германией.

Во время войны сотрудничество США и Советского Союза принесло большую пользу народам не только этих двух стран, но и всего земного шара. Оно способствовало победе над фашистскими державами и милитаристской Японией, а также удовлетворительному решению сложных и острых проблем послевоенного мирного урегулирования, созданию новой системы международных отношений, воплощенных в ООН, ЮНЕСКО и им подобных организациях, деятельность которых при всех их слабостях и недостатках препятствует развязыванию новой мировой войны.

С другой стороны, даже во время второй мировой войны определенные реакционные силы в Соединенных Штатах встречали в штыки дружбу с Советским Союзом, пытались бросить тень на внешнеполитические цели СССР, опорочить его доброе имя, пугая обывателей мнимым советским экспансионизмом. Эти силы подготавливали почву для разрыва антифашистской коалиции, для откровенно враждебного антисоветского курса, который намеревались проводить в послевоенное время. Они делали все возможное, чтобы преуменьшить вклад Советского Союза в общее дело разгрома фашизма, преувеличивая одновременно роль Соединенных Штатов и Англии.

Фостер вел неустанную борьбу против такого рода реакционеров, отмечая значение усилий Советского Союза для победы над общим врагом. Подводя в одной из книг итоги второй мировой войны, Фостер писал, что победа сил демократии и социализма во второй мировой войне спасла человечество от самого ужасного во всей его истории порабощения. Не подлежит сомнению и то, подчеркивал Фостер, что основным фактором, обеспечившим достижение этой исторической победы, был Советский Союз.

СССР придал войне, с одной стороны, конкретную демократическую, антифашистскую политическую направленность, которая позволила этой великой борьбе идти вперед к своей конечной цели — полной победе над

фашистскими державами; с другой стороны, он явился источником неодолимой вооруженной силы, которая решающим образом перевесила чашу весов в борьбе против фашистских бандитов, стремившихся завоевать и поработить весь мир.

Вступление СССР в войну окончательно изменило ее характер и определило ее перспективы на победу, указывал Фостер. Без участия Советского Союза капиталистические демократии Запада, возглавлявшиеся империалистами, никогда не смогли бы придать войне необходимой твердой антифашистской политической направленности и не смогли бы сосредоточить военные силы, необходимые для победы. Помимо того, что Советский Союз мобилизовал на борьбу свою собственную огромную политическую и военную мощь, СССР, осененный вдохновляющими знаменами социализма и борьбы против фашистского рабства, также явился великим катализатором, побудившим демократические народные массы от Европы и Америки до далекого Китая к решительной борьбе.

Американский писатель Теодор Драйзер высоко ценил деятельность Фостера, направленную на укрепление дружбы между американским и советским народами.

В дни, когда отмечалось 70-летие Фостера, Драйзер писал: «Быть знакомым с Уильямом З. Фостером — большое счастье. Простота сочетается в нем с силой ума и необычайной проницательностью, позволяющей быстро и безошибочно разбираться в современных событиях и анализировать их. Мы все должны быть глубоко благодарны Фостеру за то, что он научил нас понимать, какое значение имеет для развития американского народа дружба с Советским Союзом».

Президент Франклин Д. Рузвельт надеялся продолжать сотрудничество с Советским Союзом и в мирное время. Когда его спросили в 1942 году, уверен ли он, что Россия и после войны будет стремиться к миру, он ответил: «Я лично всегда в этом уверен». Приближение победы над фашизмом только укрепило эти убеждения и надежды президента США. Буквально накануне своей смерти, 11 апреля 1945 года, Рузвельт писал в документе, который он намеревался предать гласности в день победы над фашистской Германией:

«Мы хотим мира, длительного мира. Мы хотим не просто окончания этой войны, а ликвидации источника всех войн; да, хотим положить конец этому жестокому, бесчеловечному и совершенно неразумному способу урегулирования разногласий между правительствами.

Сегодня, когда мы предприняли поход против этого ужасного бича человечества — войны, когда мы готовимся внести в это дело величайший

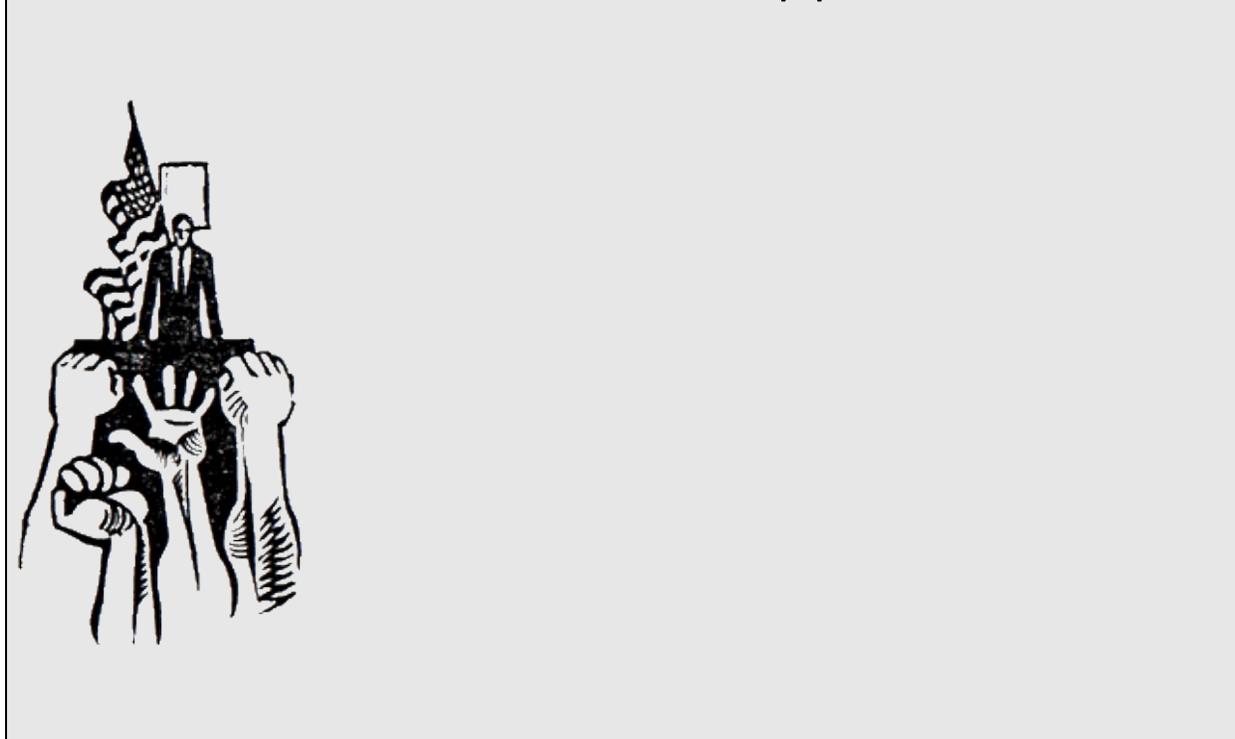
вклад, величайший среди тех, какие только способно сделать любое поколение людей на земле, когда мы должны обеспечить длительный мир, я прошу вас крепить веру в возможность сделать это... Единственным препятствием к осуществлению задач нашего завтра будут наши сегодняшние сомнения. Так давайте же двинемся вперед, исполненные сильной и действенной веры!»

Этим надеждам Рузвельта, разделявшимся Советским Союзом и всеми прогрессивными людьми доброй воли на земном шаре, в том числе американскими коммунистами, не суждено было стать международной реальностью в первые послевоенные десятилетия.

Смерть Рузвельта обезглавила сторонников международного сотрудничества в правительстве США. В лагере американской буржуазии взяли верх наиболее агрессивные представители финансового капитала, мечтавшие не о сотрудничестве со странами социализма, а о мировом господстве, которое они намеревались завоевать, используя термоядерное оружие, обладание которым давало им временное превосходство над силами мира и прогресса.

Вторая мировая война закончилась победой свободолюбивых народов над «коричневой чумой». Но не успели умолкнуть орудия, как новая угроза встала перед народами — угроза термоядерного конфликта, во сто раз более грозного и губительного, чем все прошлые войны, вместе взятые. И вновь люди, преисполненные веры в светлое будущее человечества, поднялись на борьбу за мир, за международное сотрудничество, за решение социальных зол, порождающих нищету, ненависть и страх. И как прежде, в одной из первых шеренг этих борцов будет идти с высоко поднятой головой бесстрашный американец Уильям З. Фостер...

АМЕРИКАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Настоящим конгресс считает и объявляет, что Коммунистическая партия Соединенных Штатов на деле является оружием заговора... Поэтому коммунистическая партия должна быть объявлена вне закона.

Закон Хэмфри-Батлера от 29 августа 1954 г.

Американские атомные бомбы, сброшенные на Хиросиму и Нагасаки, явились предвестницами вскоре наступившей новой, тревожной эпохи, вошедшей в историю под названием «холодной войны»). О ее пришествии возвестил старый трубадур антикоммунизма Уинстон Черчилль в речи в Фултоне (США) 5 марта 1946 года. Роль главных исполнителей взяли на себя правящие круги Соединенных Штатов.

«Холодная война» на долгие годы отравила международную атмосферу семенами недоверия, подозрительности, враждебности. Ее поборники пытались «заморозить» отношения между социалистическими и

капиталистическими странами, окружить социалистический мир частоколом военных баз, агрессивных пактов, союзов, объединений. Они стремились похоронить такие понятия, как международное сотрудничество, мирное сосуществование, мирное экономическое соревнование различных социальных систем, развитие торговых, культурных и научных связей между государствами.

Для вдохновителей такого характера взаимоотношений само слово «мир» стало синонимом государственного преступления. Они хотели превратить «холодную войну» в «горячую», чтобы стереть раз и навсегда с лица земли ненавистный для них Советский Союз, начисто перечеркнув его великий вклад в освобождение человечества от угрозы фашистского порабощения. И хотя в этом главном они потерпели поражение, им все же удалось наполнить годы «холодной войны» многими «локальными» войнами и конфликтами, бесчисленными кризисными ситуациями, тревожными моментами, они неоднократно ставили человечество на грань атомной катастрофы.

Если в сфере внешних сношений подобная политика была направлена своим острием против социалистического содружества наций, то в сфере внутривластной она преследовала задачу искоренения «внутреннего» врага, в первую очередь компартии и других подлинно демократических, антифашистских движений. Принадлежность к ним квалифицировалась рыцарями «холодной войны» как предательство, а предателям полагалось самое суровое наказание — лишение всех прав, тюрьма, эшафот.

С наступлением «холодной войны» в США началось систематическое преследование коммунистов и других прогрессивных деятелей, друзей Советского Союза, сторонников демократических свобод, профсоюзных и негритянских активистов, писателей, артистов кино и театра, художников, известных своими антифашистскими симпатиями. Это была настоящая «охота за ведьмами». Ее возглавлял кумир реакции, глава комиссии по расследованию антиамериканской деятельности сенатор Джозеф Маккарти, за спиной которого стояла зловещая фигура начальника охраны Эдгара Гувера и воротил из военно-промышленного комплекса.

Механика преследования была предельно простой. Жертву вызывали в комиссию Маккарти для дачи показаний и требовали признания в принадлежности к компартии, выдачи известных ей коммунистов. В случае отказа давать показания «нарушитель» немедленно приговаривался «за неуважение к конгрессу» к тюремному заключению, провозглашался «коммунистическим агентом», включался в черный список подрывных элементов, что влекло за собой лишение работы и возможности

дальнейшего заработка.

Одной из первых жертв стал генеральный секретарь компартии Юджин Деннис: в июне 1947 года комиссия Маккарти присудила его за отказ дать показания к тюремному заключению сроком на 1 год и к штрафу в тысячу долларов. 27 марта 1950 года Верховный суд США утвердил этот позорный приговор.

Комиссия Маккарти широко использовала в качестве свидетелей всякого рода шпииков, осведомителей, предателей, ренегатов, полицейских агентов, которые давали заведомо ложные показания, служившие основой для преследования людей, единственным преступлением которых являлся их антифашизм, дружеское отношение к Советскому Союзу или принадлежность к компартии.

Печать и радио, освещая заседания комиссии Маккарти, пытались создать впечатление о существовании в стране зловещего заговора, нити которого тянутся к Москве. Одновременно с травлей сторонников мира и международного сотрудничества внутри страны поджигатели войны потрясли атомными и водородными бомбами, угрожая стереть с лица земли Советский Союз и страны народной демократии. Некоторые из этих ястребов сами становились жертвами собственной антикоммунистической истерии, страха и паники. Джеймс Форрестол, военный министр Соединенных Штатов, сошел на этой почве с ума, выбросившись с 16-го этажа больницы, где находился на излечении.

Создав в стране при содействии инквизитора Маккарти обстановку террора и запугивания, американская реакция приступила к расправе над компартией. 20 июля 1949 года агенты ФБР арестовали 12 членов высшего органа Американской компартии Национального совета во главе с Уильямом З. Фостером и Юджином Деннисом. Среди арестованных был и руководитель партийной организации в штате Огайо, нынешний генеральный секретарь КП США Гэс Холл. В тот же день они были доставлены в суд, где Большое федеральное жюри, своего рода трибунал по особо важным государственным преступлениям, предъявило им обвинение в заговоре с целью насильственного свержения правительства США.

Характерно, что Большое жюри обвинило арестованных, в частности, в том, что они в 1945 году ликвидировали браудеровскую Коммунистическую политическую ассоциацию и воссоздали компартию. Обвинительный акт указывал, что руководители компартии якобы вступили в заговор с целью свергнуть правительство путем организации политической партии, руководствующейся принципами марксизма-ленинизма; опубликования и распространения «книг, статей, журналов и

газет, проповедующих принципы марксизма-ленинизма»; устройства «школ и курсов для изучения принципов марксизма-ленинизма, где проповедовались и отстаивались бы обязательность и необходимость свержения и уничтожения правительства Соединенных Штатов путем применения силы и насилия».

Обвинительный акт не выдерживал никакой критики даже с точки зрения действующих в Соединенных Штатах законов. Ни один из обвинительных пунктов не являлся их нарушением. Что касается обвинения в заговоре, то, не будучи конкретизированным — без указания места и даты возникновения заговора и даты намеченного переворота, — оно повисало в воздухе и не могло служить основанием для осуждения руководителей компартии.

Как и следовало ожидать, никто из обвиняемых не признал себя виновным. Они были взяты под стражу, по вскоре освобождены до суда под большой залог. Началась длительная юридическая битва в защиту обвиняемых.

Фостер, которому тогда исполнилось 67 лет, был тяжело болен, врачи запретили ему заниматься активной работой, выступать. Тем не менее он вместе с другими руководителями партии энергично готовился к предстоящему судебному процессу, участвуя в выработке документов, опровергающих нелепые и провокационные обвинения, выдвинутые Большим жюри.

17 января 1949 года в помещении федерального суда на Фоли-сквер в Нью-Йорке начался процесс над 12 руководителями компартии. Фостер, будучи прикованным к постели сердечным недугом, не присутствовал на процессе. Суд назначил своих врачей для освидетельствования Фостера. Судебная экспертиза подтвердила, что он по состоянию здоровья не может присутствовать на процессе. Суду не оставалось ничего другого, как выделить дело Фостера и отложить его рассмотрение до выздоровления обвиняемого, за которым учреждался строгий полицейский надзор.

Между тем Фостер представил суду документ «В защиту коммунистической партии и ее обвиняемых лидеров», в котором убедительно опровергал клеветнические измышления обвинительного акта.

Мы будем бороться! Художник Роберт Майнор. 1925

В этом документе Фостер отрицал, что компартия занимается или занималась когда-либо в прошлом заговорщической деятельностью, и одновременно защищал ее право на пропаганду идей марксизма-ленинизма. Если, писал Фостер суду, вы хотите наказать коммунистов за то, что они выступают за революционное преобразование общества, то вам следует привлечь к суду всех тех, кто распространяет произведения Томаса Пэйна, Томаса Джефферсона и Авраама Линкольна, открыто отстаивавших право народа на революцию.

«Когда общество делает большой шаг вперед, — объяснял суду Фостер, — связанный с коренными изменениями в его экономической системе и в правящих классах, это и есть революция. Таким образом, социализм, изменяющий систему производства и упраздняющий господство капиталистического класса, революционен».

Отвечая тем, кто обвинял социалистическую революцию в «жестокости» и «кровопролитии», Фостер напоминал, что «из многих революций в истории самыми жестокими были те, которые привели к установлению капитализма».

Фостер категорически опровергал обвинение Большого жюри, согласно которому американские коммунисты якобы действуют по «приказам из Москвы» и что якобы по «приказу извне» была распущена

Коммунистическая политическая ассоциация — детище ликвидатора Браудера. Фостер напомнил суду о своем письме руководству компартии, в котором решительно возражал против предательской затеи Браудера.

С гордостью писал Фостер в своем заявлении суду о подлинном патриотизме американских коммунистов: «Мы, коммунисты, любим свою необъятную и красивую страну, мы любим свой великий народ, его замечательные достижения в промышленности, науке и демократии. Мы чтим также наше знамя, покрытое славой в двух революциях и недавней войне против Гитлера. Никто больше нас не предан Соединенным Штатам и их народу. Основной принцип всей коммунистической партии состоит в том, чтобы сделать нашу страну более свободной, счастливой и процветающей».

Не Москва порождает коммунизм, утверждал Фостер, а капитализм, свидетельством чему является тот факт, что сторонники социализма и коммунизма появились в Соединенных Штатах за много лет до того, как о них слышали в России.

Отметая наветы буржуазной пропаганды, Фостер заявлял, что Советский Союз никогда не пойдет войной на США, что он заинтересован, как и все прогрессивное человечество, во всеобщем мире. Что же касается компартии, то она считает одной из своих первостепенных задач бороться за права американских трудящихся, за повышение их жизненного уровня и за предотвращение новой мировой войны.

Документ, представленный Фостером суду, был опубликован отдельной брошюрой и широко распространен по всей стране. Мысли, изложенные в нем, были параллельно развиты Фостером в книге «Закат мирового капитализма», опубликованной в том же 1949 году в дни процесса на Фоли-сквер.

«Наши враги утверждают, — говорит Фостер в этой книге, — что мы, коммунисты, намереваемся свергнуть правительство Соединенных Штатов силой. Это наглая ложь, и они сами это знают. Глупо называть нашу программу программой насилия. Проявления насилия, имеющие место при демократическом движении народа к социализму, неизбежно исходят только от реакционных капиталистов, которые, как и всякий отживший свой век господствующий класс, пытаются помешать приходу нового общественного строя путем создания фашистских режимов и применения вооруженной силы против народных масс. Вот в чем, коротко говоря, заключается истина по вопросу о насилии в классовой борьбе. Другая истина, имеющая еще более важное значение, состоит в том, что ни в одной стране пробудившиеся народы не допустят, чтоб господствующий класс

путем насилия преградил им путь к социализму. Как не раз уже доказывала история, там, где их лишают возможности бороться демократическими методами, они будут сражаться. Гитлер мог бы рассказать кое-что о том, как поступают возмущенные демократические народы. У народа нельзя отнять права на революцию».

Фостер берет под обстрел излюбленного конька реакционной пропаганды — обвинение в адрес коммунистов в том, что они являются «иностранными агентами». Эти обвинения капиталисты перепевали на разные лады на протяжении десятилетий, надеясь восстановить против коммунистов политически неграмотных людей. «Как и все коммунисты, — гневно пишет Фостер, — я отвергаю это лживое обвинение. Нет организации, более преданной интересам рабочих и всего американского народа, чем коммунистическая партия. Как я уже указывал, вся история коммунистической партии является историей непрерывной борьбы за интересы рабочих, негритянского народа и всей нации. Требуя установления в Соединенных Штатах социалистического строя, наша партия выражает высшие интересы подавляющего большинства американского народа... Поэтому обвинения в том, что мы якобы являемся «иностранными агентами», вызывает у меня лишь презрение, тем более что они исходят от реакционеров, которые живут эксплуатацией американского народа и основным принципом которых является распродажа достоинства нации ради собственных узкоклассовых интересов».

Мужественная защита компартии, которую проводил тяжело больной Фостер, находясь под неусыпным наблюдением полиции, и борьба против вздорных обвинений, которую вели его товарищи — члены Национального комитета, брошенные на скамью подсудимых, — привлекала внимание прогрессивной общественности всего мира, требовавшей прекращения позорного судилища на Фоли-сквер. Но американские поборники «холодной войны» ожидали от суда примерного наказания руководителей компартии, и судья Медина, крупный делец и верный слуга своих господ, не делал секрета из того, что он с «честью» выполнит порученную ему миссию...

Процесс проходил в условиях невиданного даже для США давления на обвиняемых и их защиту. Печать ежедневно сообщала все новые и новые «разоблачения» о кознях «красных», требуя над ними суровой расправы. Судебное здание на Фоли-сквер было окружено сотнями полицейских и агентов ФБР. Суд заседал в небольшом и тесном помещении, вмещавшем всего лишь несколько десятков человек. В зал пускали только реакционных журналистов и полицейских. Власти боялись даже на пушечный выстрел

подпустить к зданию суда трудящихся.

Обвинение выставило 13 свидетелей, которые должны были подтвердить обоснованность инкриминируемых подсудимым преступлений. Кто же они, свидетели обвинения? Четверо, сообщает знаменитый английский юрист Д. Н. Притт, были ренегаты, ранее состоявшие в коммунистической партии. Семеро других — политические осведомители, а двое работали специальными агентами ФБР. Один из ренегатов уже был до этого платным профессиональным антикоммунистическим свидетелем. Свидетель из числа подосланных в коммунистическую партию во время перекрестного допроса признал, что он вовлек в нее родственника жены и двух двоюродных братьев, чтобы выдать их Федеральному бюро расследований. Другой свидетель обвинения признал, что он проделал то же самое со своим шурином, но, вместо того чтобы действительно вовлечь его в партию методом убеждения, он просто подделал его подпись на заявлении о вступлении.

Свидетель обвинения провокатор Харви Матусоу впоследствии отрекся от своих показаний, признав их ложными. В 1955 году он опубликовал книгу «Лжесвидетель», в которой описал свою деятельность осведомителя. После этого правительство не только не сочло нужным освободить или реабилитировать многих людей, которые попали в тюрьму или потеряли работу в связи с показаниями Матусоу, признанными им теперь ложными, но, напротив, привлекло его самого к суду за дачу ложных показаний. Матусоу был признан виновным и приговорен к нескольким годам тюремного заключения. Таковы были свидетели обвинения, под стать им были и судьи.

Медина вел себя во время процесса на Фоли-сквер вызывающе, грубо, пристрастно. В нарушение американских процессуальных норм он прерывал защитников и свидетелей защиты, угрожал им, обрывал выступления обвиняемых, изгонял их из зала суда. Так, Генри Уинстон и Гэс Холл были удалены Мединой из зала суда на все время процесса.

Что касается присяжных заседателей, то они не скрывали своей враждебности к обвиняемым, что превратило суд на Фоли-сквер в фарс.

Девять долгих месяцев длилась судебная расправа над коммунистами. Наконец 14 октября 1949 года присяжные признали всех подсудимых виновными, а неделю спустя судья Медина объявил им приговор: десять человек были приговорены к тюремному заключению сроком на пять лет и к штрафу в 10 тысяч долларов каждый. Роберт Томсон, геройски сражавшийся на полях второй мировой войны и отмеченный высокими военными наградами, был приговорен «всего лишь» к трем годам тюрьмы

и уплате тех же 10 тысяч долларов. Одновременно с этим Медина приговорил адвокатов осужденных (их всего было пять) за «неуважение» к суду к тюремному заключению сроком от тридцати дней до шести месяцев. Такой же дополнительный срок получил генеральный секретарь партии Юджин Денпис, выступавший в роли своего собственного защитника.

Этот возмутительный приговор Медины был подтвержден апелляционным судом, а в июне 1951 года — Верховным судом США. 2 июля того же года семеро из одиннадцати осужденных были заключены в тюрьму. Четверо, в их числе Гэс Холл, ушли в подполье. Несколько месяцев спустя Гэс Холл был арестован агентами американской охраны в Мексике и тайно доставлен в США, где ему было прибавлено еще три года к прежнему пятилетнему сроку. Вскоре шпики выследили и других осужденных. Наконец, все руководители компартии оказались в тюрьме. Все, за исключением Фостера.

Не успел закончиться процесс двенадцати, как американские власти арестовали и бросили на скамью подсудимых 13 новых членов Национального комитета компартии, избранных вместо ранее осужденных. Их также приговорили к длительным срокам тюремного заключения.

Параллельно по всей стране проводились процессы над руководителями местных организаций компартии, активистами, антифашистскими деятелями культуры, борцами за мир. Многие из них получили длительные тюремные сроки. Среди осужденных были женщины преклонного возраста, инвалиды, старики. Их арестовывали вооруженные до зубов полицейские. Эти «стражи порядка» врываются в частные квартиры, больницы, конторы, сопровождаемые корреспондентами. Арестованных волокли в суд, который назначал непомерно высокий залог для выпуска их на поруки. Людей, предоставлявших деньги в залог, в свою очередь, подвергали преследованиям за симпатии к коммунизму, так же как и адвокатов обвиняемых. Коммунистов, не являвшихся гражданами США, высылали из страны, а американских граждан иностранного происхождения лишали гражданства и выдворяли за границу.

В результате целой серии законодательных актов (в августе 1954 года был принят закон Хэмфри — Батлера, фактически запрещающий компартию) и правительственных распоряжений коммунисты были превращены в своего рода изгоев, граждан второго сорта, лишенных многих элементарных прав. Помимо прочих форм дискриминации, писал Фостер о тех годах, американским коммунистам было запрещено работать во многих отраслях промышленности и в государственном аппарате; им было запрещено служить в вооруженных силах; они не имели права

преподавать в школах; закон запрещал им работать на руководящих постах в признанных профсоюзах; они теряли право быть избранными в правительственные органы или работать в них; им не выдавали паспортов для выезда за границу; они испытывали трудности в обеспечении себя жильем, и в школах их дети подвергались дискриминации; в судах их права грубо попирались, и правительство, чтобы осудить их, бесстыдно использовало тщательно разработанную систему доносчиков и провокаторов в масштабах, невиданных ранее в американской истории.

Но даже в этой обстановке небывалых в истории Соединенных Штатов преследований инакомыслящих борьба за мир и международную разрядку продолжалась. Находились мужественные американцы, верные демократическим традициям своей родины, открыто и энергично требовавшие положить конец «холодной войне», отказаться от угрозы применения термоядерного оружия.

Так, в марте 1949 года в Нью-Йорке состоялся конгресс деятелей науки и культуры США в защиту мира. В нем приняло участие 2823 делегата из 22 штатов, в том числе представители 80 университетов, колледжей и институтов. В 1950 году под Стокгольмским воззванием в защиту мира и против угрозы термоядерной войны были собраны сотни тысяч подписей американцев всех возрастов и профессий.

Американская компартия, несмотря на жесточайшие преследования, на заключение в тюрьму ее многих руководителей и активистов, продолжала существовать и бороться за великие идеалы мира, демократии и социального прогресса. И теперь, как и прежде, сквозь вой и улюлюканье буржуазной прессы прорывался мужественный голос испытанного борца Уильяма З. Фостера, которого не могли заставить замолчать ни полицейские угрозы, давление, ни тяжелый недуг, державший его прикованным к постели. «Мы, коммунисты, — заявлял Фостер в статье, опубликованной в февральском выпуске 1956 года партийного журнала «Политикл аффэрс», — неустанные защитники мира и непоколебимые противники войны. Это происходит потому, что в противоположность капиталистам нам не нужна война для достижения нашей цели. Мы против войны, так как она привела бы к бесцельному и жестокому уничтожению миллионов трудящихся и к пагубному разорению городов и промышленности всего мира».

Фостер указывал, что борьбу компартии за сохранение мира во всем мире поддерживали рабочий класс, негритянский народ и другие демократические силы Соединенных Штатов. Хотя они в значительной степени были сбиты с толку империалистической пропагандой,

пытавшейся отрицать роль Советского Союза как миролюбивой силы, но тем не менее решительно выступали против войны. Они находили различные пути для выражения своей воли к миру, в том числе оказывали сильное противодействие применению атомных бомб во время войны в Корее, введению всеобщего военного обучения, профашистским эксцессам маккартистов и т. д.

В эти суровые для его родной коммунистической партии годы Фостер не только часто выступал в периодической печати со статьями. Он написал ряд фундаментальных трудов по истории рабочего и коммунистического движения в США и в мире.

В 1951 году выходит в свет его история Американского континента от древнейших времен до наших дней. Это большая работа в 900 страниц, скромно озаглавленная «Очерк политической истории Америки», в которой впервые дается с марксистских позиций оценка развития Соединенных Штатов, Канады и стран Латинской Америки в их взаимосвязи. Книга Фостера, написанная с блеском, основывается на большом круге источников, раскрывает ведущую роль народных масс в истории западного полушария. Многие страницы книги посвящены борьбе прогрессивных сил против расизма, колониализма, империализма, деятельности компартий и классовых профсоюзов стран Америки.

Годом позже выходит другая капитальная работа Фостера, «История Коммунистической партии Соединенных Штатов», объемом в 600 страниц. «История» — до сих пор единственное правдивое исследование на данную тему, написанное не просто марксистом, но и активным участником, лидером коммунистического движения в Соединенных Штатах.

За ней следуют книги «Негритянский народ в истории Америки» (1954), «История трех Интернационалов» (1955) и, наконец, «Очерки мирового профсоюзного движения», которые вышли к 75-летию Фостера в 1956 году.

Это целая библиотека! Создание и издание этих книг, автор которых был не только больным, но и весьма преклонного возраста человеком, писавшим в условиях травли и преследования со стороны властей, нельзя назвать иначе как выдающимся подвигом.

75-летие Фостера совпало со спадом мутной маккартистской волны в Соединенных Штатах. Война в Корее закончилась. В 1955 году в Женеве были заключены известные соглашения по Индокитаю. Наметилось некоторое потепление в международной обстановке. Казалось, теперь Фостер мог несколько ослабить рабочий ритм своей жизни и отдохнуть. Но старого борца ожидали новые испытания.

В 1956 году Фостер был сражен инсультом. Осложнилась старая сердечная болезнь. Врачи стали опасаться за его жизнь. Рабочий лидер стал ходатайствовать о разрешении выехать в Советский Союз на лечение, но власти ему в этом отказали. Он все еще находился под судом и следствием, ему все еще угрожал процесс и заключение в тюрьму...

Между тем положение в руководстве Компартии США осложнилось. Воспользовавшись болезнью Фостера и отсутствием ведущих руководителей, в том числе генерального секретаря Юджина Денниса, отбывавших тюремное заключение, в партии подняли голову правые ревизионисты, которым удалось установить контроль над партийным органом — газетой «Дейли уоркер» и некоторыми местными парторганизациями.

Чего же добивались эти отступники? Того же, чего в свое время не смог добиться Браудер и его сообщники, — ликвидировать партию. Их лидер Гейтс утверждал, что классовая борьба в США затухает, что революционное рабочее движение сходит на нет, что американские рабочие не желают социализма, а раз так, то отпадает необходимость и в компартии. Ее, дескать, следует распустить, заменив надпартийной ассоциацией политических действий.

На этом ликвидаторы 50-х годов не остановились. Они решили пойти дальше своего идейного предшественника Браудера, открыто перешли на антисоветские позиции, отказались от верности принципам пролетарского интернационализма, встав на сторону венгерских контрреволюционеров, поднявших мятеж в конце 1956 года. Их действия как нельзя лучше отвечали интересам правящих кругов США. Не достигнув своей цели — сломить партию путем террора и жесточайших преследований, — эти круги надеялись теперь разложить ее изнутри.

Фостер не мог безучастно наблюдать за действиями противника, уже считавшего себя чуть ли не победителем. Несмотря на крайне тяжелое состояние здоровья и строжайший запрет врачей заниматься политикой, Фостер, как и в прежние времена, включается в борьбу с ликвидаторами. Он диктует статьи, собирает здоровые силы партии, пишет письма, встречается с единомышленниками, спорит, полемизирует, убеждает. Его поддерживают Юджин Деннис и другие партийные руководители, вышедшие к тому времени из заключения. Он все еще находится под домашним арестом, этим думали воспользоваться ликвидаторы для развала партии.

В феврале 1957 года в Нью-Йорке открывается XVI съезд КП США. Буржуазная печать заранее ликует. На съезде произойдет «бунт против

Москвы», предрекает она. Но ее прогнозы не оправдываются. Собрав, можно сказать, все свои физические и духовные силы, преодолевая тяжелый недуг, Фостер присутствует на съезде, принимает в нем непосредственное участие. Правда, свое основное выступление он не смог произнести с трибуны. Написанный им текст зачитывается делегатам съезда. Фостер призывал партию отвергнуть домогательства ликвидаторов, подтвердить свою верность принципам марксизма-ленинизма. «Правый уклон, — заявил Фостер делегатам съезда, — как и в прошлом уклоны, связанные с именами Ловстона и Браудера, выражается в определенной переоценке силы американского империализма, в сознательном замалчивании влияния общего кризиса мирового капитализма на США. С точки зрения правых фактически исключена возможность серьезного экономического кризиса в США».

Вместе с тем Фостер критиковал и «левых» сектантов, стремившихся навязать партии экстремистские лозунги.

Выступление Фостера на съезде, как всегда, было проникнуто глубокой верой в историческую миссию рабочего класса, продолжавшего бороться за улучшение своего положения, за свои права, решительно выступая против капиталистической эксплуатации.

Жизнь подтверждала истинность основных положений марксизма-ленинизма: классовая борьба не только не затухала в США, но принимала все более острые формы. В 1949–1963 годах в стачках участвовало 13 миллионов 600 тысяч американских рабочих.

В 1952 году успешно бастовали в течение 60 дней за повышение заработной платы 665 тысяч сталелитейщиков, которых впервые повел в бой 30 лет тому назад Уильям З. Фостер, в том же году бастовали 375 тысяч горняков, 90 тысяч рабочих нефтеперегонных заводов, 75 тысяч плотников, 70 тысяч связистов и десятки тысяч рабочих других профессий. В США тогда насчитывалось около 2 миллионов безработных, а прибыли монополий исчислялись в 38,3 миллиарда долларов. Так обстояло дело в действительности с «затуханием» классовой борьбы в США, таково было подлинное лицо американского «народного капитализма», превозносимого до небес ликвидаторами типа Гейтса.

Участие Фостера в XVI съезде компартии было серьезным ударом по ликвидаторам. Съезд не поддержал их. Большинство делегатов решительно высказалось за сохранение компартии, за верность принципам марксизма-ленинизма.

Основная политическая резолюция — «Американский путь к социализму», принятая съездом, выдвинула положение о мирном,

демократическом и конституционном пути к социализму в Соединенных Штатах. В резолюции, в частности, указывалось: нельзя утверждать, что социализм — явление неамериканское, точно так же как нельзя сказать, что капитализм — явление специфически американское. Капитализм и социализм — общественные системы, возникающие в результате эволюции общества и его борьбы за дальнейший прогресс. Капитализм в США ввиду его особых черт и исторических условий развития привел к сравнительно высокому жизненному уровню для значительного числа людей. Но он привел также к экономическим кризисам, к войнам, к колониальной эксплуатации, к угнетению, безработице, необеспеченности, преступности, социальной деградации и дискриминации. На всех этапах истории США народ был вынужден бороться за свой жизненный уровень и за свои демократические свободы против привилегированных и реакционных сил.

Съезд избрал Фостера почетным председателем партии.

Но Гейтс и его приспешники и после съезда продолжали гнуть свою линию, используя в качестве трибуны партийные органы печати, находившиеся под их контролем.

Несмотря на подорванное здоровье, Фостер неусыпно следил за предательской деятельностью правых, аргументированно и последовательно подвергая ее критическому разбору в многочисленных статьях, выходящих из-под его пера в эти трудные для Американской компартии годы.

В статье «Кризис компартии США и пути его преодоления», опубликованной в двух номерах журнала «Политикл афферс» в конце 1957 — начале 1958 года, Фостер обвинил ревизионистов в том, что они развернули активную кампанию с целью опорочить прошлое, настоящее и будущее коммунистической партии. Ревизионисты рассчитывали поколебать веру коммунистов в свою партию и таким образом создать условия для ее ликвидации.

Фостер призывал противников ревизионизма укреплять коммунистическую партию, строить ее на испытанных принципах марксизма-ленинизма, воодушевлять ее духом боевой политики, исходящей из перспективы усиления классовой борьбы в Соединенных Штатах.

Эта статья Фостера сыграла важную роль в борьбе американских коммунистов против ревизионистов-ликвидаторов.

В феврале 1958 года очередной пленум Национального комитета компартии вновь осудил предательские действия группы Гейтса и исключил ее участников из партийных рядов. Так бесславно закончилась еще одна попытка врагов коммунизма расправиться с партией,

продолжавшей свою неустанную борьбу за великие идеи мира и социализма.

Годы болезни, многолетняя сложная работа истощили организм Фостера, но сознание его, как и прежде, было ясным, дух молодым, стремление к труду казалось неистощимым. Как бы плохо ни чувствовал себя, Фостер не расставался с книгой, газетой, пишущей машинкой, не терял связи с товарищами по партии, внимательно следил за внутренними и международными событиями.

В декабре 1959 года состоялся XVII съезд компартии, который подтвердил изгнание из ее рядов Гейтса и других предателей. На съезде было избрано новое партийное руководство. По предложению Фостера Юджин Деннис (умер в 1961 году) был избран председателем Национального комитета КПА, а Гэс Холл — видный деятель коммунистического и рабочего движения США, стойкий ленинец — Генеральным секретарем. Фостер был переизбран почетным председателем партии.

*

В 1960 году внимание Фостера привлекла статья четырех советских историков о войне за независимость испанских колоний Америки в 1810–1825 годах, опубликованная в журнале «Вопросы истории» и перепечатанная на испанском языке в теоретическом органе кубинских коммунистов «Фундаментос». Фостер положительно оценил эту статью в пространной заметке на страницах теоретического органа компартии «Политики афферс». Он много лет интересовался историей стран Латинской Америки, движением, судьбами революционного процесса на землях к югу от Рио-Браво. Он решительно разоблачал империалистическую «политику канонерок» — вооруженных интервенций, осуществлявшуюся правящими верхами США на протяжении десятилетий в карибском районе, проникновение американских монополий в экономику Латиноамериканских стран. Фостер неустанно выступал в защиту кубинского, мексиканского, гватемальского, пуэрториканского народов, свобода которых неоднократно попиралась американскими империалистами и их наемниками.

Марксистский анализ латиноамериканской действительности позволил Фостеру предсказать неминуемый поворот этого субконтинента в сторону социализма, о чем возвестила победа кубинской революции в 1959 году. За

восемь лет до этого исторического события Фостер, заканчивая свою книгу «Очерк политической истории Америки», пророчески писал: «В американских странах может быстро возникнуть благоприятная обстановка для подлинного движения рабочих и их союзников к социализму. Латинская Америка находится накануне взрыва, и в недалеком будущем там можно ожидать широкого развертывания массового революционного процесса». Кубинская революция и последовавшие за ней события в других странах Латинской Америки подтвердили этот научно обоснованный прогноз Фостера.

За эти годы здоровье Фостера заметно ухудшилось. Он нуждался в квалифицированном лечении и покое. В условиях Соединенных Штатов ни того, ни другого ему нельзя было обеспечить. Его неоднократно приглашали различные организации приехать на лечение и отдых в Советский Союз. Но американские власти все еще вели войну с 80-летним коммунистом, надеясь упрятать его за решетку. Госдепартамент систематически отказывал ему в выдаче иностранного паспорта.

Наконец в январе 1961 года Фостер получил разрешение американских властей выехать в Советский Союз по приглашению Всесоюзного общества терапевтов. И вот он вновь в Москве, которую впервые посетил 40 лет тому назад. По требованию врачей Фостера помещают в больницу, после инсульта его правая рука *не* действовала. Он хотел лечиться, подчинялся врачебной дисциплине, исправно принимал лекарства, позволял колоть себя и... работал, читал, диктовал, а главное — встречался с людьми, не только со старыми друзьями и знакомыми, но и с новыми для него товарищами, с которыми он по тем или другим причинам хотел познакомиться и побеседовать.

Среди последних неожиданно для себя оказался и автор этой книги. Помню, как в один из январских дней 1961 года раздался телефонный звонок и голос на другом конце провода сообщил мне, что товарищ Фостер желал бы встретиться со мной и обменяться мнениями по ряду вопросов, связанных с историей стран Латинской Америки. Мне посоветовали явиться в больницу в послеобеденные часы и не задерживаться у больного, учитывая его состояние, больше 15–20 минут.

16 января 1961 года я посетил Фостера в больничной палате. Хотя он сидел в кресле, в халате, но казался стройным, даже элегантным. Поражали его глаза — живые, пронизательные. Глядя на него, даже в голову не приходило, что перед вами восьмидесятилетний полупарализованный старик. В палате — на столе, на тумбочке, на кровати — всюду виднелись книги, журналы. На столе стояла его знаменитая портативная машинка, с

которой он никогда не расставался.

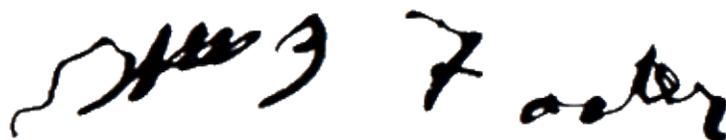
Фостер интересовался советскими исследованиями о Латинской Америке. Выслушав мой рассказ об этом, он стал задавать вопросы. Он хотел знать, как советские ученые оценивают колониальный период, войну за независимость, мексиканскую революцию. Затем разговор перешел на революционную Кубу. Фостер был убежден: Куба неизбежно придет в недалеком будущем к социализму.

Наша беседа затянулась. Вместо отпущенных 20 мину она длилась уже час, и, если бы не настойчивые просьбы лечащего врача, она продолжалась бы еще...

У себя дома и на работе Фостер любил угощать своих друзей яблоками, которые виртуозно очищал от кожуры и делил на дольки перочинным ножом. В его больничной палате в Москве на столе стояла ваза с яблоками, и он не преминул меня угостить ими.

Прощаясь, я сказал Фостеру, что, идя к нему, рассчитывал получить его автограф и даже принес с этой целью книгу «История трех Интернационалов». Фостер предложил расписаться на книге левой рукой. «Правая у меня на заслуженном отдыхе, она ведь работала семьдесят лет!» — сказал он, улыбаясь.

Эта подпись воспроизводится ниже.

A handwritten signature in black ink, appearing to read 'J. Foster', written in a cursive style.

Годы, проведенные Фостером на кораблях, океанские просторы, морские штормы, колдовство южного неба, усеянного ярко горящими звездами, обострили в нем свойственный ему с детства интерес к явлениям природы, который он сохранил на протяжении всей своей жизни.

Во время прогулок или в пути — в автомобиле, поезде, самолете, — в тюремной камере или в застольной беседе, где бы он ни находился и ни общался с людьми, Фостер любил обращать внимание своих собеседников на цвет листвы, на запах цветка, вкус яблока, причудливые формы облаков, затейливую игру солнечных лучей, на своеобразие, неповторимость, красоту, гармоничность природных явлений. Его глубоко волновали проблемы мироздания — или, как мы сказали бы сегодня, космоса — еще задолго до начала космической эры. Следует ли удивляться, что, прибыв в 1961 году в Москву, Фостер обращается с просьбой о встрече с Юрием

Гагариным.

— Я счастлив, что первым космонавтом мира стал представитель первой страны победившего социализма, — сказал Фостер Юрию Гагарину. — В этом я вижу триумф не только Советского Союза, но и трудящихся всей нашей планеты.

25 февраля 1961 года Москва отмечала 80-летие Уильяма Фостера. В этот день Центральный Комитет КПСС направил юбиляру теплое приветствие, в котором отмечались его большие заслуги в борьбе за социализм, его верность идеалам марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма. Руководители КПСС пришли в больницу поздравить нестигаемого борца.

В тот же день представители советской общественности собрались в актовом зале Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, где происходило чествование славного сына американского рабочего класса, выдающегося деятеля международного рабочего движения Уильяма З. Фостера. Собравшиеся выслушали записанное на пленку дружеское послание юбиляра и, в свою очередь, направили ему слова приветствия. Фостер получил многочисленные поздравительные телеграммы из США и многих других стран, от друзей, партийных и общественных деятелей и организаций. Фостера знали, любили и уважали коммунисты всех широт и меридианов.

Лечившие Фостера врачи делали все возможное, чтобы укрепить его здоровье.

1 сентября 1961 года сердце Фостера, истощив, как гласило медицинское заключение, все свои жизненные способности, перестало биться.

5 сентября трудящиеся Москвы прощались со своим старым другом, вождем американских трудящихся Уильямом З. Фостером. Гроб с его телом, покрытый венками, был установлен в Колонном зале Дома Союзов, в том самом зале, где четыре десятилетия тому назад он присутствовал на учредительном конгрессе Профинтерна.

Отдать последний долг усопшему борцу пришли руководители ЦК КПСС и Советского Союза. В почетном карауле у гроба встали гостившие тогда в Москве его соратники и друзья — Элизабет Герли Флинн, генеральный секретарь Французской компартии Морис Торез, с которым они бок о бок работали в Исполкоме Коминтерна, ветеран коммунистического движения Кубы Блас Рока. Только не было среди них Гэса Холла, лидера американских коммунистов. Американские власти не

дали ему разрешения на выезд из Соединенных Штатов...

В тот же день состоялся траурный митинг на Красной площади. Здесь, у кремлевской стены, где покоится прах его соратников по американскому коммунистическому движению Джона Рида, Большого Билла — Хейвуда и многих других борцов за правое дело социализма, прощались с Фостером рабочие Москвы, представители науки и культуры, студенты, бойцы Советской Армии.

Фостер просил быть захороненным у себя на родине. Это его желание было выполнено, и урна с прахом Фостера отправлена в Соединенные Штаты. 18 сентября американские коммунисты прощались с Фостером в Нью-Йорке в зале Карнеги-холл, где неоднократно устраивались митинги с его участием. В траурной церемонии участвовали представители партийных организаций всех штатов страны, многочисленные друзья и почитатели Фостера, профсоюзные деятели, писатели, журналисты, бойцы интербригад, ветераны второй мировой войны, коммунисты, демократы, члены КПП и АФТ...

Прошло еще несколько дней, и прах Уильяма З. Фостера обрел вечный покой на Уолдгейском кладбище в Чикаго — городе, где он прожил много лет, работая и сражаясь за интересы рабочих.

Фостер покоится там, где захоронены хеймаркетские мученики и его товарищ по руководству компартией Юджин Деннис.

Неустанно, настойчиво, мужественно и страстно боролся Фостер за дружбу США с Советским Союзом. В книге «Закат мирового капитализма» он писал: «В наши дни условием разумного интернационализма является дружеское сотрудничество между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Такое сотрудничество необходимо для поддержания всеобщего мира. По этому основному вопросу мы, коммунисты, будем твердо стоять на своей позиции, что бы ни случилось».

Эти же мысли высказывал Фостер и в «Очерке политической истории Америки»: «Единственным препятствием на пути к миру между Соединенными Штатами Америки и СССР являются агрессивные замыслы империалистов США. Третья мировая война отнюдь не неизбежна. Коренные интересы народов Соединенных Штатов и СССР едины».

В предисловии к русскому изданию «Очерков мирового профсоюзного движения» Фостер подчеркивал: «Самое важное для обеспечения настоятельно необходимой политики мирного сосуществования всех стран, как социалистических, так и несоциалистических — это более дружественные отношения между Советским Союзом и Соединенными

Штатами. Все видят, что Советское правительство всегда было инициатором исторической политики мирного сосуществования и теперь делает все возможное, чтобы добиться самого полного претворения ее в жизнь. Что касается американского народа, то он всегда питал чувства дружбы к советскому народу, несмотря на все попытки реакционеров нарушить эту дружбу».

Сегодня, когда мы являемся свидетелями банкротства политики «холодной войны», было бы справедливым признать, что в этих переменах есть доля, и немалая, заслуг Уильяма З. Фостера и его соратников по коммунистическому движению, всех тех, кто в США боролся за то, чтобы отношения между нашими странами развивались в интересах мира во всем мире.

«Мне думается, — сказал в своем выступлении по американскому телевидению 24 мая 1973 года Л. И. Брежнев, — что сторонники коренного оздоровления отношений между Советским Союзом и Соединенными Штатами могут с оптимизмом смотреть в будущее, ибо эта цель отвечает жизненным интересам обоих наших народов и интересам миролюбивых людей во всем мире»^[4].

Американские коммунисты приветствовали визит Л. И. Брежнева в Соединенные Штаты. Центральный Комитет Коммунистической партии США говорил в телеграмме Л. И. Брежневу по поводу его приезда в эту страну: «Ваш визит в нашу страну отражает исторический сдвиг в американо-советских отношениях. Он отражает также изменение в классовых отношениях в мире. Вы представляете класс, на чьи плечи история возложила задачу вести цивилизацию к всеобщему миру во всем мире на новом, еще более высоком уровне, к широкому социальному прогрессу и к братству народов.

Ваше присутствие здесь является доказательством того факта, что рабочий класс взял на себя эту историческую задачу и весьма успешно ее выполняет»^[5].

Это приветствие подписали от имени ЦК Компартии США Генри Уинстон, национальный председатель, и Гэс Холл, генеральный секретарь. Не приходится сомневаться в том, что, доживи Фостер до наших дней, под этим документом тоже стояла бы подпись — Уильям Зебюлон Фостер. Это о нем сказал друг и соратник Гэс Холл: «Рабочий, но также и интеллигент, организатор, но также ученый и учитель».

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УИЛЬЯМА З. ФОСТЕРА

1881 — 25 февраля в городе Тоунтэн, штат Массачусетс, США, в семье Джеймса Фостера и Элизабет Маклауфлин родился Уильям Зебюлон Фостер.

1891 — Поступает на работу подручным к скульптору Кретчману в Филадельфии.

1894–1898—Работает на словолитне в Балтиморе, на фабриках по производству удобрений, принимает участие в забастовке трамвайщиков в Филадельфии.

1900–1901 — Смерть родителей. Посещает Гавану (Куба), работает трамваевожатым в Пью-Порке, рабочим по укладке железнодорожных шпал во Флориде и Техасе.

1901 — Вступает в Социалистическую партию.

1901–1904 — Матрос торгового флота, посещает порты Латинской Америки, Африки. Европы, Австралии.

1904–1909 — Работает в Портленде, а затем в Сиэтле; активист Социалистической партии.

1909 — Принимает участие в борьбе за свободу слога в Миссуле и Спокане. В Спокане в течение двух месяцев содержится в тюрьме, вступает в организацию «Индустриальные рабочие мира».

1910–1911 — Посещает Францию и Германию, где изучает рабочее движение, встречается с видными профсоюзными и социалистическими деятелями, в том числе с К. Каутским; участвует в Тулузском конгрессе ВКТ, в конгрессе немецких профсоюзов в Дрездене и в конференции Международного секретариата профсоюзных организаций в Будапеште.

1912 — Работает железнодорожником в Чикаго. Учреждает Синдикалистскую лигу Северной Америки, избирается ее национальным секретарем. Порывает с «Индустриальными рабочими мира», вступает в профсоюз железнодорожников АФТ. Женитьба на Эстер Абрамович.

1918 — Болезнь глаз. Пишет в соавторстве с Эрлом Фордом книгу «Синдикализм».

1914 — Роспуск Синдикалистской лиги Северной Америки.

1915 — Учреждает Интернациональную лигу профсоюзной

пропаганды, избирается ее национальным секретарем. Пишет брошюру «Тред-юнионизм — дорога к свободе».

1917 — Роспуск Интернациональной лиги. Создание в Чикаго Совета рабочих мясохладобоев, Фостер избирается его секретарем. Руководит кампанией за привлечение рабочих мясоконсервной промышленности в профсоюзы АФТ. Рабочие этой отрасли промышленности одерживают значительную победу в борьбе за свои права с предпринимателями.

1918 — Участвует в конгрессе АФТ в Сент-Поле. Создание Национального комитета по вовлечению сталелитейщиков в профсоюзы АФТ. Фостер избирается исполнительным секретарем комитета.

1919 — Руководит национальной забастовкой сталелитейщиков. Становится жертвой покушения в Чикаго. Подвергается аресту в Канаде.

1920 — Пишет и издает книгу «Великая забастовка сталелитейщиков и ее уроки». Знакомится с первым произведением Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». Учреждает Лигу профсоюзной пропаганды, избирается ее руководителем.

1921 — Впервые посещает Советскую Россию. В Москве встречается с В. И. Лениным. Принимает участие в IV Всероссийском съезде профсоюзов, в III конгрессе Коммунистического Интернационала, в I (учредительном) конгрессе красных профсоюзов — Профинтерне, избирается в исполком Профинтерна. Посещает на обратном пути Германию, Францию, Италию. По возвращении в США пишет книгу «Революционный кризис 1918–1919 гг. в Германии, Англии, Италии и Франции» и «Русская революция». Вступает в Коммунистическую партию США.

1922 — Арест по обвинению в принадлежности к Компартии США. Исключение из рядов АФТ.

1923 — Суд над Фостером и его оправдание. Покушение на его жизнь на съезде Чикагской федерации труда.

1924 — Впервые баллотируется кандидатом в президенты США. Второй раз посещает Советский Союз, где участвует в конгрессе Коминтерна. Избирается членом его Исполкома. Избирается членом ЦК и Политбюро КП США.

1926 — Фостер в третий раз посещает Советский Союз.

1928 — Председатель Компартии США, кандидат компартии на президентских выборах. Избирается кандидатом в члены Президиума Коминтерна.

1929 — Фостер избирается членом секретариата Центрального исполнительного комитета КП США. Экономический кризис в США.

Преобразование Лиги профсоюзной пропаганды в Лигу профсоюзного единства. Фостер — генеральный секретарь новой лиги.

1930 — Принимает участие в создании Национального совета безработных, возглавляет 100-тысячную демонстрацию безработных в Нью-Йорке. Арест Фостера, суд приговаривает его к трем годам тюремного заключения. После шести месяцев заключения выходит на свободу.

1932 — В третий раз баллотируется от компартии на выборах в президенты США. Во время избирательной кампании заболевает инфарктом, выбивающим его на три года из активной партийной работы.

1935—Участвует в VII конгрессе Коминтерна. Избирается членом Президиума Коминтерна. Лига профсоюзного единства вливается в АФТ.

1937 — Выходит книга Фостера «От Брайана к Сталину».

1939 — Выходят воспоминания Фостера «Страницы из жизни рабочего». Начало второй мировой войны.

1941 — Вероломное нападение фашистской Германии на Советский Союз. Япония, Германия и Италия объявляют войну США.

1943 — Фостер поддерживает решение о роспуске Коминтерна.

1944 — Ликвидаторская политика Браудера. Компартия преобразуется в Коммунистическую политическую ассоциацию. Фостер возглавляет борьбу против Браудера. Восстановление компартии. Фостер вновь избирается ее председателем. Исключение Браудера из компартии.

1945 — Историческая победа антифашистской коалиции над Германией, Японией и их союзниками.

1946 — Начало «холодной войны».

1948 — Арест 12 руководителей компартии во главе с Фостером. Власти предъявляют им обвинение в заговоре с целью свержения правительства США.

1949— Суд над руководителями компартии. Дело Фостера выделяется и откладывается до выздоровления обвиняемого. Фостер выступает в защиту компартии и ее руководителей. Выходит в свет книга «Закат мирового капитализма».

1951 — Заключение в тюрьму осужденных руководителей Компартии США. Компартия отмечает 70-летие Фостера. Выходит его книга «Очерк политической истории Америки». Казнь Этель и Джулиуса Розенбергов.

1952 — Выходит книга «История Коммунистической партии Соединенных Штатов».

1954 — Выходит книга «Негритянский народ в истории Америки».

1955 — Выходит книга «История трех Интернационалов».

1956 — Выходит книга «Очерки мирового профсоюзного движения».

Компартия отмечает 75-летие Фостера. У Фостера произошло кровоизлияние в мозг. Фостер выступает против ликвидаторской группы Гейтса.

1957 — Участвует в XVI съезде КП США, на котором осуждается группа правых ликвидаторов. Избирается почетным председателем КП США.

1958 — Исключение из компартии ликвидаторской группы Гейтса.

1959— XVII съезд КП США вновь избирает Фостера почетным председателем партии.

1961 — Приезжает на лечение в Советский Союз. Встречается с первым в мире космонавтом Ю. А. Гагариным. Советская общественность широко отмечает 80-летие Фостера. 1 сентября — смерть Фостера. Москва прощается с Фостером. Траурный митинг на Красной площади. Урна с прахом Фостера доставляется в США. Траурный митинг в Карнеги-холл. Захоронение праха Фостера на Уолдгеймском кладбище в Чикаго.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Фостер в годы второй мировой войны.

Руководителей Компартии США доставляют в суд на Фоли-сквер. 1956 г.

Фостер в 50-е годы.

Гэс Холл в 50-е годы.

Юджин Деннис в 50-е годы.

Траурные дни в Москве.

В Чикаго захоронен Уильям З. Фостер.

Советская марка в честь Фостера.

Последнее фото Уильяма З. Фостера

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Фостер Вильям. Волны рабочей революции в Германии, Англии, Италии и Франции в 1018–1921 гг. Пер. с англ. М., «Красная новь», 1922.

Фостер Вильям. Банкротство классового сотрудничества в Америке. Пер. с англ. Ростов я/Д.-М., «Прибой», 1923.

Фостер Вильям. Лига профсоюзной пропаганды в Америке. Пер. с англ. М., Профинтерн, 1924.

Фостер Вильям З. Профжулики в С. А. С. Ш. (Американская профбюрократия за работой). Пер. с англ. М., Изд-во Профинтерна, 1928.

Фостер Вильям З. Революционное профдвижение в С. А. С. Ш. М., Изд-во ВЦСПС, 1930.

Фостер Вильям. Закат мирового капитализма. Пер. с англ. М., «Иностранная литература», 1951.

Фостер Уильям З. Очерк политической истории Америки. Пер. с англ. М., «Иностранная литература», 1953.

Фостер Уильям З. Негритянский народ в истории Америки. Пер. с англ. М., «Иностранная литература», 1955.

Фостер Уильям З. Очерки мирового профсоюзного движения. Пер. с англ. М., Профиздат, 1966.

Фостер Уильям З. Октябрьская революция и Соединенные Штаты Америки. Пер. с англ. М., Госполитиздат, 1958.

Фостер Уильям З. История трех Интернационалов. Международное социалистическое и коммунистическое движение с 1848 г. по настоящее время. Пер. с англ. М., Госполитиздат, 1959.

Фостер Уильям З. Исторический прогресс мирового социализма. М., Госполитиздат, 1961.

Ананова Е. В. Новейшая история США. 1917–1939. М., Изд-во ИМО, 1962.

Бойер Ричард О. и Морейс Герберт М. Нерассказанная история рабочего движения. Пер. с англ. М., «Иностранная литература», 1957.

Быков Вильям З. Фостер. Страницы жизни и борьбы. «Новая и новейшая история», 1973, № 5, 6.

«Великий Октябрь и прогрессивная Америка». Сб. документов и материалов. М., «Мысль», 1967.

Гречухин А. А. Уильям З. Фостер. М., Государственное издательство

политической литературы, 1969.

Зубок Л. И. Уильям Фостер как историк. «Вопросы истории», 1956, № 2.

«История рабочего движения в США в новейшее время». Под ред. Б. Я. Михайлова и др., т. I–II. М., «Наука», 1970.

Краснов И. М. Классовая борьба в США и движение против антисоветской интервенции. М., Изд-во социально-экономической литературы, 1961.

Козенко Б. Д. Рабочее движение в США в годы первой мировой войны. М., Изд-во Саратовского университета, 1965.

Мостовец Н. В. Рабочее движение в США после второй мировой войны. М., 1957.

«Очерки новой и новейшей истории США». Под ред. Г. П. Севостьянова и др., т. I–II. М., Изд-во АН СССР, 1960.

Петров П. С. Возникновение Коммунистической партии США и ее борьба за легализацию. М., «Мысль», 1971.

Тимофеев Т. Т. Американский империализм и коммунистическое движение, т. 1–2. М., 1966.

Флинн Элизабет Герли. Своими словами. Жизнь бунтарки. Пер. с англ. М., Госполитиздат, 1962.

Фонер Филип С. История рабочего движения в США, т. I–IV. М., «Иностранная литература» — «Прогресс», 1958–1969.

INFO

Г83

Григорьев И. Р.
Уильям З. Фостер. М., «Молодая гвардия», 1975.
208 с. с ил., портр. («Жизнь замечательных людей». Серия
биографий. Вып. 15(556).

Г 70302 — 307/078(02) — 75 Без объявл
ЗКПИ1(092)

Иосиф Ромуальдович Григорьев
ФОСТЕР

Редактор *Г. Сальникова*
Серийная обложка *Ю. Арндта*, заставки *Е. Мухановой*
Художественный редактор *А. Степанова*
Технический редактор *П. Петрова*
Корректоры *К. Пипикова, Г. Василёва*

Сдано в набор 10/VI 1975 г. Подписано к печати 14/XI 1975
г.,

A01468. Формат 84×1081/32. Бумага № 1.
Печ. л. 6.5 (усл. 10,92) + 13 вкл. Уч. — изд. л. 12.6.
Тираж 65 000 экз. Цена 65 коп. Заказ 954.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Адрес издательства и типографии:
103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

Примечания

1

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. 21. М., 1961, с. 352.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 38.

А. А. Гречухин. Уильям З. Фостер. М., Госполитиздат, 1959, с. 19–20.

4

«Правда» от 25/VI 1973 г.

«Правда» от 19/VI 1973 г.